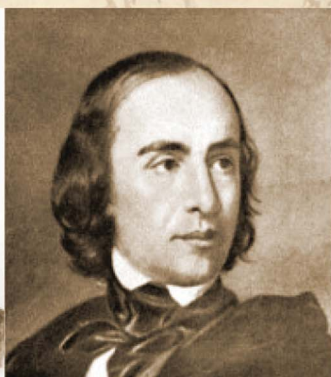
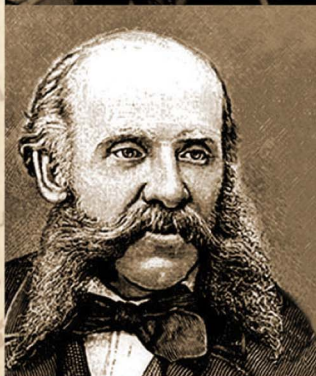
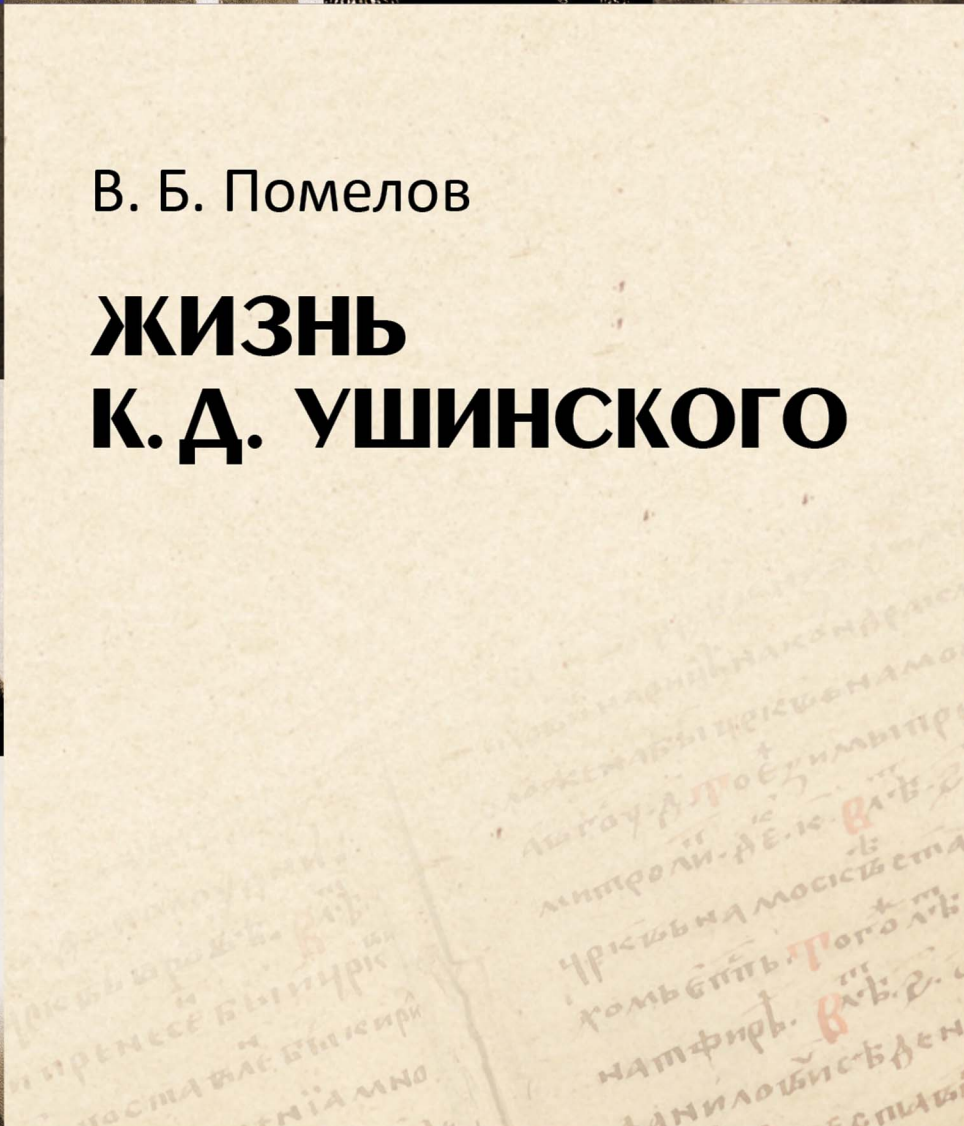

В. Б. Помелов

ЖИЗНЬ К. Д. УШИНСКОГО

монография

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Вятский государственный университет»

В. Б. Помелов

ЖИЗНЬ К. Д. УШИНСКОГО

Киров
2023

УДК 37(092)
ББК Ч403(2)5-8
П551

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

Н. В. Булдакова, доктор педагогических наук, профессор и зав. кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»;

М. А. Захарищева, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Помелов, В. Б.

П551 Жизнь К. Д. Ушинского : монография / В. Б. Помелов. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2023. – 215 с. – ISBN 978-5-98228-262-0.

В монографии раскрываются основные этапы жизни и научно-практической деятельности великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870).

Издание адресовано специалистам в области истории образования и педагогической мысли, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей образования и педагогической мысли.

УДК 37(092)
ББК Ч403(2)5-8
П551

ISBN 978-5-98228-262-0

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Когда родился К. Д. Ушинский?	10
Глава 2. Родители К. Д. Ушинского	18
Глава 3. Новгород-Северская гимназия	27
Глава 4. Московский университет	35
Глава 5. В Ярославле	48
Глава 6. Гатчина	64
Глава 7. Реформа в Смольном	83
Глава 8. Конфликт	98
Глава 9. Редактор журнала	107
Глава 10. Заграничная командировка	127
Глава 11. Последний год	153
Глава 12. Предки и потомки К. Д. Ушинского	162
Глава 13. Память. Заключение	171
Библиографический список	180
Приложения	
I. Друг детства Миша Чалый	187
II. Студенческие кружки в Московском университете	191
III. А. А. Потехин: любимый ученик К. Д. Ушинского	193
IV. Министр народного просвещения А. С. Норов	195
V. Смольный институт благородных девиц	197
VI. М. П. Леонтьева: «злой гений Ушинского» или самоотверженная труженица на ниве просвещения?	207

ВВЕДЕНИЕ

Монография о жизни К. Д. Ушинского выходит в свет в год 200-летнего юбилея великого русского педагога. Намерение написать такую книгу возникло у автора после того, как им уже был опубликован ряд больших работ, посвящённых истории развития педагогической науки в России в XIX в. [56; 57; 58] Естественно, значительное место в этих трудах занимала характеристика заслуг К. Д. Ушинского. Помимо этого у нас вышла в периодических научных журналах и материалах научных конференций целая серия статей, раскрывающих различные стороны жизни и педагогической деятельности как самого Константина Дмитриевича [46], так и его наставников [38; 44; 48; 53; 54], единомышленников [50; 51; 52], соратников [37; 39; 43; 59; 60; 61], учеников [55], последователей [45; 62; 64] и биографов [41; 42; 48; 49], а также повествующих об учебных заведениях, в которых работал К. Д. Ушинский [63]. Все эти публикации создали своего рода фактологическую базу для написания книги о великом русском педагоге. Задача представлялась нам тем более актуальной, что приближался юбилейный 2023 год, что стало дополнительным стимулом к созданию монографии.

Актуальность предлагаемой монографии определяется значимостью научно-теоретического и методического наследия К. Д. Ушинского, а пример его жизни может служить образцом для подражания всё новым и новым поколениям российских педагогов.

В этой связи изучение фактов биографии великого русского учёного и гражданина и его трудов представляется в настоящее время делом важным и актуальным, особенно когда речь идёт о подготовке будущих педагогических кадров.

Целью монографии о К. Д. Ушинском выступает создание научно-художественного, литературного произведения, дающего достаточно цельное и полное представление о нём как о выдающемся россияnine и учёном-педагоге. Для достижения этой цели автором были поставлены следующие исследовательские задачи: всестороннее изучение биографии и трудов Ушинского, создание и реализация в ходе написания монографии историко-педагогической концепции, характеризующей Константина Дмитриевича как великого гражданина, патриота своей страны и учёного.

В качестве материалов при создании данной работы использовались труды самого К. Д. Ушинского, оценка значимости его личности

и наследия со стороны учёных-педагогов разных поколений, выраженная в их трудах, а также воспоминания современников К. Д. Ушинского. Главными принципами в отборе материала выступали достоверность источников, их полнота, объективность непредвзятость в оценке деятельности К. Д. Ушинского, его коллег и оппонентов. Методика исследования состояла: на первом этапе работы – в поиске, анализе и интерпретации научных источников; на втором этапе работы – во встраивании полученных данных в канву историко-педагогического повествования для достижения цели осуществлявшейся автором работы. Главный методологический подход, использованный автором монографии, – аксиологический; в каждой главе и приложениях автор стремился к тому, чтобы выявить самое ценное в трудах и поступках своего героя – великого русского педагога К. Д. Ушинского.

Аксиологический подход реализуется в монографии посредством научного и в то же время художественно-литературного раскрытия основных вопросов содержания, таких как этапы жизни Константина Ушинского, происхождение его родителей, судьбы его потомков, значимость его педагогического наследия для последующего развития педагогики в России.

Новизна монографии состоит в приведении в ней значительного количества новых, а также малоизвестных биографических фактов из жизни К. Д. Ушинского и его семьи, его родителей и потомков. Также мы усматриваем новизну монографии в авторском подходе, который можно охарактеризовать как биографический. Дело в том, что практически все предыдущие книги об Ушинском ограничивались анализом его произведений, что само по себе, разумеется, очень важно и значимо. Но при этом «в тени» оказывалась сама жизнь К. Д. Ушинского, его биография. В предлагаемой монографии автором проведен тщательный анализ биографических фактов жизни Константина Дмитриевича и его близких. Именно биографические факты и положены в основу книги и составляют её главную ценность и новизну, а вот анализ научных заслуг Ушинского занимает в монографии менее значимое место. Такое построение монографии способствует, по мнению автора, расширению её потенциальной читательской аудитории; книга может быть полезна и интересна не только педагогам-практикам (учителям и воспитателям дошкольных образовательных организаций), аспирантам и студентам-гуманитариям, но также и тем читателям, которые, в общем, далеки от педагогической теории и практики, но при этом интересуются российской историей, её исто-

рией и биографиями выдающихся россиян, к которым, несомненно, относится К. Д. Ушинский.

В работе над монографией об Ушинском автора особенно интересовал вопрос о том, каким образом получилось так, что Константин Дмитриевич получил в российском народе такую неслыханно грандиозную посмертную славу; ведь его имя известно в нашей стране любому человеку, даже крайне далёкому от проблем образования и педагогики. При этом он прожил до обидного короткую жизнь. Вся его педагогическая карьера (годы работы в Ярославле, Гатчине и в Смольном) уложилась в неполное десятилетие. Как практический учитель он себя вообще никак не проявил, хотя в памяти потомков остался именно «учителем учителей». Его научные труды, в общем-то, надо признать, в значительной своей части устарели... Возникает вопрос: в чём же заключается феномен Ушинского? За что мы его по-прежнему так тщательно чтим и бережно сохраняем память о нём?

Позволю ответить самому себе вопросом на вопрос: «А за что мы чтим, например, Ю. А. Гагарина? Ведь его достижения были многократно превзойдены Г. С. Титовым спустя всего четыре месяца после полёта космонавта № 1?» А сейчас, как мы знаем, в космос летают космические туристы, артисты... Естественно, мы ценим Гагарина прежде всего за то, что он был *первым*. Так вот и Ушинский тоже был *первым* в своём деле, причём крайне важном для всего российского народа, а именно – в деле создания передовых образовательных учреждений и педагогической науки в России.

Для того чтобы по достоинству оценить заслуги К. Д. Ушинского, необходимо понимать, что представляли собой российское образование и педагогическая наука в годы, когда жил и трудился Константин Дмитриевич. На его счастье, именно в начале 1860-х гг. российское общество неожиданно для себя обнаружило огромный пласт социальной жизни, ранее почти неизвестный и не привлекавший до поры большого общественного внимания. Речь идёт о педагогической науке и педагогической практике, т. е. об образовании. К этому времени педагогика в Западной Европе получила значительное развитие. Это была уже вполне сформировавшаяся наука, представленная такими яркими именами, как Я. А. Коменский, В. Радтке, Й.-Ф. Герbart, Ж.-Ж. Руссо, Д. Локк, Р. Оуэн, Ф. В. А. Дистервег, Ф. Фрёбель, Й. Г. Песталоцци и др. [65] Эти имена до сих пор служат своего рода символами педагогики и известны любому образованному человеку. В Западной Европе чётко оформилась сама профессия учителя, кото-

рая стала занимать самостоятельное и вполне почётное место в ряду других специальностей. Профессора университетов относились к духовной элите общества и занимали в нём значимое место. Немало внимания уделялось решению вопроса разработки системы подготовки учительских кадров.

Разумеется, и в России были такие значительные педагоги, как М. В. Ломоносов, И. И. Бецкой, Н. И. Новиков, Ф. И. Янкович де Мириево и другие, снискавшие известность на ниве просвещения [1; 2]. Однако их деятельность была «делами давно минувших дней». Теперь же в обществе крайне ощущался недостаток как в свежих педагогических идеях, так и в активных педагогических деятелях. По существу, Россия отставала в отношении образования от европейских стран и даже некоторых азиатских государств на сотни лет. В качестве подтверждения приведём лишь два факта. Так, первые университеты в Европе появились в XII–XIII вв., в то время как первый российский университет открылся лишь в 1755 г. В ряде стран школы существовали едва ли не с незапамятных времён. В Китае, например, они возникли по меньшей мере за две-три тысячи лет до новой эры. В то же время, например, в городе Хлынове (Вятке) первая начальная школа была открыта лишь в 1734 г. [95] А ведь Вятская земля была одним из близко расположенных к центру регионов; до Москвы от Хлынова около тысячи километров, что по российским меркам совсем немного. Что уж говорить о дальневосточных, сибирских землях, районах Крайнего Севера и других отдалённых от столицы российских окраинах?!

В XIX в. у прогрессивных европейских педагогов проявлялось стремление соотносить свою деятельность исходя из трёх основополагающих начал: первое – инструкции, программы, планы, правительственные указания и т. п.; второе – собственное педагогическое видение решения конкретных образовательных и воспитательных проблем и, наконец, третье – требования педагогики как специальной, самостоятельной отрасли знания.

В России же в работе передовых учителей проявлялись в лучшем случае первые два начала, а третьего – практически не было, поскольку фактически отсутствовала связно изложенная национальная российская педагогика как цельная наука. Причиной такого плачевного положения вещей было то, что в России не было учёного, который, опираясь на всё то лучшее, что накопил за столетия русский народ в области образования и воспитания, смог бы стать выразителем отечественной педагогической идеи.

Велико было низкопоклонство перед всем иностранным, которое подчас доходило до того, что многие представители российского так называемого «высшего света», как правило, говорили по-французски или по-немецки лучше, чем на своём родном языке. Пренебрежение ко всему русскому – «лапотному» и «сермяжному» – к своему народу, ярко выразившееся в сословной системе «народного» образования, сочеталось с преклонением перед каким-нибудь высмеянным ещё А. С. Пушкиным «французиком из Бордо», которого у себя на родине не пускали дальше кухмистерской, а здесь, в России, вдруг ставили гувернёром, определяли в наставники молодого поколения. Нельзя не отметить, что в эту эпоху среди деятелей просвещения, особенно среди народных учителей, было немало глубоко образованных, горячо преданных делу образования педагогов. Но в целом учебно-воспитательная область представляла собой своего рода анахронизм. Учебные программы и руководства отличались схоластикой и бессодержательностью. Учение держалось на зубрёжке. В обращении с учащимися жестокость и грубые физические наказания не были редкостью, и зачастую школьные годы были временем безутешного горя для детей.

Время и социальные потребности выдвинули на авансцену педагогического движения человека, сумевшего выразить русскую национальную образовательную идею – идею народности в воспитании; гражданина, пробудившего интерес к учебно-воспитательным проблемам. Этим человеком стал гениальный русский учёный, звезда первой величины мировой педагогической мысли Константин Дмитриевич Ушинский, за которым ещё при жизни утвердилась слава «учителя русских учителей». Без какого бы то ни было преувеличения можно утверждать, что К. Д. Ушинский занимает в отечественной педагогике такое же выдающееся место, какое занимают М. В. Ломоносов в естественных науках, А. С. Пушкин – в поэзии, И. Е. Репин – в живописи, М. И. Глинка – в музыке. С выходом в свет педагогических произведений Константина Дмитриевича прогрессивная отечественная педагогическая мысль отныне развивалась «по Ушинскому».

При создании предлагаемой вниманию читателей книги автор более всего опасался того, как бы его работа не стала, выражаясь языком литературных классиков, «лексиконом прописных истин» (Г. Флобер) или «факультетом ненужных вещей» (Ю. Домбровский). Вот почему при создании характеристик героев книги, и прежде всего, разумеется, самого К. Д. Ушинского, мы более всего стремились к

тому, чтобы читатель не мог уличить нас в формализме и бездушии, холодном рационализме и отстранённом «объективизме».

Прежде чем выносить на суд читателя нашу книгу, автор считает необходимым в предельно краткой форме объяснить её «непохожесть» на многие другие работы, посвящённые К. Д. Ушинскому. При создании книги автор исходил из поставленной им перед собой задачи дать живой, биографический портрет К. Д. Ушинского, тем более что практически все публикации отечественных авторов о великом русском педагоге – от монографий и диссертаций до журнальных статей – приводят, как правило, характеристику его трудов и практически не затрагивают биографию. Объясняется это, по-видимому, прежде всего исключительной скромностью самого Константина Дмитриевича, который не оставил практически никаких воспоминаний и других письменных свидетельств о себе, своих близких, друзьях и соратниках. Это крайне усложняет создание его биографии.

Данная книга – это биография Педагога, а не характеристика его научных трудов. Те читатели, кто пожелают ознакомиться с его научными трудами, могут сделать это, обратившись непосредственно к самим книгам Ушинского либо к публикациям о нём. В предлагаемой монографии характеристика его научных трудов представлена в *краткой* форме главным образом с целью подтверждения значимости научного наследия К. Д. Ушинского как такового. Всё вышесказанное и объясняет название монографии – «Жизнь К. Д. Ушинского».

*Данная монография является **одиннадцатым** томом собрания историко-педагогических монографий доктора педагогических наук, профессора Владимира Борисовича Помелова.*

Предыдущие десять томов были изданы в 2018–2021 гг. издательством Вятского государственного университета (г. Киров). Следующий, двенадцатый, том выйдет под названием «Предшественники, соратники и последователи К. Д. Ушинского».

ГЛАВА 1. КОГДА РОДИЛСЯ К. Д. УШИНСКИЙ?

Вопрос о точной дате рождения великого русского педагога – как это ни покажется странным всякому, кто незнакомился с его биографией, – не является решённым официально по настоящее время. Людям, далёким от истории педагогики, в это, по всей видимости, даже трудно поверить. Широко известны точные даты жизни очень многих давно живших и куда менее значимых людей, а вопрос о годе рождения – даже не дне, а именно годе – несомненно, самого выдающегося отечественного педагога Ушинского и по сей день остаётся нерешённым однозначно как научным сообществом, так и на государственном уровне. Рискну предположить, что этот вопрос вообще не будет решён и в дальнейшем.

Чем же объясняется такое странное положение? В данной главе автором предпринята попытка собрать воедино имеющиеся аргументы в пользу различных версий о годе рождения К. Д. Ушинского. Отечественными исследователями установлено, что Константин Дмитриевич Ушинский родился 19 февраля 1823 г. по старому стилю, т. е. по юлианскому календарю. Это соответствует дате 3 марта по новому стилю, т. е. по григорианскому календарю.

День рождения К. Д. Ушинского не вызывает сомнений. А вот год является своего рода камнем преткновения. Родители Кости Ушинского по какой-то причине сразу после его рождения не выписали метрическое свидетельство, а в дальнейшем получение этого так необходимого для каждого гражданина документа оказалось делом небыстрым и очень хлопотным.

В 1832 г., когда сыну было уже девять лет и пора было готовить его к поступлению в гимназию, мать Кости Любовь Степановна специально приезжала в Тулу – город, где мальчик родился, – для получения метрики. Дело сильно осложнялось тем, что к этому времени священник Всехсвятской церкви, когда-то крестивший новорождённого Константина, уже умер, а церковь, будучи всего лишь кладбищенской, не имела собственного прихода и, соответственно, не вела метрическую книгу. (Метрическая книга была документом, в который заносились сведения о родившихся и умерших прихожанах.) С первого приезда Любви Степановне так и не удалось добиться получения документа. Спустя полгода к решению вопроса подключился отец, Дмитрий Григорьевич. Для обеспечения успешного выполнения всех необходимых процедур супругам Ушинским пришлось даже

специально нанимать поверенного в делах, местного канцеляриста И. Е. Хлебникова, которого им рекомендовали как человека опытного и искушённого в решении подобных запутанных дел.

В итоге 8 февраля 1833 г. тульский благочинный протоиерей Старо-Никитской церкви Фёдор Русаков – на основании свидетельских показаний повивальной бабки А. Акимовой, пономаря А. Сергеева, титулярной советницы П. А. Молчановой и старшего сына Д. Г. Ушинского Александра, родившегося вне брака и по закону не считавшегося родственником, – в своём рапорте подтвердил факт законности рождения и крещения младенца Константина Ушинского 19 февраля 1823 г.

Автор одной из первых кандидатских диссертаций об Ушинском Николай Васильевич Зикеев (1902–1970) в архиве МГУ (опись 1840 г., дело № 510) обнаружил составленное Тульской духовной консисторией свидетельство о рождении К. Д. Ушинского.

Приводим его содержание. «По указу его императорского величества из Тульской духовной консистории дано сие надворного советника Дмитрия Григорьевича Ушинского сыну Константину для записи его в какое-либо казённое учебное заведение в том, что, хотя день рождения его, Константина, 1823 года февраля 19-го числа крестившим его города Тулы Всесвятской кладбищенской церкви священником Иваном Семёновым, впоследствии умершим, в метрическую книгу и не мог быть записан, потому что кладбищенским церквям, яко бесприходным, таковые книги от консистории не выдавались, да и к собранию сведений из исповедных ведомостей приступить нет возможности, потому что господин Ушинский на другой год по рождении оногo Константина переместился, как из послужного его списка видно, из Тульской в Полтавскую казённую палату, и он там, пожив два года, переместился в канцелярию г. (господина. – *В. П.*) министра финансов. Следовательно, господин Ушинский на одном месте постоянного жительства не имел, а потому и в исповедных росписях при семействе его оный сын не мог писаться, особенно по его малолетству, коему ныне только ещё десятый год. Но при рассмотрении времени и законности рождения оногo Константина следователям под присягой показали бывший при той кладбищенской церкви пономарь Алексей Сергеев, титулярная советница Прасковья Александровна Молчанова и тульская мещанка вдова Анна Акимова, что подлинно они 1823 года февраля 19 дня были при крещении помянутого Константина – Молчанова восприемницей, а Акимова – повивальной бабкой, а восприемником старший сын его, Ушинского,

Александр, а притом оный Константин и по послужному списку родителя его, господина Ушинского, показан в числе законных детей, имеющих о своём рождении из других консисторий свидетельства. Посему консисториею определено, его преосвященством Дамаскином, епископом Тульским и Белёвским кавалером, утверждено: приемля в основание все вышепрописанные удостоверения, признать означенного Константина законным г. Ушинского сыном, родившимся тысяча восемьсот двадцать третьего года февраля девятнадцатого дня, и потому выдать ему о том на прописанный случай свидетельство, каковое и дано ноября 30-го дня 1833 года. Подписали: протоиерей Иоанн Романов, секретарь Пармен Спорев, губернский секретарь Касионов. М. П. № 2895. Верно: Коллежский секретарь М. Ларионов [13, с. 239–240].

Метрическое свидетельство было составлено в Тульской духовной консистории на основании вышеуказанных свидетельских показаний. Однако консистория дополнительно запросила от поверенного ряд документов, и в частности разъяснение о местожительстве просительницы, т. е. Л. С. Ушинской, причём разъяснение должно было поступить от церковного прихода, в котором она состояла. Разумеется, она состояла в приходе, но по месту жительства, т. е. совсем в другой губернии. Такого рода дополнительные требования по существу своему никак не были связаны с выдачей метрического свидетельства и грозили затянуть на неопределённое время получение метрики.

Цель такого рода канцелярских «задержек» хорошо известна в России и по сей день едва ли не каждому, кто когда-либо добивался от чиновников получения каких-нибудь справок и запросов...

Поэтому для ускорения решения вопроса Д. Г. Ушинский 27 ноября 1833 г. был даже вынужден представить в консисторию прошение аж на имя императора Николая I с приложением своего формулярного списка, в котором были указаны все его воинские и служебные перемещения, а также перечислены награды и заслуги на службе Отечеству, и которое он грозил в случае задержки в выдаче метрики отправить непосредственно царю. Только после этого с санкции епископа 30 ноября 1833 г. герою Бородинского сражения Д. Г. Ушинскому на руки было выдано свидетельство о рождении его сына Константина с указанием даты – 19 февраля 1823 г.

...Спустя тридцать лет история с получением метрического свидетельства сына повторится. Но в этот раз в качестве ходатая будет сам Константин Дмитриевич: ему понадобятся документы для опре-

деления своего старшего сына Павла в военную гимназию. Тут-то К. Д. Ушинский и вспомнил о том, что, когда он увольнялся с должности чиновника департамента иностранных вероисповеданий министерства внутренних дел (МВД) в связи с ликвидацией указанного департамента, свои личные документы, и прежде всего собственное метрическое свидетельство, которое с таким трудом его родители в 1833 г. «добывали» в Туле, он просто... забыл забрать с собой и оставил все документы по месту службы.

После увольнения из МВД события в его жизни складывались таким образом, что без этих, казалось бы, важнейших для каждого человека документов в течение целого ряда лет он как-то обходился и даже не позаботился о том, чтобы получить их. Но наступил такой момент, когда они ему действительно потребовались. Разумеется, он обратился по месту своей бывшей службы. Однако там ему пояснили, что его документы сгорели во время пожара, случившегося в здании министерства в начале 1860-х гг. После этого К. Д. Ушинскому ничего не оставалось, как вести длительную переписку с рядом учреждений с целью получения от них справок, которые в своей совокупности бы могли заменить собой утраченные документы...

Выдающийся лингвист член-корреспондент АН СССР, профессор Василий Ильич Чернышёв (1867–1949) первым среди советских исследователей биографии и педагогического наследия Ушинского обратился к вопросу об определении года его рождения. Длительное время он безуспешно разыскивал метрическое свидетельство К. Д. Ушинского, обращаясь в соответствующие службы в тех городах, в которых работал Дмитрий Григорьевич, отец великого педагога. В ответ на свои многочисленные запросы Чернышёв получал копии служебных формуляров, в которые, как и сейчас, вписывались данные о детях сотрудников. При этом в формулярах указывался обычно не год рождения ребёнка, а его возраст, причём в одних случаях в формуляр вписывалось полное количество лет, в других – неполное. Ясно, что при этом точно определить год рождения не представлялось возможным.

Тогда В. И. Чернышёв обратился в архив МГУ имени М. Н. Покровского, ныне имени М. В. Ломоносова, а в годы учёбы в нём К. Д. Ушинского это был Императорский Московский университет. Там ему выдали копию свидетельства об окончании К. Д. Ушинским Новгород-Северской гимназии, где был указан год его рождения – 1823-й. На этом годе В. И. Чернышёв и остановился. *Именно 1823 г. считают подлинным годом рождения К. Д. Ушинского большинство отечественных исследователей.*

Исследования различных аспектов биографии К. Д. Ушинского предпринимались в 1930–1950-е гг. действительными членами Академии педагогических наук РСФСР Евгением Николаевичем Медынским (1885–1957) и Давидом Онисимовичем Лордкипанидзе (1905–1992), но к каким-то определённым выводам по данному вопросу они так и не пришли. Наконец, в 1960-х гг. историк-архивист А. А. Петухов и профессор Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского А. Н. Иванов обнаружили в государственном архиве Тульской области документы, относящиеся к биографии К. Д. Ушинского, которые подтверждали указанную дату и год его рождения¹.

В статье «Воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии» сам К. Д. Ушинский вспоминает: «Мать моя умерла, когда мне не было ещё 12 лет» [77, с. 314]. А умерла она, как известно, в январе 1835 г. (точная дата её смерти осталась неизвестна). В феврале у Константина Ушинского день рождения, ему исполнилось 12 лет. Отсюда также следует, что он родился в 1823 г. Наконец, в том же 1835 г. Костя Ушинский стал реально посещать гимназию, став учеником сразу третьего класса. (До этого он два года занимался с мамой дома, а в гимназию приходил сдавать переводные экзамены за 1-й и 2-й классы.)

На этом, казалось бы, можно было бы и поставить точку в вопросе о годе рождения К. Д. Ушинского. Однако в некоторых публикациях разных лет приводятся аргументы в обоснование предположения о том, что Константин Дмитриевич родился всё-таки в 1824 г. Так, член-корреспондент АПН РСФСР В. Я. Струминский (1880–1967) на основании вышеприведённой цитаты из Ушинского («Мать моя умерла, когда...») сделал вывод о том, что Ушинский родился в... 1824 г.

Цитируем Василия Яковлевича по его монографии «Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского», вышедшей в 1960 г.: «1835 год. В августе-сентябре этого года Ушинскому, по

¹ Среди наиболее значительных работ А. Н. Иванова (1910–1991), кстати, более известного в Ярославле как профессор геологии: «Материалы о К. Д. Ушинском как редакторе “Ярославских губернских ведомостей”», «Ярославская печать о К. Д. Ушинском» и огромный фолиант «Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле» [18]. По ходатайству Ярославского пединститута Иванов был награждён медалью К. Д. Ушинского за ценные изыскания, связанные с жизнью и деятельностью Ушинского в годы его жизни и деятельности в Ярославле. Президиум Академии педагогических наук РСФСР в декабре 1964 г. присудил А. Н. Иванову премию имени К. Д. Ушинского.

его собственным словам, не было ещё 12 лет, т. е. было 11 с половиной лет, так как он родился 18 февраля². Возвращаясь с 1835 г. на одиннадцать лет назад, получаем 1824 год – совершенно точную и определённую дату рождения Ушинского» [73, с. 27].

Такое утверждение выглядит странным. Ушинский в своих воспоминаниях вовсе не говорит о том, что ему в августе-сентябре не было ещё 12 лет. Его слова – «...не было ещё 12 лет» – относятся ко времени смерти матери, т. е. к самому началу 1835 г., – тогда ему действительно ещё не исполнилось двенадцать – и увязывает он их в связи со смертью матери, а вовсе не с «августом-сентябрём», как пишет В. Я. Струминский. Совершенно ясно, что в «августе-сентябре», т. е. к началу учебного года, Константину уже исполнилось 12 лет. Тем не менее, увы, эта позиция маститого историка педагогики – 1824 год как год рождения Ушинского – стала официально узаконенной.

В своей монографии Струминский указывает, что 1824-й как год рождения Ушинского подтверждали в своих публикациях авторитетные свидетели [73, с. 27]. При этом им называются такие действительно звучные имена, как университетский товарищ и друг Ушинского, автор первого обстоятельного некролога о нём Юлий Семенович Рехневский (1824–1887) [67], первый биограф Константина Дмитриевича, его личный секретарь в последние годы жизни великого педагога Александр Фёдорович Фролков [87], журналист и издатель журнала Альберт Викентьевич Старчевский (1818–1901) [73].

Помимо них с воспоминаниями о К. Д. Ушинском выступили близкий товарищ Ушинского по гимназии Михаил Корнеевич Чалый (1816–1907) [90]³, ближайший друг Лев Николаевич Модзалевский (1837–1896) [39], воспитанница Смольного института Елизавета Николаевна Водовозова, урождённая Цевловская (1844–1923) [4; 5; 55], автор биографии К. Д. Ушинского в биографической библиотеке издателя Ф. Ф. Павленкова Матвей Леонтьевич Песковский (1843–1903) [33; 48; 49], наставник Ушинского в студенческие годы Пётр Григорьевич Редкин (1808–1891) [53; 54], преподаватель Смольного института Дмитрий Дмитриевич Семёнов (1835–1902) [43; 68; 69].

М. К. Чалый, например, вспоминал: «В III классе обратил на себя внимание всего класса, как привлекательной наружностью, так и своим почти детским возрастом, милостивый мальчик лет 12 – Костя Ушинский. Ему не было полных 12 лет. Между тем в III классе были

² Дата 18 февраля является ошибкой.

³ Подробнее о М. К. Чалом см. Приложение I.

старожилы, которым кончался уже второй десяток лет. Пребывание с ними в одном классе грозило новичку неприятностями. На новичка Костю, мальчика женственного, деликатного сложения, всегда чистенько одетого, наши 18–20-летние молодцы с первого же дня поступления в их общество посмотрели косо и стали чинить ему разные гадости» [88, с. 303]. Ю. С. Рехневский в некрологе отмечал, что Ушинский в университете выглядел моложе своих лет [67, с. 8].

Эти высказывания товарищей детства и юности К. Д. Ушинского сами по себе могут, разумеется, иметь определённую значимость, но они ни в коем случае не способны служить основанием для вывода о конкретном годе его рождения. Все упомянутые выше биографы «первой волны» не изучали оригинальные документы, которые могли бы подтвердить высказывавшуюся ими позицию относительно года рождения Ушинского. Каждый из них писал свой некролог или очерк, руководствуясь исключительно своими личными впечатлениями об Ушинском, не прибегая к архивным сведениям и не придавая какого-либо значения году его рождения.

В. Я. Струминский высказал предположение о том, что родители Константина видели, что способности Кости быстро развиваются, и решили не ждать ещё один год, а потому определили сына в гимназию, не дожидаясь, пока тому исполнится 10 лет. Для этого, дескать, и нужно было в свидетельстве от консистории указать 1823 г., т. е. «прибавить» в документах мальчику один год, а фактически он родился, по мнению Струминского, в 1824 г. С таким свидетельством К. Д. Ушинский уже в 1833 г., будучи девятилетним мальчиком, мог быть зачислен в гимназию, что и произошло. (Правда, первые два года он обучался экстерном.) Это предположение не выдерживает критики, так как трудно предполагать, что Д. Г. Ушинский, называя в разных документах и в разное время точные даты рождения всех своих других детей, всё время лгал относительно даты рождения Константина. К тому же это означало бы, что все вышеназванные свидетели, на основании показаний которых было выдано метрическое свидетельство, также сознательно вводили в заблуждение консисторию. Такое просто невозможно предположить, тем более что свои показания они давали под присягой, а лжесвидетельство строго наказывалось законами Российской империи. Да и чего ради было им, людям никоим образом друг с другом не связанным и не имевшим никаких обязательств перед Ушинскими, так рисковать, давая ложные показания?

Все приведённые выше аргументы, казалось бы, не дают оснований для того, чтобы сомневаться в том, что К. Д. Ушинский родился именно в 1823 г. Однако, тем не менее, год рождения К. Д. Ушинского – 1824 год (!) – содержится в Постановлении Совета Министров РСФСР № 398 от 25.06.1946 г. Этим постановлением было утверждено описание медали К. Д. Ушинского, которая вручается педагогам-учёным за крупный вклад в развитие педагогической науки и является официальной ведомственной наградой Министерства науки и высшего образования РФ.

Что же повлияло на принятие решения о том, чтобы считать 1824 г. годом рождения Ушинского? Возможно, решающим аргументом стала позиция В. Я. Струминского. В середине XX в. он, безусловно, являлся самым авторитетным исследователем творчества К. Д. Ушинского. Так, он был редактором 11-томного издания трудов великого русского педагога, издававшегося в 1940–1950-х гг.

Именно он указал «правильные», с его точки зрения, дату и год рождения К. Д. Ушинского – 3 марта 1824 г. С тех пор эта дата и этот год только что не канонизированы. Все официальные чествования памяти этого великого русского педагога «отталкивались» именно от них. Более того, на медали К. Д. Ушинского имеется надпись «1824–1871». По первому году – 1824, нам, что называется, сейчас «всё ясно». А вот 1871 г. указан в связи с тем, что по григорианскому календарю, т. е. по новому стилю, смерть Ушинского пришлась на 3 января 1871 г.

При этом учредителями медали, т. е. правительственными и просвещенческими чиновниками тех лет, совершенно не учитывался тот очевидный факт, что Ушинский жил и умер в соответствии с юлианским календарём, т. е. в 1870 г., задолго – за 48 лет! – до перехода России, точнее уже РСФСР, на григорианское летоисчисление с февраля 1918 г., т. е. спустя много лет после смерти К. Д. Ушинского. Вот почему нет никакой надобности «оформлять» дату его смерти «новым стилем» и вообще каким-либо образом увязывать её с григорианским летоисчислением. В этой связи не только год рождения и год смерти «по Струминскому» – 1824 и 1871, но и даты рождения «по Струминскому» – 18 февраля и 3 марта – также вводят в заблуждение. По нашему мнению, правильно бы было указывать датой рождения 19 февраля, датой смерти – 22 декабря, а годами жизни – 1823–1870. Также следует заметить, что если в 1946 г. надпись на медали «1824–1871» была своего рода проявлением просоветской идеологии, поскольку на «новый стиль» в РСФСР перешли в 1918 г., в первые месяцы «новорождённой» советской власти, то сейчас её сохранение

на аверсе медали представляется явным анахронизмом и, безусловно, требует необходимой поправки⁴.

1871 г. как год смерти Ушинского «всплыл» в 1945 г., когда на государственном уровне было решено отметить 75-летие со дня... смерти – да, да, именно смерти – великого педагога! Официальные торжества проводились 3 января 1946 г., в день 75-летия со дня смерти Ушинского по новому стилю. В наше время торжества по поводу смерти кого бы то ни было представляются делом просто невероятным, даже кощунственным, но в сталинские времена это было нормой. Например, в печально памятном 1937 г. с невероятным размахом, широко и на государственном уровне отмечалось столетие со дня... смерти А. С. Пушкина...

ГЛАВА 2. РОДИТЕЛИ К. Д. УШИНСКОГО

Вопрос о происхождении родителей К. Д. Ушинского, особенно его матери, также требует окончательного выяснения. В данной главе приводятся все известные автору, причём весьма скудные, данные о родителях и некоторых других родственниках Константина Дмитриевича Ушинского и его супруги. Родителями будущего великого педагога были Дмитрий Григорьевич и Любовь Степановна Ушинские.

Д. Г. Ушинский родился в 1787 г. в семье небогатого помещика Харьковской губернии. У Дмитрия Григорьевича были два брата: Моисей (ок. 1770–?) и Владимир (1777–?). Об этих братьях известно следующее. Жену Моисея звали Ульяна Федоровская. Сам он был коллежским советником и членом так называемого «палицынского кружка»⁵. Собственно, Моисей и вошёл-то в историю тем, что он был

⁴ Медалью Ушинского с такой странной надписью награждён и автор данной книги.

⁵ Александр Александрович Палицын (1741–1816), литературный деятель и переводчик. Палицын был автором первого перевода на современный русский язык «Слова о полку Игореве»; он перевёл на русский язык также «Плач Ярославны» и некоторые произведения французских просветителей. В его имении Поповка (теперь село Зализняк Сумского района Сумской области Республики Украина), в шутку прозванном «Поповской академией», бывали Григорий Скворода, Иван Срезневский, Василий Каразин и другие видные малороссийские деятели культуры того времени. Это и был его «кружок». Кстати, именно здесь впервые был поднят вопрос о создании Харьковского университета, и эта идея была вскоре реализована.

одним из членов «кружка» и общался с известными людьми, входившими в него. Другой брат, Владимир, посвятил свою жизнь флоту. Он был командиром (начальником) Охотского порта (1818–1823) и даже имел звание контр-адмирала. В зрелые годы, уволившись со службы, Владимир переехал в своё имение на Черниговщине, где слыл активным членом губернского дворянского собрания. Жену Владимира звали Катерина Карловна.

Кстати, настоящая фамилия Дмитрия Григорьевича была *Вошинский*. Однако в силу того, что фамилия звучала неблагозвучно, он поменял её на *Ушинский*. Д. Г. Ушинский получил весьма высокое для того времени образование в благородном пансионе при Московском университете, что позволило ему впоследствии занимать довольно ответственные должности на гражданской службе.

По окончании пансиона он служил в армии и, между прочим, участвовал в Бородинском сражении. В 1817 г. он вышел в отставку и перешёл на гражданскую службу, на которой трудился ещё в течение 18 лет.

Вопрос о принадлежности к дворянскому сословию в то время был очень значимым для представителей интеллигенции, коим являлся и будущий великий педагог. Получить хотя бы личное дворянство – а ведь было ещё и потомственное! – мечтали очень многие разночинцы⁶. Числиться дворянином было важно и для К. Д. Ушинского, который всё время работал именно в дворянских учебных заведениях. Дворянское звание придавало статус и поднимало человека в глазах окружающих. В послужных списках Константин Дмитриевич «скромно» указывал: «из дворян».

Изначально, однако, его отец вовсе не принадлежал к дворянскому сословию; точнее, он не принадлежал к потомственному дворянству, а заслужил это почётное для того времени звание длительной, продолжавшейся почти полвека беспорочной службой – сначала военной, а потом и гражданской. Наконец 25 октября 1838 г. Черниговское дворянское депутатское собрание, установив на основании послужного списка Д. Г. Ушинского, что он «приобрёл в действи-

⁶ В исключительных случаях стать дворянином мог даже крестьянин, как, например, им стал Осип Иванович Комиссаров (1838–1892), который 4 апреля 1866 г. отвёл руку покушавшегося на императора Александра II Д. В. Каракозова. За это спаситель был возведён в потомственное дворянство под фамилией Комиссаров-Костромской. Кстати, родился он в посёлке, который сейчас носит наименование Сусанино.

тельной воинской и гражданской службе воинские штаб-офицерские чины, приносящие потомственное дворянство, постановило сопричислить Д. Г. Ушинского вместе с детьми его в число дворян Черниговской губернии» [13, с. 244].

Документ о «сопричислении» Д. Г. Ушинского с детьми к дворянскому званию хранился в архиве Московского государственного университета (опись 1840 г., дело № 510). Из этого документа явствует, что отец Ушинского не был дворянином по происхождению, но приобрёл потомственное дворянство в результате своей продолжительной, добросовестной службы в армии и в качестве чиновника различных финансовых учреждений. Долголетняя служба на обоих поприщах и образование дали ему законное право на получение личного дворянства, которое распространялось и на его законнорождённых детей. В числе детей Д. Г. Ушинского, причисленных к дворянскому званию, в документе указаны Константин, Сергей и Екатерина. При этом не упоминается старший сын Д. Г. Ушинского Александр, родившийся 12 апреля 1817 г. вне брака [13, с. 241].

Кто была мать Александра, осталось неизвестно. Александр периодически присутствовал в истории семьи Ушинских. У него, по всей вероятности, было гуманитарное образование; он проявил себя на литературном и журнальном поприще рядом статей и книг, которые подписывал *А. Ушинский*. После смерти своего младшего сводного брата Константина Дмитриевича он даже стремился вытребовать у его вдовы архив великого педагога, включавший огромное количество неопубликованных работ, разного рода варианты и наброски публикаций, частную переписку и т. п. Всё это представляло огромную историческую, литературную и педагогическую ценность. К счастью, вдову педагога Надежду Семёновну взял под своего рода моральную защиту друг К. Д. Ушинского Яков Павлович Пугачевский (1818–1896).

В итоге архив сохранился в семье К. Д. Ушинского. Его наиболее ценная часть была опубликована в четырёх больших томах, но уже много позднее, в 1950–1960-х гг.

О жизни Д. Г. Ушинского сохранилось немного сведений. К великому сожалению, Константин Ушинский не оставил фактически никаких воспоминаний о своей семье и родственниках, что крайне затрудняет создание его биографии. В своих скудных и кратких воспоминаниях он даже не вспоминает об отце, а о матери говорит вскользь. Видимо, воспитательная деятельность отца, да и матери,

если только она была вообще, не оставила в душе юного Константина каких-либо положительных воспоминаний.

Зато очень подробно он рассказывал, например, о Новгород-Северской гимназии, в которой учился, о её внешнем устройстве и, разумеется, о её директоре Илье Фёдоровиче Тимковском [44, с. 116].

К тому же, по всей вероятности, Ушинский не считал биографические подробности жизни своих родителей фактами, имеющими какую-либо общественно значимую ценность. Мать его умерла, когда он был ещё совсем ребёнком; по сути дела, в зрелые годы он её уже плохо помнил. Да и вспоминать своё детство ему, видимо, не очень-то и хотелось в силу того, что отец крайне мало проводил времени непосредственно с семьёй; все силы он направлял на материальное обеспечение своего достаточно большого семейства, и для этого – так уж сложилась его жизнь – ему приходилось жить и работать по большей части вдали от жены и детей.

Д. Г. Ушинский поступил на военную службу 3 апреля 1807 г. Поначалу в звании прапорщика он занимался обучением основам военного дела призванной на армейскую службу дворянской молодёжи. 26 ноября того же 1807 г. за усердную и ревностную службу и «скорое доведение дворян к познанию порядка воинской службы» по высочайшему повелению он был произведён в поручики. 20 декабря 1808 г., согласно его просьбе, Ушинского перевели в пехотный полк. 9 мая 1810 г. за «скорое сформирование из рекрутов батальона и доведение к службе» его произвели в штабс-капитаны.

25 января 1812 г., а также в начале 1813 г. и в конце 1814 г. Д. Г. Ушинский был командирован для набора кандидатов в гренадёры и в элитные, гвардейские войска. Гренадёрами в российской армии в то время называли солдат отборных частей пехоты или кавалерии, вооружённых военной новинкой, – ручными гранатами («гренадами») и огнестрельным оружием.

Гренадёров использовали для штурма вражеских укреплений, т. е. на самых сложных участках фронта. Ясно, что их подготовка должна была вестись особенно тщательно, что возлагало на таких инструкторов, как Д. Г. Ушинский, особую ответственность.

Работа, которой был занят отец будущего педагога, предполагала изнурительные, продолжительные командировки по всей стране. Сложности в выполнении задачи добавляло то обстоятельство, что все рекруты должны были соответствовать определённым, причём очень высоким, антропометрическим показателям. Недаром в России рослых

и крепких парней и сейчас называют гренадёрами. Всего Д. Г. Ушинским было рекрутировано, а затем и подготовлено к выполнению боевых задач восемь тысяч человек. За успешное решение этой важной задачи он был 10 августа 1815 г. произведён в майоры. В годы военной службы Дмитрий Григорьевич участвовал в походах и сражениях, в том числе в Бородинской битве. 30 апреля 1817 г. Ушинский был «за болезнью вовсе уволен от службы с награждением чином подполковника и мундиром» [13, с. 242]. Социальное положение родителей К. Д. Ушинского было таковым, что их никак нельзя было отнести к «старинному дворянскому малороссийскому роду», как до сих пор пишут некоторые «биографы». Д. Г. Ушинский только после прохождения целого ряда воинских и гражданских должностей, на шестом десятке лет был причислен к дворянскому званию; он добился потомственного дворянства тяжёлым многолетним трудом. Правильнее было бы определить его не как дворянина, а скорее как добросовестного военнотружущего и гражданского чиновника первой половины XIX в.

Мать будущего великого педагога Любовь Степановна родилась в 1796 г. По всей вероятности, Дмитрий Григорьевич и Любовь Степановна поженились в период между 1817 г. и 1820 г. Любовь Степановна, как до сих пор принято писать в некоторых публикациях о семье Ушинских, якобы происходила из дворянского рода Капнистов, давшего России, в частности, известного литератора Василия Васильевича Капниста (1758–1823). Так, А. В. Старчевский и М. Л. Песковский указывали, что Дмитрий Григорьевич «вступил в брак с дочерью местного капиталиста, урождённой Капнист» [33, с. 9]. Первым это словосочетание – «дочь местного капиталиста» – использовал гимназический товарищ Кости Ушинского М. К. Чалый, хорошо знавший семью Ушинских именно в период детских лет будущего педагога. Но он утверждал, что мать К. Д. Ушинского носила в девичестве фамилию Гусак, отчего её в обиходном разговоре, «за глаза», и называли *Гусаковна* [90, с. 45]. Ближайший университетский товарищ Ушинского Ю. С. Рехневский также сообщал в некрологе, что «мать его была урождённая Гусак» [67]. Как видим, о Капнистах речь вообще не идёт.

В книге М. Л. Песковского также «фигурирует» фамилия Гусак. Правда, следует заметить, что знакомство того же М. Л. Песковского с Ушинским было, как говорится, шапочным; поэтому в своём очерке об Ушинском для биографической серии Ф. Ф. Павленкова он ис-

пользовал данные, которые ранее приводил в своей статье Чалый, опираясь на личные детские воспоминания.

Редактор Старческий и преемник Ушинского в должности редактора «Журнала министерства народного просвещения» Рехневский хотя и имели с Ушинским достаточно тесные деловые и дружеские отношения, – причём Рехневский, как уже указывалось, знал Ушинского ещё по совместной учёбе в университете, – но всё-таки надо иметь в виду, что ими были написаны не научные работы об Ушинском, а всего лишь некрологи, в которых они, так же как и Песковский, использовали ранее опубликованные материалы, а собственного исследования биографии Ушинского вообще не проводили. Песковский, например, написал небольшую книжку объёмом около 80 страниц, но большая часть опубликованного в ней материала напоминает нечто вроде средневековых «Житий святых», которые, как известно, изобилуют «хвалебными словесами», но содержат слишком мало конкретных фактов. Это тем более досадно, если иметь в виду, что все они имели возможность общаться не только с самим Ушинским, но и с его ближайшими родственниками, коллегами и т. д. Поэтому их работы нам дороги и важны прежде всего как воспоминания лиц, имевших прямое отношение к К. Д. Ушинскому и его семье, но при определении фамилии матери они вряд ли могут служить серьёзным ориентиром.

Только в 1950-е гг. профессором Ярославского пединститута Анатолием Николаевичем Ивановым на основании подлинных документов было доказано, что настоящей фамилией матери К. Д. Ушинского была *Карпинская*. Она была дочерью статского советника Степана Степановича Карпинского (1742–?) из Черниговской губернии и его жены Меланьи Фёдоровны (до 1809–?), урождённой Псёл, а к Капнистам и Гусакам и вообще к каким бы то ни было «капиталистам» никакого отношения не имела, указывает А. Н. Иванов в своей монографии [19, с. 18]⁷.

После излечения от ран и отдыха Д. Г. Ушинский начал гражданскую службу. 3 апреля 1820 г. он получил назначение в Тульскую казённую палату на должность советника по хозяйственной экспедиции. 20 апреля 1821 г. по указу правительствующего сената Дмитрий Григорьевич был перемещён в Полтавскую казённую палату с получением чина коллежского асессора. 20 марта 1824 г. «согласно прошению» он был уволен «для определения к другим делам». 11 февра-

⁷ Скорее, к капиталистам имела отношение не первая, а вторая жена Д. Г. Ушинского.

ля 1826 г. он был назначен в канцелярию министра финансов. Буквально через два дня за выслугу лет его произвели в надворные советники. 4 ноября 1826 г. «по высочайшему соизволению», помимо должности советника по палате, Дмитрий Григорьевич был утверждён в звании члена Вологодского тюремного комитета и исправлял должность вологодского вице-губернатора. 11 июля 1832 г. «вследствие предписания господина министра финансов был перемещён из советников в губернские казначеи с переводом в 7-й класс». 17 мая 1833 г. Ушинский получил назначение советником «по хозяйственному отделению» в Олонецкую казённую палату. 23 февраля 1838 г. он был уволен с должности казначея [13, с. 242–243].

На этом закончилась его гражданская служба, и он наконец воссоединился с детьми в городе Новгород-Северском Черниговской губернии. Здесь он подал заявление о включении его в дворянскую родословную книгу Черниговской губернии, а в 1840 г. был избран на ответственную должность уездного судьи. После смерти жены, последовавшей в январе 1835 г., Д. Г. Ушинский унаследовал в собственность принадлежавшие ей по наследству большой дом с садом на окраине города и два хутора – Солоный и Павловский, с сотней десятин земли и тридцатью крепостными крестьянами.

А. Ф. Фролков описывал поместье Ушинских как дом с обширным двором, службами и прекрасным фруктовым садом. В своих воспоминаниях сам К. Д. Ушинский даёт гораздо более скромное описание; называет этот «устроенный на барскую ногу» дом куда как проще, а именно как «домик моего отца» и хуторок, «куда никто не заглядывал» [77, с. 314]. Впрочем, он также отмечает «прекрасное местоположение» хутора, «богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами», и «огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами». Всё это вместе взятое, отмечает Константин Дмитриевич, рано развило в нём любовь к природе [77, с. 314]. Здесь же, правда, он с горечью замечает: «Мать моя умерла, когда мне не было ещё 12 лет, а отец по смерти матери почти не жил дома, так что жил я один с меньшим братом моим в том хуторке» [77, с. 314].

Московский профессор И. И. Полосин отмечал, что «двенадцать крестьянских дворов хорошо кормили, обували, одевали Ушинских» [36, с. 120]. С этим, если можно так выразиться, «благостным», но, увы, не основанным на каких-либо документах или воспоминаниях утверждением трудно согласиться уже потому, что в таком случае невольно возникает вопрос: зачем тогда Дмитрию Григорьевичу пона-

добилось вести по окончании военной службы прямо-таки мученическую жизнь, обрекая себя на многотрудную службу в разных городах России, причём в постоянном отрыве от семьи? При этом он уже имел военную пенсию, но её, по-видимому, не хватало на достойное обеспечение семьи. Даже смерть жены не позволила ему сразу же вернуться в Новгород-Северск, где его ждали малолетние дети, оставленные на попечение чужих людей. Дети появлялись в семье не в Новгород-Северске, а в городах по месту его службы. Причём Костя родился в Туле уже после того, как отца назначили в другой город. Любовь Степановна вместе с детьми в 1820-х гг. была вынуждена преодолевать все трудности едва ли не походной жизни, будучи постоянно готовой к тому, чтобы вслед за мужем постоянно менять место жительства.

Согласно данным трёх метрических свидетельств Тульской и Вологодской духовных консисторий 28 июля 1832 г. за № 1868–1869 и ноября 1833 г. за № 28–29, у надворного советника Дмитрия Григорьевича сына Ушинского законно родились дети: Константин 1823 г. февраля 19-го, Сергей 1829 г. июля 28-го и дочь Екатерина 1831 г. ноября 24-го числа [13, с. 243]. (Константин родился в Туле, Сергей и Екатерина – в Вологде.) В некоторых источниках упоминается также сын Владимир, родившийся 3 февраля 1819 г., вскоре после рождения скончавшийся [21, с. 24].

Любовь Степановна стоически переносила все тяготы страннической жизни, перебрасывавшей мужа в различные города России. По мере роста численности семьи такая жизнь становилась для неё всё более нестерпимой. Даже в те годы, когда они жили вместе, муж целыми днями пропадал на службе, а ей оставалось заботиться о создании уюта там, где семья вовсе не собиралась оставаться надолго. Вот почему причитавшийся ей по наследству дом с садом с годами становился для Любви Степановны всё более притягательной целью, символом устойчивости в жизни.

К тому же всё более очевидной становилась необходимость постоянного места жительства для обучения детей. Подошло время поступать в гимназию Косте, подававшему большие надежды в плане успехов в учёбе. 10 октября 1833 г. он был записан учеником 1-го класса в Новгород-Северскую гимназию, и Любовь Степановна поселилась в Новгород-Северске. Но уже в январе 1835 г. она скончалась, а её муж был вынужден продолжить службу в Вологодской губернии. В Новгород-Северск он перебрался только в 1838 г.

Всё время после смерти матери Костя, Серёжа и Катя были на попечении чужих людей... Не в этом ли причина столь, на первый взгляд, странного замалчивания будущим писателем и педагогом своего собственного детства в воспоминаниях? В них он восторгается природой родных мест, воздаёт должное директору гимназии... Вот только об отце – ни слова, а о матери – только то, что она умерла, когда ему не было двенадцати лет. И всё...

К. Д. Ушинский стал автором большого количества трудов, в которых неустанно подчёркивал роль матери и отца в воспитании ребёнка, выделял значение семейного уюта в формировании личности ребёнка, но при этом он ни разу (!) не сослался на пример из своей жизни и из своего детства, первое десятилетие которого прошло в постоянных переездах с места на место, а дальше...

Дальше была смерть матери, жизнь с мачехой...

Правда, некоторые биографы утверждали, что вторая жена Дмитрия Григорьевича вполне заменила детям родную мать. Так, М. К. Чалый писал, что мачеха Кости, немка по происхождению, усердно учила его немецкому языку. В гимназии, по его утверждению, юный Ушинский поэтому блистал на уроках немецкого, декламировал и даже переводил Фридриха Шиллера.

В 1837 г. Д. Г. Ушинский женился на Наталье Васильевне Гербель, дочери Василия (Вилима) Родионовича Гербеля и его жены Елены Фридерики. У Натальи Васильевны были четыре брата: Родион, Егор, Василий и Федор, а также сестра Шарлотта, в замужестве Данзас. Всё это были люди, оставившие свой след в истории России, особенно один из братьев Натальи Васильевны, генерал-лейтенант Василий Васильевич Гербель (1790–1870), «командир», т. е. директор, Шостенского (ныне Шосткинского) порохового завода в 1832–1849 гг. Завод был одним из крупнейших военных заводов России, существует он и сейчас. В советские годы там выпускался большой объём киноплёнки «Свема» и фотоматериалов. Кстати, В. В. Гербель, так же как и Д. Г. Ушинский, был участником наполеоновских войн, и в частности Бородинского сражения; героически проявил он себя и в знаменитом сражении под Малоярославцем. Женитьба на сестре столь видного, заметного даже в масштабах всей страны человека позволила Дмитрию Григорьевичу упрочить своё положение в местном обществе. В частности, в 1840 г. он был избран дворянским собранием на должность уездного судьи. Очевидцы вспоминали его как человека честного и бескорыстного.

От брака Дмитрия Григорьевича и Натальи Васильевны в 1843 г. родилась дочь София, сводная сестра Константина Ушинского.

ГЛАВА 3. НОВГОРОД-СЕВЕРСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Во второй половине 1833 г., после оформления свидетельства о рождении Константина, Л. С. Ушинская окончательно поселилась в своём доме с большим садом, имея на руках трёх малолетних детей. Тогда же она начала вести систематическую школьную подготовку Кости. Она устроила мальчика в первый класс местной гимназии. На этом основании в увольнительном свидетельстве, выданном Ушинскому по окончании гимназии, отмечено, что он «поступил в гимназию 1833 г. октября 10 дня в I класс и был в оном год».

Любовь Степановна ознакомилась с учебным планом и гимназическими требованиями и убедила себя в том, что ей вполне по силам самостоятельно обучить мальчика по всем учебным предметам первых двух классов. Вот почему в течение двух лет Костя учился дома, последовательно проходя под руководством матери программу обучения, а гимназию посещал лишь для того, чтобы сдать ежегодный переводной экзамен, или акт, как он тогда назывался. 26 июня 1834 г. на акте Новгород-Северской гимназии Ушинский был удостоен похвального свидетельства.

Можно предполагать, что Любовь Степановна имела немалые педагогические способности, которые, к сожалению, ранняя смерть не дала ей в полной мере проявить. Не исключено, что её сын, будущий педагог, унаследовал от неё некоторые приёмы работы с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, а главное – интерес к учительской работе. Ушинский повторял в своих работах, что лучшее средство подготовки учителей – это соприкосновение их в раннем детстве с выдающимися педагогами. Он справедливо утверждал, что учителя большей частью учат так, как их самих учили в детстве.

Константин Дмитриевич неоднократно высказывался о роли матери в семейном воспитании своих детей. «Трудно выразить в словах, более доступных для выражения грусти или злости, чем отрадного чувства, то особенное светлое нечто, что рождается в душе нашей, когда мы вспоминаем теплоту родимого семейного гнезда, – писал Ушинский в 1860 г. – До глубокой старости остаются в нас какие-то задушевные связи с той семьёй, из которой мы вышли. Нам как-то трудно представить себе, что эти связи уже разорваны навсегда, и это глубокое семейное чувство пробуждается в нас по временам, несмотря на толпу воспоминаний, проникнутых горечью и желчью» [73, с. 34]. Мы согласны с мнением В. Я. Струминского, трактовавшего

эти строчки как, «несомненно, автобиографический материал» [73, с. 34]; особенно, как нам представляется, это касается последних слов. Именно «теплоты родного семейного гнезда» совсем маленькому мальчику, в раннем детстве лишившегося матери, увы, так не хватало.

В детстве Ушинский был, что вполне естественно, завзятым книголюбом. Предпочтение он отдавал исторической литературе. Небольшой город, в котором прошли его школьные годы, давал богатую пищу для фантазий, рождавшихся в голове мечтательного мальчика. Сам он называл их «сложными фантастическими историями и самыми дикими романами» воинственного содержания, в которых он, разумеется, был героем. «Воинственные предания Новгород-Северска, осада его Самозванцем, защита Басмановым, участие в Шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений», «перемешанные с вальтер-скоттовской историей Наполеона и с множеством воинственных повестей» [77, с. 316], помогали юному гимназисту как-то занять свои мысли и развлечь себя во время длинной, в четыре версты, дороги от родного дома до гимназии. Зимой, особенно в сильные морозы, бегать ежедневно в гимназию в плохонькой шинелишке с книгами и тетрадями было особенно тяжело, но ничто не могло удержать мальчика в городе, где бы он мог остаться переночевать.

«Не ночевать одной ночи дома было для меня сильнейшим наказанием», – вспоминал Ушинский [77, с. 315]. Однажды за какую-то провинность его оставил на ночь в своём доме учитель. Ночью Костя не мог заснуть ни на минуту и наутро убежал. Едва он успел дойти до дому, как ему тут же пришлось отправиться в обратный путь для того, чтобы успеть к первому уроку в гимназии [77, с. 315].

В своих воспоминаниях Ушинский, как ни странно, – впрочем, что же в этом странного?! – ничего не говорит о семье, а больше всего о красотах природы и о том впечатлении, какое на него природа производила. «Прекрасное местоположение, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мне любовь к природе. Из хутора я ежедневно должен был ходить в гимназию и ещё до города пройти версты две по живописному берегу Десны. Боже мой, сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих “кручах”, нависших над рекой... Но как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым её шагом, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и

лета. Тающий снег, чернеющий лёд реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилёт птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи, – всё было предметом моего страстного недремлющего внимания, и “впечатления бытия” до того переполняли мою душу, что я ходил как полупьяный. Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими таинственными зелёными глубинами, вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там невесть какое сокровище. И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона? Какие впечатления могут дать им взамен этих живых, сильных, воспитывающих душу впечатлений природы? После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой. Странно, что воспитательное влияние природы, которое каждый более или менее испытал на себе, которое с такой живостью выражается почти в каждой вымышленной и истинной биографии, так мало оценено в педагогике» [77, с. 314–315].

Щедрая природа местного края открывала перед мальчиком неисчерпаемые возможности для проведения элементарных экспериментов, таких как сбор гербария, наблюдения за сезонными явлениями и уход за мелкими домашними животными. Впоследствии любовь к природе и всему живому на земле в полной мере отразится в содержании книг «Детский мир» и «Родное слово», которые насыщены литературной, исторической и естественно-научной тематикой.

Примечательно, что М. К. Чалый в своих воспоминаниях об Ушинском также считает нужным подробно охарактеризовать не родителей Константина, а именно природу родного края, которая, как писал Михаил Корнеевич, оказывала своё благотворное влияние и на самого автора воспоминаний. Вот что он писал о своём юном друге: «Молодые годы его прошли в обстановке мещанского быта маленького города и имели самые тесные отношения с природой. Поэтические окрестности Новгорода-Северского, его высокие горы, Десна, её роскошные луга с детства приучили парня любить природу. С самых ранних детских лет полюбил я природу искренней, бессознательной любовью; в ней одной находил я отраду, забывая все беды своего существования. Она воспитала меня на своём материнском лоне, сохра-

нив в душе моей невинность, простоту и впечатлительность, назло обыденности и грубости, что кругом окружали меня» [88, с. 303].

В школьные годы у Константина сформировался стойкий интерес к русской словесности, иностранным языкам, истории и естествознанию. Мальчик рос завзятым книгочеем. Примеры из этих наук присутствуют практически на каждой странице его учебных книг. А вот математика представлена в них куда как более скромно.

По всей вероятности, эта особенность учебных книг Ушинского берёт своё начало в раннем детстве их автора, когда в знаниях по арифметике у мальчика наметилось очень большое отставание; всё-таки мамины занятия не могли в полной мере заменить ежедневные уроки по математике в гимназии и педагогический опыт учителей-предметников.

Здоровье Любови Степановны становилось всё хуже, и в январе 1835 г. она умерла. Отец должен был возвратиться к месту службы в Вологде. Константин начал регулярно ходить в 3-й класс гимназии и находился на попечении крепостной прислуги вместе со своим семилетним братом Сергеем. Сестра Катя, которой только исполнилось четыре года, находилась в семье родственников покойной Любови Степановны.

Константин Ушинский в 1835–1837 гг., когда отец дослуживал на севере России свою гражданскую службу, считал себя ответственным лицом, на котором должны лежать заботы о младшем брате. «Отец после смерти матери почти не жил дома, – вспоминал впоследствии Ушинский, – так что жил я один с меньшим братом моим в том хуторке, куда никто не заглядывал» [77, с. 314].

Сохранившаяся переписка и другие материалы говорят о том, что Ушинский в университете и по его окончании постоянно беспокоился о судьбе своего младшего брата, а сёстрам: Екатерине и сводной сестре Софии – оказывал денежную помощь до последних дней своей жизни. О старшем брате Александре К. Д. Ушинский ничего не сообщает в своих воспоминаниях и письмах, как, впрочем, и об отце, матери и мачехе. Во второй половине 1830-х гг. Александр Дмитриевич заканчивал получение образования, а в дальнейшем работал в области журналистики.

В 1838 г. отец Ушинского женился вторично. Заброшенный было хуторок в Покровском урочище, расположенном в четырёх верстах от города, оживился, сделался шумным и суетливым. В дом к отцу Ушинского наезжали, по воспоминаниям Чалого, гости; устраивались пи-

рушки и вечера, гремела музыка. Прекратилось уединение, в котором невольно пребывал Константин Ушинский в течение нескольких лет и которое, по его словам, сказывалось на нём отрицательно, развив в мальчишке крайнюю мечтательность. Теперь жизнь обернулась для него, можно сказать, другой крайностью. Он и раньше не всегда бывал готов к занятиям в гимназии по причине большой занятости по дому. Теперь же у него порой просто не было возможности готовиться. Утром он бежал к другу Мише Чалому и наскоро выслушивал с его слов заданные уроки; порой здесь же и завтракал, и оба затем направлялись в школу.

К. Д. Ушинский писал в одной из работ: «Вот папаша, обладающий грубейшими манерами полкового писаря, заботится об аристократичности в манерах своих детей и колотит своего сынишку за то, что он поиграл с сыном дворника» [73, с. 34]. Очень похоже на то, что Константин лично пережил нечто подобное в детстве. Гуманистические наклонности у самого Кости были сильно развиты с ранних лет, а вот его отец всю жизнь стремился подняться к верхам общественной лестницы.

Дорога до гимназии для Кости шла через весь город, на его противоположный конец. Новгород-Северская гимназия располагалась за городом; а дом Ушинских находился на другой стороне города, вёрстах в четырёх от гимназии, тоже за городом, в местности гористой и очень живописной. Таким образом, приходилось совершать ежедневное путешествие в восемь вёрст. На половине пути к гимназии находился дом Миши Чалого, к которому Костя изредка заходил отдохнуть и с которым всегда возвращался из гимназии.

М. К. Чалый отмечал, что у Ушинского не проявлялось признаков какой-либо гордости своим происхождением, и он просто и откровенно беседовал с его родными, иногда завтракал у них, если ему случалось уходить из дому без чаю. Очень скоро Чалый, который был старше Кости на несколько лет, посвятил своего товарища во все таинства охоты с ружьём и уженья. Катанье на лодке Ушинский любил сразу и охотно принимал участие вместе с учениками гимназии в сооружении из досок монастырского забора «флотилии». Что касается охоты с ружьём, Ушинский невзлюбил её с самого начала из сострадания к убиваемым животным.

По пути в школу нередко собиралась целая компания, и мальчишки отправлялись в путь по берегу «зачарованной»⁸ Десны. В дороге

⁸ Так замечательный кинорежиссёр А. П. Довженко назвал свой фильм – «Зачарованная Десна».

ребята осаждали друг друга вопросами по поводу невыполненных домашних заданий. Но вот и гимназия, наконец!

Новгород-Северская гимназия во времена учёбы в ней Ушинского представляла собой школу переходного типа и во многом напоминала старую бурсу, описанную ещё Н. Г. Помяловским (1835–1863)⁹. Ушинский вспоминал: «В гимназии до прихода учителей, как и в киевской бурсе, описанной Гоголем, устраивались различные воинственные игры, оканчивавшиеся иногда порядочным побоищем... Под боком был высокий тенистый монастырский сад, где между двумя рядами могил росли старые ветвистые яблони и груши... Иногда устраивались преинтересные флотилии на соседней громадной луже, причём бывало не без купанья; ученики же постарше бегали иногда и в слободку, расположенную за монастырём и славившуюся весёлостью своих обитателей и ещё более обитательниц. Весной отправлялись в огромные, извилистые рвы, изрывшие меловые окрестности Новгород-Северска; там росла чудная земляника, там же я и сотни подобных мне брали первые уроки в курении табаку из очеретового чубука и глиняной или медовой самодельной трубочки; эти первые уроки оканчивались весьма неприятным опьянением и даже рвотой; иногда давались и гораздо более губительные приятельские уроки и устраивались довольно грязные оргии» [77, с. 312].

В зрелые годы, после того как ему пришлось ознакомиться с целым рядом учебных заведений, Ушинский оценивал положительно работу своей гимназии, несмотря на очевидные недостатки в её работе. Лишившись в раннем детстве матери, а следовательно, и разумного постоянного присмотра, предоставленный большею частью самому себе, Ушинский развивался за время гимназического курса с некоторыми болезненными отклонениями в сторону. Он и сам отмечает некоторые из таких отклонений. «Слишком большое уединение, в котором я проводил большую часть своего времени дома длинные, более чем полтора часовые прогулки в гимназию и назад по пустынным кручам Десны в соединении с несколькими десятками путеше-

⁹ Кстати, впоследствии Ушинский очень ценил творчество Николая Герасимовича Помяловского и, узнав о его педагогических пристрастиях, даже пригласил его на работу в Смольный институт благородных девиц. Однако Помяловский, хоть и дал несколько удачных уроков, всё-таки, по всей вероятности, не чувствовал в себе сильного учительского призвания и предпочёл продолжить писательскую карьеру. В одном из писем Ушинский сокрушается, узнав о смерти 28-летнего Помяловского.

ствий и романов, которые я прочёл в библиотеке отца, оставленной на наш произвол, слишком рано и сильно развили во мне мечтательность» [77, с. 316].

Всё это не могло не отразиться и на учебной работе Ушинского. Обладая блестящими способностями и превосходя своих товарищей по развитию, самостоятельно и при помощи мачехи изучив немецкий язык и научившись без словаря читать немецких авторов, Ушинский в последних классах гимназии относился к учебной работе без надлежащего рвения, обнаруживая, согласно определению совета гимназии, посредственное прилежание. Возможно, здесь сказались домашние обстоятельства, связанные со вторым браком отца и наступившей в доме шумной жизнью; возможно, что в связи с возрастом Ушинского в нём возникал ряд психофизических изменений, нарушавших спокойное течение его жизни.

По воспоминаниям Чалого, «по временам на него нападала хандра: он становился то задумчивым, то раздражительным; в спорах не терпел ни малейшего противоречия. Заложив руки в карманы, ходил по классу, бросая по временам насмешливо-презрительные взгляды по адресу суетившихся за уроками товарищей. Эта эксцентричность была предметом острот товарищей: его звали “учёнейшим” и “философом”» [88, с. 342].

М. К. Чалый вспоминал: «Эта самостоятельная духовная жизнь Ушинского шла, можно сказать, совершенно особняком от собственно гимназической работы. Но это объясняется вовсе не беспечностью его в подходе к гимназическим занятиям, а сильным увлечением самостоятельной работой над собственным развитием. Впоследствии прохождение университетского курса доказало, что работа эта была удачна. Насколько же она была упорна, можно судить, между прочим, по следующему факту. Желая расширить сферу доступного ему чтения, Ушинский, будучи ещё гимназистом, настолько изучил, без посторонней помощи, немецкий язык, что стал читать Шиллера. Это свидетельствует о любви к труду и уменье быть упорным в нём» [88, с. 342].

Выпускной экзамен, произведённый в июне 1840 г., обнаружил, что у Ушинского имеются знания по всеобщей и русской истории – отличные, в российской словесности – отличные и хорошие, в географии, статистике и Законе Божьем – хорошие, в латинском языке, физике, рисовании и чистописании – достаточные, в математике – слабые и посредственные. На этом основании ему было отказано в получении аттестата об окончании гимназии. В увольнительном сви-

детельстве, помимо успехов в ряде предметов, особо отмечены поведение и прилежание. О поведении Ушинского сказано: «Первое: в отношении к соучащимся вёл себя прилично, не обнаружив никаких склонностей, достойных осуждения; второе: в отношении к начальству оказывал должное уважение и приветливость и вообще был поведения хорошего». В отношении прилежания отмечено, что «при превосходных дарованиях старание к приобретению знаний употреблял посредственное».

Увольнительное свидетельство было выдано К. Д. Ушинскому «по его прошению для дальнейшего образования в императорском Московском университете». Под свидетельством значились подписи директора Андрея Боторовского, инспектора Герасима Ивановского, законоучителя Василия Лачевского и учителей: математики Иосифа Бонче-Осмоловского, латинского языка Карла Микульского, русской словесности Федора Киреева, физики Матвея Домидовского, истории Михаила Ерофеева, немецкого языка Эдуарда Штранге и французского языка Ромуальда Саковича.

И снова обратимся к воспоминаниям М. К. Чалого: «В своём увлечении самостоятельной работой над самим собою Ушинский зашёл, однако, так далеко, что, даже несмотря на блестящие способности, не выдержал выпускного гимназического экзамена и не получил аттестата. Но гимназия, обделившая его аттестатом, снабдила кое-чем поважнее всяких аттестатов. Она дала ему истинную зрелость ума и воли, сберегла его энергию и силы, развила в нём веру в самого себя, любовь и способность преодолевать препятствия. Обладая такими задатками, вообще очень важными в жизни, и тем более при неудачах, юный Ушинский нисколько не растерялся, получив первый щелчок на пороге выхода из школы в жизнь. Он с жаром принялся за приготовление к вступительному университетскому экзамену, отправился в Москву, успешно выдержал экзамен и в 1840 году, т. е. одновременно с бывшими своими гимназическими товарищами, был зачислен в число студентов Московского университета, на юридический факультет» [88, с. 342]. Вместе с окончанием учёбы в гимназии порываются те связи, которые соединяли его с отцом. Студенческая жизнь Ушинского стала началом его самостоятельной жизни и в материальном отношении. От отца он уже не получал достаточного пособия и содержал себя уроками, а вскоре принял на себя заботы и о младшем брате.

ГЛАВА 4. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В 1840 г. закончилось детство и отрочество Константина Ушинского. Он стал студентом Императорского Московского университета. Сама поездка в Москву переполняла юношу эмоциями и надеждами. По-видимому, позднее он пытался написать цельный рассказ об этом своём путешествии и включить его в книгу «Детский мир». Однако в итоге остался лишь набросок, который, тем не менее, достаточно полно передаёт то состояние, в котором находился юноша в этот период своей жизни. На это ясно указывает приводимый ниже отрывок из его воспоминаний.

«Выпускной гимназический экзамен окончен; аттестат на руках: пора собираться в университет. Трое из нас выбрали отдалённый университет – Московский. Почему? – трудно решить. Какое-то неизъяснимое очарование скрывалось для нас в слове “Москва”. Нанят троечный извозчик, – мы были не довольно богаты, чтобы ехать на почтовых, – отслужен напутственный молебен. Я плакал горько, прощаясь в первый раз с родным гнездом; но в этих слезах было и какое-то отрадное чувство: широкий мир, о котором мы только мечтали, наконец, открывался перед нами! Но вот и красивые горы, с которых съезжал когда-то удалой князь Игорь, отправляясь на половцев, и главы Спасовского монастыря, в котором скрывался когда-то беглый инок, задумавший сделаться царём на Москве, – скрылись вдали... Мы ехали дней 12. Мценск показался для нас хорошим городом, Орёл и Калуга громадными, красивыми городами для нас, не видевших до того времени ничего лучше Новгород-Северска.

Но что же должны были мы почувствовать, когда наш ямщик, выезжавший обыкновенно до света, когда мы ещё крепко спали в кибитке, разбудил нас, говоря: “Не хотите ли, господа, взглянуть на Москву!” Сон слетел с нас в одну минуту, и мы, стоя на передке, смотрели во все глаза, смотрели и не понимали: неужели это один город обхватил полгоризонта? Москва ещё была вёрстах в 30 от нас, едва виднелась в светлом утреннем воздухе; а верхушки церквей и колоколен ярко блестели своими золотыми главами, видны были, – и впереди, и направо, и налево, составляя громадный полукруг. Мы остановились где-то неподалёку от Сухарёвой башни...» [13, с. 247–249].

Со времени своего основания в 1755 г. Московский университет неизменно был центром не только научной мысли, но и общественно-умственной жизни России. Таковым он оставался и в первой поло-

вине XIX в., в годы учёбы К. Д. Ушинского. Бывший студент Московского университета М. Ю. Лермонтов вспоминал свою альма-матер такими словами:

*Святое место! помню я, как сон,
Твои кафе́дры, залы, коридоры.
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том.
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями.
Их сюртуки, висящие клочками...*

Не сохранилось каких-то конкретных свидетельств того, насколько успешно прошёл Константин Ушинский вступительные испытания. В справке об окончании Московского университета, выданной К. Д. Ушинскому, указано, что он «поступил в Московский университет на юридический факультет в августе 1840 г. по свидетельству Новгород-Северской гимназии и удостоен звания студента Московского университета по надлежащем испытании, каковому подвергались все поступающие в университет».

Ушинский выбрал Московский университет местом своей учёбы потому, что в первой трети XIX в. он занимал ведущее место в общественной жизни России. Для мыслящей интеллигенции это было время осмысления уроков декабрьского выступления 1825 г., размышлений о прошлом, настоящем и будущем России. Элементы некоторой университетской автономии, дарованной императором Николаем I и зафиксированной в его уставе, порождали у студентов и преподавателей нечто вроде чувства свободы и независимости от царившего в стране полицейско-помещичьего режима.

Традиция свободомыслия находила своё конкретное воплощение в работе студенческих кружков. Эти кружки были не только центрами развития общественной и культурной мысли, местами встреч единомышленников, но и своего рода предшественниками тайных обществ, собраний заговорщиков и, наконец, партий. Многие из них носили даже антиправительственный характер. (Подробнее о деятельности студенческих кружков в Московском университете см. Приложение II.) К тому времени, когда Ушинский стал студентом, память о славном поколении студентов-бунтарей ещё была свежа и передавалась из уст в уста на молодёжных вечеринках.

Состав студенчества был достаточно пёстрым. В университет принимали людей самых разных сословий, за исключением крепостных крестьян. Вчерашний крепостной, ныне ставший разночинцем, мог сидеть на одной университетской скамье с сыном своего бывшего барина и пользоваться с ним, в общем-то, одинаковыми правами, которые давало ему звание студента. На лекции одни слушатели приходили пешком, другие – на извозчике, третьи, – как, например, А. И. Герцен, – в собственном экипаже. Тем не менее студенческое товарищество объединяло молодёжь всех сословий в единую студенческую семью. «Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучён от “воды и огня”, замучен товарищами», – вспоминал в «Былом и думах» тот же А. И. Герцен.

Значительная часть студентов была, как и К. Д. Ушинский, из разночинцев и обедневших дворян, которые прекрасно осознавали необходимость получения университетского образования. Они стремились выучиться, получить солидную специальность, чтобы иметь возможность зарабатывать себе на жизнь. Поэтому и отношение к занятиям у них было серьёзное.

Казённокоштные студенты, жившие на казённый счёт в общежитии, питались и одевались крайне плохо. В. Г. Белинский жаловался родителям, что «в форменной одежде, кроме аудитории, нигде нельзя показаться, ибо она в крайнем пренебрежении...», а «новой шить не собираются»; «я весь обносился»; «шинелишка развалилась, и мне нечем защищаться от холода...». Как вспоминали современники, уже в студенческие годы он имел измученный, истощённый вид. Бытовые условия в общежитии, где жили казённокоштные студенты, были, по признанию тогдашних студентов, также неудовлетворительны. Многолюдство создавало обстановку, неблагоприятную для занятий. «Теснота, толкотня, крик, шум, споры: один ходит, другой играет на гитаре, третий на скрипке, четвёртый читает вслух – словом: кто во что горазд. Извольте тут заниматься!» – жаловался Белинский в письме к родителям. «Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть».

Константин Ушинский сразу оценил недостатки жизни в общежитии и поэтому снял отдельную комнату в городе, а на жизнь зарабатывал частными уроками. Он с болью писал в дневнике: «Нужно оставить приватные уроки! Но существовать на что?.. Проклятая бедность!» [78, с. 14] Отец обещался было посылать ему ежемесячно определённую сумму, но служебные дела его пошли самым неблаго-

приятным образом; из-за болезни он был принуждён окончательно оставить службу и, будучи обременённым несколькими несовершеннолетними детьми, не мог более помогать Константину.

Несмотря на трудные бытовые условия, в студенческих обществах царила напряжённая умственная жизнь. В центре внимания студентов были политические события, новинки литературы, обсуждение лекций любимых и нелюбимых профессоров, разговоры о будущей службе.

Активной была издательская деятельность университета, которая не ограничивалась печатанием только научных трудов и знакомила студентов с новинками отечественной и европейской литературы. Именно в университетской типографии впервые увидели свет такие произведения, как «Сонеты» А. Мицкевича, «Записки охотника» И. С. Тургенева. Интерес студентов к науке в Московском университете 1820–1830-х гг. был чужд карьеризма, с одной стороны, и академизма – с другой. Наука в те годы, как отмечают историки университета, не уводила от жизни, а была тесно связана с окружающей действительностью.

Всё, что известно о студенческих годах К. Д. Ушинского, его биографы узнают из воспоминаний его однокурсника Ю. С. Рехневского. «Уже во время приёмных экзаменов и первых лекций в университете мы все, – писал Рехневский, – обратили внимание на Ушинского, тогда весьма молодого человека, почти мальчика, с чёрными выразительными глазами, с умным и грустным симпатичным лицом, живая и бойкая речь которого с чуть заметным малороссийским акцентом, оригинальные и резкие суждения по поводу университетских лиц, тогдашних театральные и литературные явления и всего того, что интересовало наш университетский мир, невольно возбуждали общее сочувствие, какое возбуждает всякий, выходящий из ряда обыкновенных молодой человек» [67, с. 405].

Студент Ушинский выделялся в студенческой семье. Его меткие замечания о том, что волновало его товарищей, облетали университет. Со свойственной ему прямоотой и резкостью Константин порицал тех преподавателей и студентов, которые отклонялись от нравственных идеалов. «Студенты-аристократы, любившие пускать пыль в глаза французскими фразами, рысачами, франтовскими мундирами и модными затеями, страшно боялись Ушинского, которого остроты попадали очень метко», – вспоминал Рехневский [67, с. 409]. Эти молодые люди занимались наукой как бы «между прочим» и больше надеялись

на поддержку влиятельных родителей. Что касается юного Ушинского, то он водил дружбу со студентами-разночинцами, делился с ними «последним рублём и последней трубкой табака» [67, с. 409].

Как и в гимназические годы, Константин держался скромно, но всегда помогал товарищам, когда они испытывали затруднения в учёбе. Он, отмечал Ю. С. Рехневский, «с необыкновенной лёгкостью и быстротой усваивал он самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически. Нередко случалось, что после выслушивания лекции, в которой нам преподавалась какая-либо слишком мудрёная теория (например, теория владения по римскому праву и разъяснение немецких юристов или Нибуровские идеи о древней римской истории), слушатели, плохо поняв суть дела, обращались к Ушинскому» [67, с. 407].

К. Д. Ушинский не скрывал свои смелые, независимые воззрения. Например, в первой половине XIX в. в российской, так называемой просвещённой среде было распространено преклонение перед Наполеоном Бонапартом. Казалось бы, само имя французского изверга должно было быть навеки проклято в нашем народе. Однако галломания не стала слабее даже после варварского похода французских войск в Россию в 1812 г. Вспомним толстовского Петра Безухова, который гордо именовал себя Пьером. А ведь это был ещё вполне положительный персонаж! Великий русский писатель недвусмысленно показал предательство интересов своего Отечества со стороны имущих классов. На наш взгляд, именно в этом грозном предостережении, сбывающемся на каждом «повороте» российской истории, и состоит главный замысел его великого романа! Как никогда актуально это предостережение звучит именно сегодня! Так вот, К. Д. Ушинский резко высказывался против Наполеона и других европейских тиранов за его посягательство на жизнь и свободу целых народов.

Критиковал он и Вольтера, – за его бесцеремонное вторжение в область свободы совести; ведь тот, по сути, предлагал насильственное внедрение атеизма. Чем же тогда это «внедрение» отличается от насаждения клерикализма с его инквизицией и индульгенциями?!

Важнейшим правовым актом, определявшим устройство и порядок деятельности вуза, был университетский устав, положениям которого должны были подчиняться ректор и попечитель университета. Должность попечителя была введена в период учреждения министерства народного просвещения, в 1802 г. Первым её занял товарищ (заместитель) министра, видный деятель русского Просвещения Михаил

Никитич Муравьёв (1757–1807); при этом он был одновременно попечителем Московского учебного округа.

Принятый 26 июля (7 августа) 1835 г. новый университетский устав передавал управление университетами в руки попечителей учебных округов, назначаемых министерством народного просвещения. Совет профессоров лишался самостоятельности в учебных и научных делах. В университете полагалось иметь три факультета: юридический, медицинский и философский, причём последний имел историко-филологическое и физико-математическое отделения. С целью поощрения преуспевавших в науке студентов им ежегодно вручались золотые и серебряные медали: на философском факультете по две, а на юридическом и медицинском – по одной.

В уставе появилось положение об университетской полиции, которая имела своей целью «соблюдение благочиния и порядка между принадлежащими к университету лицами, содержание в чистоте зданий и предохранение их от опасности огня».

Изменения, внесённые в устав, отменяли университетскую автономию. Отныне попечители учебного округа должны были осуществлять постоянный и тщательный надзор за их повседневной деятельностью, при этом уделяя особое внимание соблюдению студентами и преподавателями высоконравственного поведения и законодательства Российской империи. Ставшая фактически национальной идеей триада министра народного просвещения С. С. Уварова («самодержавие – православие – народность») имела к деятельности высших учебных заведений первоочередное отношение.

Во времена учёбы Ушинского важную роль в деятельности Московского университета играл его попечитель граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882). Одновременно он был и попечителем Московского учебного округа. Строганов принимал участие в составлении нового университетского устава, и ему же суждено было воплотить в жизнь программу обновления высшего образования в 1835–1847 гг. Этот период его попечительства вошёл в историю российского высшего образования как «строгановские времена», и это была, пожалуй, наиболее успешная эпоха в развитии Московского университета в досоветские годы.

С. Г. Строганов длительное время (1837–1874) был председателем университетского Общества истории и древностей российских. Он исходатайствовал для него титул Императорского и ежегодную субсидию на издание научных трудов. Сергей Григорьевич был зна-

током русской нумизматики и иконописи. Он подарил университету свои огромные коллекции монет, горных пород, а университетскому Ботаническому саду – семена редких китайских растений. Особую заботу С. Г. Строганов проявлял об устройстве университетской астрономической обсерватории, новых специализированных кабинетов. Он тратил немалые личные средства на приобретение необходимых приборов и учебных пособий, на награды лучшим студентам и профессорам. Все эти благодеяния снискали ему, как некогда М. Н. Муравьёву, заслуженную славу «просвещённого покровителя наук».

А. И. Герцен лично неоднократно общался с С. Г. Строгановым, вёл с ним беседы и вспоминал о нём следующее. «В графе Строганове, – писал Герцен после одной из таких бесед в своём дневнике 26 ноября 1843 г., – бездна рыцарски благородного. Длинный замечательный разговор». После второго посещения 17 декабря 1844 г. Герцен оставил в дневнике такую запись: «Я долго был у него; расстались, кажется, довольные друг другом; странный он человек, но я уважаю многое из его качеств и, без сомнения, он очень важен для Московского университета и для просвещения всей России». Особой заслугой попечителя стало увеличение и обновление профессорско-преподавательского состава, который привлёк молодых квалифицированных специалистов. «Он выуживал их отовсюду, посылал за границу, поощрял и защищал на кафедре от подозрительных правительственных верхов и старомодных завистников-коллег. Это был человек типа Муравьёва, но большего калибра, который преодолел не только житейское, но и учёное дилетантство меценатов, стал настоящим учёным». Как вспоминали современники, он буквально наводнил университет талантливыми профессорами, составившими его славу. Среди них такие незабвенные имена, как М. П. Погодин, О. М. Бодянский, Н. И. Крылов, Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьёв, Ф. И. Буслаев, П. Н. Кудрявцев и др.

После изменения университетского устава состав профессоров Московского университета, при энергичном содействии С. Г. Строганова, был почти полностью обновлён. Правда, некоторым профессорам, так сказать, старой формации, привыкшим читать лекции, водя пальцем по замусоленным конспектам, составленным не один десяток лет тому назад, предоставили, в порядке исключения, возможность дотянуть до пенсии. Большую же часть профессоров составляли молодые люди, воспитанники бывшего профессорского института в Дерпте (ныне Тарту), недавно возвратившиеся из-за границы, глав-

ным образом из Германии. Они имели большой запас свежих знаний и прочную философскую закваску. Всё это сочеталось у них с горячей преданностью науке и делу образования. Правда, не все из указанных выше профессоров работали в университете в годы обучения в нём К. Д. Ушинского; некоторые появились здесь лишь в конце 1840-х гг. Особую роль в формировании личности будущего великого русского педагога сыграли Т. Н. Грановский и П. Г. Редкин [94].

«Московский университет гремел тогда по всей России, – писал К. И. Бестужев-Рюмин о 1840-х гг. – Он поднялся на такую высоту, что давал тон всей умственной жизни русского общества: во всех концах России были его ученики, разносившие далеко о нём славу. В эти годы Московский университет был общим чаянием почти всего, что было мыслящего в России, верховным ареопагом в деле науки; он блистал плеядой талантов в разных родах и разных направлениях: Соловьев и Шевырев, Катков и Редкин, Грановский и Крылов, Кавелин и Морошкин, Кудрявцев и Чивилев, – что может быть противоположнее по таланту и направлению, по складу ума и характера? Над всем этим разнообразием умов, характеров и даже направлений подымалось одно общее свойство – дух высокой нравственности» [93, с. 30–32].

В аудиториях университета кипели споры западников и славянофилов о путях развития России. Публичные курсы лекций и диспуты главы западников, блестящего учёного-историка Тимофея Николаевича Грановского (1813-1855) собирали всю московскую интеллигенцию 1840-х гг. Он прожил до обидного короткую жизнь, но, тем не менее, сумел оставить добрую память, непреходящую вплоть до наших дней. Образование Грановский получил в Санкт-Петербургском (1832–1835) и Берлинском университетах (1836–1839). Именно он «привёз» в Россию идеи Г. Ф. Гегеля об утверждении свободы мысли и творчества, прав людей и важности распространения просвещения. Всю оставшуюся жизнь Т. Н. Грановский служил на кафедре всеобщей истории Московского университета. Он обладал негромким голосом и несовершенной дикцией, но, тем не менее, очень скоро стал самым популярным лектором университета. На его лекции устремлялись студенты всех факультетов, и места в аудитории приходилось занимать заблаговременно; многие слушатели сидели на ступеньках кафедры.

Т. Н. Грановский избегал внешних эффектов, излагал материал просто и естественно, но при этом производил на аудиторию неотра-

зимое впечатление. Причиной успеха было, прежде всего, само содержание лекций, взгляд на историю как на процесс, осмысление её закономерностей, а также прекрасный язык, полнота и ясность мысли. Студенты настолько любили преподавателя, что им было недостаточно только его лекций. Грановскому пришлось назначить время для дополнительных занятий. Искренность и серьёзное отношение к студенческой молодёжи сделали его кумиром мыслящей молодёжи. Именно в 1840-е гг. Т. Н. Грановский стал известным общественным деятелем. Он входил в круг московских «западников», являлся одним из его основателей и лидеров. Западничество было направлением общественной мысли России, представители которого выступали за отмену крепостного права и развитие по примеру стран Западной Европы. Тимофей Николаевич выступал как умеренный западник и, естественно, никогда не отрекался от русской культуры.

К. Д. Ушинский в свои молодые годы был не только студентом П. Г. Редкина (1808–1881), но и всю последующую жизнь считал себя его учеником. Причём влияние Редкина на молодого Ушинского продолжалось и после окончания Константином университета. Более того, это влияние только усилилось, когда Редкин стал устройтелем ряда журналов и первого в России педагогического общества.

Постоянное общение Ушинского с Редкиным на почве публикации статей и выступлений на заседаниях педагогического общества во многом духовно обогащало молодого педагога. Впоследствии К. Д. Ушинский неоднократно говорил о благотворном влиянии на него со стороны П. Г. Редкина как педагога-учёного и как личности. П. Г. Редкин вполне мог бы считаться первым по-настоящему крупным российским педагогом-теоретиком, популяризатором педагогической науки, учредителем первых педагогических журналов. Собственно говоря, он, несомненно, и был таковым. Разумеется, вклад Ушинского в развитие русской школы и педагогики невозможно переоценить. Он – гений. Медалью с его профилем награждают крупных отечественных учёных в области педагогики. Его идеи вплоть до настоящего времени остаются в числе наиболее важных и актуальных и определяют магистральное направление развития современной российской педагогики. И всё-таки, воздавая должное К. Д. Ушинскому, не будем забывать о том, что его педагогическое наследие фундировано трудами и мыслями предшественников «учителя русских учителей», среди которых наиболее значительным следует признать именно Петра Григорьевича Редкина, первого крупного российского учё-

ного-теоретика. Профессор П. Г. Редкин работал в Московском университете в 1835–1848 гг. Его бывший студент М. В. Шимановский вспоминал: «Направление, которого держался Редкин в своём преподавании, заключалось в том, чтобы научить нас мыслить, и мыслить самостоятельно!» [94, с. 23]

Бывший студент Юлий Семёнович Рехневский (1824–1887) отмечал: «Он верил сам и побуждал верить студентов в то, что наука и цивилизация могут и должны побороть всякое зло на земле, водворят свободу и мир, осчастливят людей» [67, с. 10]. В 1840-х гг. высказывание таких взглядов было ещё возможно. Рехневский также писал: «Лекции П. Г. Редкина, “всегда увлекательные, переходили иногда в восторженные импровизации, которые производили на слушателей потрясающее действие”» [67, с. 10].

По справедливому выражению В. Я. Струминского, П. Г. Редкин попытался дать «теоретический скелет» педагогической науки [74, с. 7]. Эта идея Редкина была в дальнейшем развита целой плеядой замечательных русских педагогов во главе с К. Д. Ушинским. Редкин придавал особое значение философии, и это неудивительно – ведь он был непосредственным учеником великого философа Гегеля. В то же время философия тогда в университете вообще не преподавалась. Более того, близкие философии логика и психология были составной частью курса... богословия. Выход Редкиным был найден неординарный: свой курс энциклопедии законов он буквально «пропитал» философией и при первой же возможности обращал внимание студентов на философскую «подкладку» высказывавшихся им идей и положений. Он стремился к тому, чтобы научное мировоззрение его учеников формировалось сквозь призму философских воззрений его научного кумира.

Ю. С. Рехневский вспоминал, что Грановский и Редкин очень удачно дополняли друг друга. Первый, отличавшийся большим мастерством чтения, действовал преимущественно на чувства слушателей, вызывая в них живой интерес к истории, но не пробуждая, однако, особенно усиленной работы ума. Второй же, наоборот, не отличался лекторским дарованием, но увлекал слушателей обширностью и глубиной эрудиции, неумолимой логикой. Слушание его лекций вызывало усиленную работу мысли.

Имея в университете таких наставников, как Т. Н. Грановский и П. Г. Редкин, студент Ушинский обрёл возможность полностью отдаться плодотворной учёбе и занятиям наукой. Прежде, в Новго-

род-Северске, об этом он мог только мечтать; в самом деле, в гимназии он мог узнавать «только кое-что то из той, то из другой науки» [78, с. 17]. Полученные в школьные годы знания, по его словам, не достигали «той полноты подготовительных сведений, которой можно и должно требовать от гимназии» [78, с. 17].

Согласимся с мнением В. Я. Струминского, утверждавшего, что наиболее благотворное влияние профессоров П. Г. Редкина и Т. Н. Грановского на личность юного Ушинского способствовало формированию его ранней, но прочной умственной и нравственной зрелости под влиянием особенно благоприятных условий [73, с. 49].

Помимо Грановского и Редкина, большой популярностью среди студентов пользовались также лекции профессора Чивилева по политической экономии и лекции профессора Н. И. Крылова по римскому праву.

Особенностью начала 1840-х гг. было то, что именно в эти годы в умах передовой, интеллектуально подготовленной части русского общества стало постепенно пробуждаться политическое сознание. В отечественной литературе этот период стал временем переворота и самого интенсивного развития. Появилось большое количество периодических изданий, причём в том числе серьёзных: общественно-политических, литературных и даже литературно-критических, а также педагогических. Часть из них («Современник») печатала материалы, наполненные идеями заботы о народе, о мужике и его благе, о народных идеалах. И хотя всё это были чисто теоретические литературные упражнения, авторы которых – вполне благонамеренные представители успешной в социальном отношении интеллигенции – стремились всего лишь немного «подразнить престол» и выяснить для себя «размеры» возможной, относительно безопасной фронды, тем не менее, их статьи, в которых временами звучала даже неприкрытая критика самодержавия, формировали в читателях, прежде всего в студентах, чувство здорового реализма и порождали разного рода стремления общественно-политического свойства.

Идея здорового реализма и поиск путей к облегчению жизни крестьянина-кормильца привели в итоге к практике «хождения в народ». «Статьи Белинского судорожно ожидались молодёжью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейни спрашивать, получены ли “Отечественные записки”; тяжёлый номер рвали из рук в руки. “Есть Белинского статья?” – “Есть”, – и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со

смехом, со спорами... и трёх-четырёх верований, уважений как не бывало», – вспоминал А. И. Герцен в своих мемуарах «Былое и думы». В свободное от занятий время московские студенты любили проводить свободные часы в трактире «Великобритания» располагавшемся неподалёку от здания университета. Здесь даже образовалось нечто вроде студенческого клуба. Благодаря главным образом влиянию «неистового Виссариона» и некоторых других литературных деятелей этот, можно сказать, клуб играл и в последующие годы роль своего рода «новостного» центра московского студенчества.

Студентом К. Д. Ушинский страстно увлекался театром и его посещение считал даже обязательным для себя. Конечно, ему, как и подавляющему большинству других студентов, были доступны билеты лишь на галёрку. «Театр для Ушинского был величайшим наслаждением. Нередко за последний двугривенный он забирался в самый верх и с энтузиазмом аплодировал Мочалову», – вспоминал А. Ф. Фролков. Студент Ушинский, конечно, воздавал должное балету и опере, которыми славился Большой театр, но всё-таки он предпочитал походы в Малый театр, где ставились драматические и комедийные постановки. Поистине выдающееся место в истории не только Малого театра, но и в истории русского драматического искусства сыграли Михаил Семёнович Щепкин (1788–1863) и Павел Степанович Мочалов (1800–1848).

Увлечение Ушинского замечательной игрой Щепкина и особенно Мочалова, более близкого к Ушинскому по возрасту, не ограничивалось одним лишь восторженным созерцанием. Константин переживал тот возрастной период, когда юноша ищет своё предназначение в жизни. Под влиянием личности Мочалова юный Ушинский написал, специально для бенефиса любимого актёра, трагедию в шести актах. Настойчивый юноша добился личной встречи со своим кумиром и даже прочитал ему одно или два действия этого произведения.

Впоследствии Ушинский рассказал об этом случае А. Ф. Фролкову, а тот поместил это признание в свои воспоминания. «Мочалов, – свидетельствовал Фролков, – не нашёл в трагедии никаких достоинств, чем немало огорчил молодого “драматурга” и на некоторое время “потерял” в нём своего поклонника. Впоследствии, вспоминая об этой трагедии, Ушинский чистосердечно рассказывал, что под конец пьесы у него не оставалось в живых ни одного лица; все они пали жертвами неестественной смерти» [87, с. 17]¹⁰.

¹⁰ Любопытно, что спустя семь десятилетий другой великий отечественный педагог, А. С. Макаренко, будучи начинающим учителем, написал свой первый

Увлечение Ушинского театром разделял будущий известный русский писатель Алексей Феофилактович Писемский (1821–1881), который в те же годы, что и Ушинский (1840–1844), учился в университете, но на физико-математическом факультете. Их дружба продолжилась и в дальнейшем. В годы работы Ушинского в Ярославле и вплоть до 1853 г. Писемский служил чиновником в Костроме. Известно, что в 1853 г. он встречался с Ушинским в столице, а спустя некоторое время, в октябре того же года, он послал из Костромы в Санкт-Петербург двоюродному брату жены поэту А. Н. Майкову свои первые сочинения с просьбой передать их в руки Ушинскому. Просьба эта объяснялась Писемским тем, что он забыл адрес Ушинского в Санкт-Петербурге [34, с. 59].

С 1854 г. А. Ф. Писемский служил в министерстве уделов. В феврале 1855 г. Ушинский просил редактора журнала «Библиотека для чтения» опубликовать «статейку о Писемском по поводу его повести “Виновата ли она?”». В качестве аргумента для опубликования этой рецензии Ушинский писал, что «это могло бы и его заманить к Вам в сотрудники».хлопоты Ушинского полностью оправдались: в дальнейшем А. Ф. Писемский стал не только сотрудником, но даже и редактором этого журнала.

Спустя годы К. Д. Ушинский с любовью вспоминал свою *alma mater* и вообще считал огромной её роль в развитии интеллектуальной жизни России: «Многим, очень многим, мы обязаны нашим университетам! Если живая мысль и живое чувство не заснули у нас совершенно и пробудились с необычайной силой после севастопольского погрома, если мы с негодованием могли взглянуть на наши нравственные язвы и твёрдо решиться излечить их, если на всех поприщах государственной службы, во всех слоях общества явились у нас люди, готовые к нравственному возрождению, если, наконец, величайший из фактов русской истории, факт освобождения крестьян, нашёл себе отзыв и поддержку в русском обществе, если мы с удивлением увидели, как возник будто из земли многообещающий институт мировых посредников, то всем этим Россия обязана единственно своим университетам» [21, с. 26].

рассказ и отправил его не кому-нибудь, а самому Горькому, в Сорренто. Ответ, как мы знаем, был примерно таким же, как и ответ Мочалова Ушинскому: «Если можешь не писать – не пиши». Пройдёт полтора десятка лет, и «буревестник революции» будет делать всё, что в его силах, чтобы помочь «выйти в люди» молодому, перспективному писателю и педагогу.

Ушинский не раз вспоминал об университетских годах как о лучшем времени своей жизни. Наверняка с ним согласятся очень многие читатели.

ГЛАВА 5. В ЯРОСЛАВЛЕ

Студенческие годы К. Д. Ушинского были временем восприятия молодым человеком благотворного влияния передовых преподавателей, периодом постоянных духовных исканий и ежедневной работы с литературой. 3 июня 1844 г. Константину был вручен диплом по специальности «Камералистика» (управление государственным хозяйством). В выпускной характеристике отмечались его примерное поведение и отличные успехи.

По существовавшим тогда правилам лучшим студентам выпуска по решению учёного совета университета присуждалась степень кандидата юриспруденции. Лучшие выявлялись по количеству набранных баллов за сданные в течение всех лет обучения экзамены. Необходимым условием для получения степени кандидата было требование, чтобы сумма баллов, полученных на всех экзаменах, составляла не ниже 4,5. В этот год таковыми стали пять выпускников: Владимир Черкасский, Константин Ушинский, Владимир Требинов, А. Пинь и Николай Воронцов-Вельяминов.

Всего экзаменов за годы обучения в университете было 15. У Черкасского набралось по максимуму – 75 баллов, у Ушинского – 74, у Требинова – 72, у Пиня – 69, у Воронцова-Вельяминова – 68. Один балл Ушинскому срезал на экзамене преподаватель уголовного права, с которым Константин неоднократно вступал в споры по поводу справедливости ряда существовавших тогда российских законов. Черкасский был признан «первым кандидатом», а Ушинский – вторым. Но Черкасский по каким-то обстоятельствам, оставшимся неизвестными, отказался от этого «отличия», и звание первого кандидата перешло к Ушинскому. Как «отличнейший кандидат» Ушинский имел право на определение на службу в министерства и другие высшие присутственные места. Один из указанных выпускников, а именно А. Пинь, не был утверждён советом университета в качестве «кандидата» [13, с. 252].

Ю. С. Рехневский вспоминал: «Уже тогда Ушинский отличался некоторыми качествами, которые впоследствии наделали ему много

врагов и принесли немало огорчений, – именно полнейшею независимостью характера и привычкою высказывать каждому откровенно свои убеждения, невзирая на то, как будет принята эта откровенность» [67, с. 9]. Названные выпускники университета и в дальнейшем проявляли себя с лучшей стороны. Так, представитель древнего дворянского рода Николай Павлович Воронцов-Вельяминов (1823–?) стал попечителем Харьковского учебного округа. Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) по окончании университета готовился к научной деятельности, собирал материалы к диссертации о «целовальниках», но потом, проживая в своём имении, увлёкся сельским хозяйством, составил проект освобождения крестьян от крепостной зависимости. В 1869–1871 гг. был городским головой в Москве. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) заведовал «гражданской частью» в Болгарии. Там его именем даже назван посёлок – Черкаска.

Члены учёного совета и руководство факультета были прекрасно осведомлены об отличных способностях Ушинского, и ему было сделано предложение остаться в университете для подготовки к сдаче магистерского экзамена, с дальнейшей перспективой работы в университете. В то же время он имел право на получение государственной должности, например, в министерстве. К. Д. Ушинский предпочёл преподавательскую деятельность и поэтому в течение почти двух последующих лет готовился к сдаче магистерского экзамена. Молодой человек не позволил себе «нырнуть в пучину безделья», как некоторые его товарищи по университету.

В круг интересов юного Ушинского, помимо философии и юриспруденции, входили литература и театр, а также все те вопросы, которые волновали представителей прогрессивных кругов русского общества того времени, и в частности пути распространения грамотности и образованности среди простого народа. В течение двух лет Ушинский, зарабатывая на жизнь себе и младшему брату уроками, продолжал серьёзные занятия наукой. Все дни недели были у него расписаны по минутам. Ежедневный подъём в 4 часа утра. С пяти до восьми часов молодой человек готовился к предстоящему магистерскому экзамену. Затем он давал частные уроки, – у себя дома либо отправлялся «по адресам». После обеда Константин обычно «читал для ума» литературу по истории, географии, статистике и праву, а также писал статьи в журналы, готовился к урокам. Строгого режима он придерживался ежедневно, позволяя себе лишь в воскресенье подъём в шесть часов.

С целью усиления контроля за рациональным использованием времени в 1844–1845 гг. он даже вёл дневник. Первая запись в нём датирована 8 ноября 1844 г. Ушинский составил для себя своеобразный кодекс поведения; он назвал его «рецептом». Этот «рецепт» датируется в дневнике 20 января 1845 г. Приводим его полностью. «Рецепт. 1. Спокойствие совершенное, по крайней мере, внешнее. 2. Прямота в словах и поступках. 3. Обдуманность действия. 4. Решительность. 5. Не говорить о себе без нужды ни одного слова. 6. Не проводить времени бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится. 7. Издерживаться только на необходимое или приятное, а не по страсти издерживать. 8. Каждый вечер добросовестно давать отчёт в своих поступках. 9. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет. 10. Никому не показывать этого журнала» [78, с. 27]. Довольно часто в дневнике встречаются записи о нарушениях им «пунктов рецепта», например, «соврал без нужды», «тщеславие разыгралось, и нарушил два правила: 1-е и 9-е». А вот ещё: «Сделал самую глупую издержку: занял деньги за адские проценты, когда совсем было не нужно! Русский человек задним умом крепок!» [78, с. 28–29]

Записи в разделе «Читать для ума» занимают в дневнике много места. При этом молодой человек, естественно, отвергал дешёвое развлекательное чтение, которое и в те времена, так же, впрочем, как и сейчас, составляло основной объём издаваемой литературы. Материалы дневника позволяют оценить мировоззренческие, этические и эстетические установки К. Д. Ушинского.

В эти годы он много размышлял о своём долге перед народом, о цели и смысле жизни. Свои мысли он поверял дневнику. Именно тогда молодой Ушинский сформулировал для себя своего рода жизненное кредо. В дневниковой записи оно выглядит весьма возвышенно, но крайне неопределённо; Константин ещё не представлял себе, в какой сфере общественной деятельности ему предстоит проявить себя. «Приготовлять умы! Рассеивать идеи! Вот наше назначение... Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства!.. Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию, – дела появятся сами... Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем... наслаждениями семейства, почестей, славы, богатства, не убегая туда, где живут счастливее, отказавшись совершенно от самих себя, – работать для потомства» [78, с. 11–12]. «Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут своё имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает» [78, с. 12].

В таких выражениях признавался в дневнике в своих сокровенных мечтах юный Ушинский. Таким образом он определял своё жизненное призвание. Тогда он ещё не представлял себе, что это за «чуждое здание», которое необходимо строить его поколению и которое, как он полагал, способно обеспечить счастливую жизнь потомкам. Тем не менее он выражал готовность следовать избранному им призванию всю последующую жизнь. Дневник обрывается на записи от 23 апреля 1845 г. [78, с. 41]

В период студенчества, а также в первые годы по окончании университета Константин проводил летнее время в родных местах, там, где прошло его детство. При этом он, следуя выработанному режиму дня, не отступал от него, находясь в отцовском доме, и продолжал, даже там, свои научные занятия. Он стремился к общению с любимыми университетскими преподавателями. 20 июля 1844 г. он, например, приезжал в г. Ромны Полтавской губернии в гости к П. Г. Редкину. Какова же была его радость, когда он встретился там ещё и с Т. Н. Грановским, который, так же как и Константин, приехал в гости к своему другу. 25 августа Ушинский возвратился в Москву, к началу занятий по подготовке к магистерскому экзамену. Не забывал Ушинский и своих университетских товарищей. В апреле 1845 г. в письме к В. А. Черкасскому он сообщает ему, что экзамен думает держать в начале сентября, а в мае он намеревается уехать из Москвы, может быть, в Малороссию.

Однако экзамен вообще не состоялся, а в 1846 г. в жизни молодого человека произошло событие, кардинально изменившее всю его жизнь и разом поставившее Ушинского в положение человека, значащего немало в деле образования российского юношества. 2 августа 1846 г. он был назначен исправляющим должность профессора камеральных наук по кафедре государственных законов и учреждений, законов казённого управления, финансов и энциклопедии законоведения в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. С 9 августа того же года на кафедру политической экономии, статистики и науки о торговле был назначен Сильвестр Иванович Львовский (1819–1903), ещё один кандидат Московского университета [29, с. 10–11].

На протяжении значительной части XIX в. идея служения народу посредством своего непосредственного участия в деле просвещения была одной из ведущих в среде передовой интеллигенции. Это было время, когда, по выражению Н. Г. Чернышевского, от неё, интеллигенции, требовалось не столько заниматься «чистой» наукой,

сколько вносить её хотя бы «начальные части» в пока что ещё совсем малообразованное российское общество, содействуя тем самым его развитию. Именно преподавательская деятельность в школе и университете становилась очень важным местом, где передовые российские интеллектуалы могли принести своему народу наибольшую пользу.

Попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов, в рамках проводившейся им реформаторской деятельности, постановил преобразовать Ярославский Демидовский юридический лицей в высшее камеральное училище, т. е. придать этому учебному заведению статус вуза. Для этого, по его задумке, необходимо было в первую очередь обновить молодыми силами преподавательский состав лицея. В числе наиболее талантливых кандидатов он предложил должности профессоров нескольким молодым университетским выпускникам, в том числе и Константину Ушинскому. Конечно, эти молодые люди, которым было чуть за двадцать, не были профессорами в современном понимании этого слова; таким термином Строганов, так сказать, «для пущей важности» лишь обозначил их должности. Поэтому Ушинский и Львовский были всё-таки не профессорами, а всего лишь «исправляющими должность профессора». Имелось в виду, что впоследствии лицей, может быть, станет вузом в полном смысле слова и получит право присваивать учёное звание профессора своим лучшим преподавателям. Пока же вводились шесть ставок «исполняющих должность профессора», а также должность законоучителя (по богословским дисциплинам) и две ставки преподавателей для работы по вспомогательным учебным предметам (русская словесность и др.), для чего привлекались учителя Ярославской мужской гимназии. Согласно новому уставу лицея предполагалось усвоение студентами основательных сведений в области камеральных наук в тесной связи с отечественным законодательством.

Программа обучения включала следующие предметы: богословие и церковная история, русская словесность, чистая математика, политическая арифметика, бухгалтерия, физика, химия, естественная история (ботаника, зоология, минералогия), политэкономия, наука о торговле, статистика, технология, сельское хозяйство, лесоводство, землемерие, энциклопедия законоведения, государственные законы и учреждения, законы казённого управления и финансы, законы государственного благоустройства и благочиния, гражданские и уголовные законы с благоустройством, языки немецкий и французский. Одновременно упразднялись кафедры высшей математики, философии,

латинской словесности и истории с соответствующими им учебными дисциплинами [18, с. 171–172].

Все предметы были распределены на три года обучения. Уже 3 сентября 1846 г., то есть только что приступив к работе, Ушинский в докладной записке выразил своё несогласие с тем, что преподаваемая им энциклопедия законоведения даётся на II курсе, в то время как эта наука включает лишь «предварительные сведения о праве», а потому должна предварять обучение частным юридическим дисциплинам. Следовательно, её преподавание следует перенести на первый год обучения [35, с. 65]. Тем самым с самого начала своей работы в Ярославле он показал себя думающим специалистом. Совет лицея прислушался к мнению молодого специалиста, и в учебный план были внесены соответствующие поправки.

Приступив к работе, Ушинский выяснил, что по его предмету почти нет литературы, и студенты вынуждены будут обходиться конспектами лекций. Он пишет докладные записки, с содержанием которых знакомится сам попечитель учебного округа. В итоге необходимые средства изыскиваются и библиотека лицея получает необходимые учебники.

Вместе со своим единомышленником С. И. Львовским он разрабатывал новые правила испытаний студентов и награждения их за участие в ежегодно проводимых научных конкурсах. Ушинский выдвинул тему для ежегодного научного сочинения студентов. Звучала она так: «Образование присутственных мест при Петре Великом». Он сам лично руководил работой трёх студентов. Совет лицея, изучив написанные молодыми людьми работы, вручил лучшим из них заслуженную награду – золотую медаль. Среди них были два студента Константина Дмитриевича – А. Полозов и А. Потехин, в будущем довольно известный писатель. (Более подробно о А. А. Потехине см. Приложение III.)

Ушинский писал о лицеистах: «В каждом из них в большей или меньшей степени чувствуется специалист, но очень мало “человека”». В этих словах и содержится кредо Ушинского-педагога: взрастить в человеке человека, и только потом специалиста. Именно с К. Д. Ушинского в лицее началась традиция ежегодных выступлений ведущих преподавателей перед своими коллегами с актовой речью. Своё выступление Ушинский посвятил вопросу реформирования камерального образования. Приведём несколько характерных извлечений из этой, по существу, первой опубликованной работы Ушинско-

го. «Нигде наука не соединяется так видимо с жизнью, как в политических науках... Те, которые хотят всё переделать у нас по общественной форме Запада, и те, которые хотели бы воротить нас в общинно-родовое устройство, хотят разрушить самостоятельность русской жизни, уничтожить нас, как народ, отнять у нас отличительный тип, вырвать идею из нашей жизни, разрушив великую цель в истории... А без самобытности нет для народа жизни» [81, с. 75]. «Какую надобно иметь тёмную голову, чтобы заучивать определение сохи, дуги и т. п. А такими определениями загромождены немецкие учебники предметов, входящих в камералистику. И это называется возводить в науку; не скорее ли это значит низводить науку до пошлости? Немецкие камералисты оставили науке хозяйства самое бессмысленное название; не определили цели своей науки, не отыскали её предмета, не нашли ей содержания, ложно поняли практичность направления этой науки и вместо законов наполнили эту науку правилами и благоразумными советами немецкой мудрости... С такими недостатками она не может остаться и не имеет права называться наукой. Изучение её не принесёт никакой пользы [81, с. 72–73].

Ушинский считал необходимым сделать изучение Родины основой камерального образования, её народно-хозяйственной деятельности. Журналист и мемуарист М. Л. Песковский назвал выдвинутую Ушинским в своём докладе программу «первым голосом в русской науке в пользу экономического и бытового изучения народной жизни». Он увидел в этой речи стремление молодого учёного направить науку на служение интересам народа.

С сожалением Песковский отмечал, что «в другое время, при иных условиях нашей жизни речь “О камеральном образовании” должна бы была послужить началом блестящей учёной карьеры Ушинского». Но не таков был 1848 г. как начало крайне неблагоприятного поворота для науки, печати, всяких вообще возвышенных порывов и стремлений. Именно Песковский первым в российской мемуаристике связал «неудачи» Ушинского в Ярославле с европейской революцией 1848 г., назвав этот год «годом поворота и в русской жизни». В следующем, 1849 г., на годовом торжественном собрании лицея речь читал Я. Н. Калиновский, а в 1850 г. – ещё один коллега Ушинского, Н. А. Гладков.

Три года работы Ушинского в Ярославле были временем становления его как педагога. В это время проявились его педагогические способности. Он быстро завоевал любовь и признательность со

стороны своих студентов. Преподаваемый им комплексный учебный предмет «Камеральные науки» включал в своё содержание гражданское право, основы политической экономии, науку о финансах, элементы истории и философии.

Молодой Ушинский оказался поистине в своей стихии. Учебный предмет открывал перед ним возможность проявить свою эрудицию и ораторские способности. По воспоминаниям студентов, Ушинский увлекательно излагал свои лекции по государственному праву. Бывшие студенты Ушинского отмечали доходчивость и логичность изложения материала молодым преподавателем, его уважительное отношение к своим слушателям.

Биограф В. Е. Ермилов писал: «Увлечение Ушинского передаётся слушателям, и они все, вместе со своим лектором, не слышат звонка, не замечают, что уже настал конец лекции, что уже давно около дверей стоит другой профессор, дожидается своей очереди, и только когда терпение этого последнего окончательно истощится и он обратится к Ушинскому с заявлением, что пора кончать, а то он, профессор, уйдёт, – Ушинский, немедленно спустившись с облаков своей пламенной фантазии, страшно конфузится, просит извинения и летит стремглав из аудитории, покрываемый аплодисментами очарованных его речью студентов» [16, с. 26]. Талант и преданность своему делу в самый короткий срок сделали Константина Дмитриевича самым популярным преподавателем лицея. В мемуарной литературе об Ушинском порой встречаются нестыковки. Так, В. Е. Ермилов в книжке «Наш родной учитель» (М., 1899. Библиотека журнала «Детское чтение») писал, что молодой профессор после лекций выходил из аудитории, «покрываемый громом аплодисментов» [16, с. 24]. Но из отчётов лицея явствует, что «слушателей его курса было около десятка». В то же время известно, что в 1847 г. он читал курс энциклопедии законоведения для двух отделений сразу и количество студентов превышало 50 человек [18, с. 27].

В эти годы Ушинский продолжал напряжённо заниматься самоусовершенствованием. От своего наставника Редкина он перенял увлечение философией Гегеля и поэтому штудировал всю литературу по диалектике, которую только мог достать. Константин увлекался идеей о связи между народными юридическими понятиями, особенностями народного менталитета и характера, с одной стороны, и природно-географическими особенностями местностями, на которой данный народ проживает, с другой стороны.

Поэтому ему были близки, посвящённые частично и этой проблеме, труды немецкого географа Карла Риттера (1759–1859) и петербургского естествоиспытателя Петра Симона Палласа (1741–1811), особенно его путевые заметки. Среди авторов, которыми зачитывался Ушинский в этот период, – труды путешественников по России И. Гмелина, И. Георги, В. М. Севергина, историка Г. Миллера, статистика А. К. Шторха, лингвиста П. И. Шафарика и др.

В круг интересов молодого Ушинского, помимо философии и юриспруденции, по-прежнему, как и в студенческие годы, входили литература и театр, а также все те вопросы, которые волновали представителей прогрессивных кругов русского общества того времени, в частности вопрос о возможных способах и путях распространения грамотности и образованности среди простого народа.

27 апреля 1848 г. в гости к Ушинскому заявился его университетский товарищ, молодой драматург Александр Николаевич Островский, служивший в то время в канцелярии Московского коммерческого суда. 22 апреля он получил отпуск и вместе с отцом, мачехой и братом Николаем отправился в Щельково, имение отца в Кинешемском уезде Костромской губернии. Это путешествие он использовал, конечно, и с целью поиска впечатлений и материала для своих будущих произведений¹¹.

О подробностях этой встречи Ушинский не оставил воспоминаний, а вот Островский, рассказывая о своей остановке в Ярославле, писал следующее: «27 апреля... Хорош также бульвар, по которому с правой стороны от Волги идёт Стрелецкая улица; на ней кондитерская Юрезовская (в действительности фамилия владельца кондитерской была Юрцовский. – *В. П.*). В одном доме с этой кондитерской живёт Ушинский. Заходили к нему, потолковали с ним побольше часу; из Ярославля выехали в 2 часа, с час переезжали Волгу при сильном ветре» [28, с. 270].

Принимал своего товарища Константин Дмитриевич в снимавшейся им квартире в доме помещика Николая Александровича Горяинова (Гаряинова?). Дом представлял собой целый комплекс строений, часть из которых, а именно два каменных флигеля, сохранилась до настоящего времени. Он располагался на улице Стрелецкой; одно

¹¹ А. Н. Островский был однокурсником Ушинского, но на втором курсе, в 1842 г., он не держал годовых экзаменов и остался на второй год. Учёба на юридической специальности не увлекала Александра Николаевича, и в мае 1843 г. он выбыл из университета.

время она называлась Вологодской, а ныне носит имя Ушинского. Кондитерская Юрцовского считалась одной из лучших в городе; её владелец постоянно давал рекламу своей продукции в местной газете. Да и сама улица была одной из центральных. Н. А. Горяинов слыл местным меценатом; был покровителем лицея. Здесь он учился сам, а затем и его дети. С 1829 г. он содержал на свой счёт трёх студентов. В его доме были по меньшей мере четыре изолированные квартиры по 5–6 комнат в каждой. Одну из таких квартир и снимал Ушинский.

Отражением общественных взглядов и устремлений Ушинского служит его редакторская и журналистская работа в «Ярославских губернских ведомостях» в 1848 г. Подобно А. И. Герцену в Вятке и Владимире и П. И. Мельникову-Печерскому в Нижнем Новгороде, он внёс заметный вклад в развитие местной прессы и журналистики.

Все губернские газеты тогда состояли из двух частей. Первая часть называлась официальной и включала в себя публикацию указов, распоряжений и законов, а также сообщения о перемещении по должности тех или иных известных лиц. В неофициальной части публиковались статьи об истории и сегодняшнем дне местного края, литературные произведения, материалы на краеведческую тематику и т. п. В 1848 г. в губернской газете были опубликованы первые работы К. Д. Ушинского. Как специалист в области права, он поднимал в своих статьях, в частности, вопрос охраны лесов от хищнической выруб-ки со стороны частного капитала, публиковал рецензии на вышедшие книги. Внимание читателей привлекли его большие статьи «Поездка в Ростов» (№ 11, 12) и «Волга» (№ 11, 14). Первой статьёй социально-педагогической тематики стал материал под названием «Ученики ремесленные в Петербурге» (№ 21), в которой он дал объективную картину бедственного положения детей рабочих городских низов.

Ушинский приступил к работе в газете 5 марта 1848 г., а уже 28 мая был вынужден оставить её. Любопытно, что назначение Ушинского на должность редактора неофициальной части газеты распоряжением губернатора было произведено «задним числом», 5 мая; таким же образом было оформлено и увольнение – 24 августа. Направленность действий Ушинского, его симпатии в отношении простых людей, и в особенности его статья в № 21, послужили непосредственной причиной его отставки.

Преподавательский коллектив Демидовского лицея был в те годы небольшим и чётко делился на две противостоящие друг другу группы. Первую группу составляли совсем молодые, приглашённые в

1846–1847 гг. выпускники университетов С. И. Львовский, В. И. Татаринов, Я. Н. Калиновский. Их несомненным лидером был Ушинский. Этим молодым юношам было свойственно присущее молодости стремление к свободомыслию, что находило своё проявление прежде всего в содержании их лекций и бесед со студентами. Все эти преподаватели сотрудничали в местной печати, изучали историю местного края, заявляли о себе как о фрондёрах в отношении власти. Заслуженные профессора Д. А. Байков, П. В. Фёдоров¹² и Д. М. Семеновский давно работали в лицее. Уже в силу возраста они, по мнению биографов Ушинского, проявляли определённый консерватизм.

С одним из профессоров, П. В. Фёдоровым, связан забавный случай... Вокруг поэтессы и писательницы Ю. В. Жадовской, проживавшей в то время в Ярославле, группировалась окололитературная молодёжь. Усилиями этих любителей поэзии был даже издан в 1849 г. «Ярославский литературный вестник». Можно предположить, что среди этих любителей поэзии вполне мог быть и Ушинский, но документальных подтверждений этому нет. В сохранившихся письмах Жадовской к её другу Ю. Н. Бартеневу упоминается лишь один профессор Ярославского лицея, а именно П. В. Фёдоров. В 1850 г. Фёдоров женился на двоюродной сестре Жадовской, 16-летней А. П. Готовцевой. Но брак этот вскоре распался. О причине развода Жадовская писала Бартеневу в одном из писем следующее: «Доктор для укрепления груди советовал ей (Готовцевой. – В. П.) поднимать что-нибудь тяжёлое, и жена доктора дала ей железную бомбу (разумеется, пу-

¹² Пётр Васильевич Фёдоров родился в Ярославле в 1807 г. в семье обер-офицера. Окончил Ярославское Демидовское училище высших наук (1827) и физико-математический факультет Московского университета со степенью кандидата (1830). В 1831–1838 гг. преподаватель естественной истории, физики, химии и технологии в Московской коммерческой академии, одновременно преподавал естественную историю в Императорском воспитательном доме (1832–1836), физику и химию в ремесленном училище (1834–1838). Исполняющий должность профессора физики и химии Ярославского Демидовского лицея (август 1838–1870). Одновременно с 10 августа 1868 г. по 30 августа 1870 г. директор лицея. В первые месяцы работы в лицее организовал химическую лабораторию и физический кабинет. На торжественном собрании лицея в январе 1840 г. произнёс речь «О важности изучения гальванизма относительно наук и общественной жизни», в 1841 г. – речь «О гальванопластике и её приложениях». Ревизоры от Министерства народного просвещения неизменно отмечали П. В. Фёдорова в числе лучших преподавателей, несмотря на отсутствие у него учёной степени. В 1852 г. он был избран действительным членом Ярославского общества сельского хозяйства. В сентябре 1870 г. вышел в отставку. Умер в Ярославле в 1874 г. [12, с. 206–207]

стую оболочку. – В. П.), которую она и привезла домой вечером; положила её в ящик. Когда она уехала к нам, он (Фёдоров), из любопытства обыскивая её комоды, нашёл эту бомбу, с ужасом схватил её и поехал к жандармскому полковнику, объявить, что жизнь его находится в опасности, что жена его, верно, хотела этой бомбой размозжить ему голову... Полковник, разумеется, улыбнулся...» [18, с. 39].

Дмитрий Михайлович Семеновский (1799–?) в течение двадцати читал в лицее все юридические дисциплины. Именно он нёс моральную ответственность за бедность библиотечного фонда именно по этим предметам, а также за выявленные Ушинским ошибки в составлении учебного плана. Ушинский написал несколько докладных записок, в том числе на имя попечителя учебного округа, по вопросу об отсутствии надлежащей литературы в библиотеке лицея, чем поставил Семеновского, мягко говоря, в неудобное положение. Неудивительно, что у них сложились неприязненные отношения. Тем не менее Семеновский пользовался куда бóльшим авторитетом в глазах начальства. В 1838–1839 гг. он был даже директором лицея, а несколько ранее, в 1829–1832 гг., состоял в должности инспектора студентов, т. е. фактически был заместителем директора по воспитательной работе. В 1847 г. он вышел на пенсию. Однако в 1849 г. почётный попечитель лицея П. Г. Демидов во время личной встречи просил его занять должность инспектора лицея. Семеновский отказался, поскольку в случае согласия он лишался пенсии. Однако высказать своё негативное впечатление об Ушинском он успел. Так постепенно в глазах начальства стало формироваться отрицательное отношение к молодому педагогу.

Директор лицея Пётр Владимирович Голохвастов (24.08.1803–14.01.1887), работавший директором лицея с 10 июня 1839 г., как мог поддерживал молодых преподавателей и их наиболее «заметного» представителя – Ушинского, но он и сам находился под подозрением аж самого министра народного просвещения С. С. Уварова. 9 августа 1848 г. Голохвастов был вынужден был подать в отставку «по болезни». Отставка была принята 25 сентября того же года.

Здесь надо иметь в виду важнейший факт, оказавший решающее влияние на дальнейшую профессиональную судьбу Ушинского: 1848 г. стал годом революции в Европе. В феврале французский король Луи-Филипп бежал и в стране была провозглашена республика. В Вене произошёл революционный мятеж. Социальные волнения охватили Европу. 26 марта 1848 г. император Николай I был вынуж-

ден даже издать «манифест», в котором заявил, что «Россия, бастион Европы, не поддаётся революционным влияниям».

Новый потомственный почётный попечитель лицея штаб-ротмистр П. Г. Демидов, внук брата основателя лицея, своей основной задачей считал недопущение каких-либо волнений в среде студентов в связи с европейскими событиями. Частыми посещениями он не баловал лицейское начальство и впервые побывал в лицее лишь в январе 1849 г. По итогам этого визита совет лицея на своём заседании 9 февраля принял решение «о заведении шнуровой книги» для ежедневных записей о состоявшихся лекциях и их содержании.

Руководство лицея потребовало от профессоров, – причём не только от Ушинского, конечно, – подробных программ читаемых ими курсов с разбивкой материала по часам, с указанием упоминаемых авторов и цитат, которые будут приводиться в ходе лекций. Ушинский выступил резко против этого решения, заявив о том, что живое течение научной мысли нельзя загонять в прокрустово ложе устанавливаемых руководством лицея правил; педагогическое дело нельзя связывать такими формальностями и что делить весь курс на часы означает ни что иное, как убить живое преподавание. Но от Ушинского, как, впрочем, и от других преподавателей, требовали не рассуждений и мнений на данную тему, а строгого соблюдения решения совета лицея. Своим резким выступлением молодой Ушинский сразу настроил против себя большинство коллег.

С этого времени Ушинский, что называется, попал под подозрение. Начальство стало куда более внимательно наблюдать за его отношениями со студентами. 21 февраля Демидов представил министру С. С. Уварову докладную записку о состоянии дел в лицее, в которой, в частности, отмечал популярность Ушинского среди студентов. Именно в нём, а также в его молодых товарищах С. И. Львовском и Я. Н. Калиновском Демидов видел причину обнаруженных в лицее нарушений. Он, среди прочего, писал: «Я находил в студентах лицея большое своеволие, а в начальниках их – нечто похожее на потачку, обращение с воспитанниками, так сказать, панибратское, и что всего нетерпимее, видел в них дух неуважительности к начальству и даже противодействия директору лицея, г. Тиличеву. Впрочем, отзыв этот до всех и каждого не должен касаться, а следует отнести исключительно к профессорам Ушинскому и Львовскому, которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицея» [18, с. 234]. Попечитель отмечал способ-

ности и большие познания Ушинского, его влияние на студентов и вместе с тем обращал внимание на замеченную им рознь в образе мыслей и в отношении к начальству между старыми и молодыми профессорами, особенно Ушинским и Львовским, которые увлекаются и действуют «по своему влечению» [18, с. 234].

Демидов считал, что К. Д. Ушинский требовал к себе постоянного наблюдения и при возобновлении отмеченных несогласий между профессорами одного из молодых профессоров «для примера» нужно «удалить». Демидов сетовал: «После 1846 года в лицей стали поступать в профессора молодые люди 22–23 лет, которые не признавали в должной степени начальство директора и тем ослабляли его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству и они стали производить шалости, отклонившие дворян и других родителей от отдачи в лицей своих детей. Необходимо будет для примера удалить из лицея одного из профессоров – того, который будет главной причиной раздора».

Здесь уместно привести высказанное А. И. Герценом в «Былом и думах» суждение о С. Г. Строганове, который любил хвастать успехами Московского университета, находившегося под его руководством. Временами же, отмечал Герцен, Строганов впадал с консервативное настроение и тогда «бранил молодых профессоров, толковал, что они его больше и больше ставят в необходимость изменить присяге или закрыть их кафедры» [7, с. 198]. Нечто подобное имело место и в отношении Ярославского лицея.

Не исключено, что уход Ушинского из лицея в результате столкновения с его руководством был в какой-то степени предопределён следующим обстоятельством. В 1848 г., после столкновений с начальством, из Московского университета ушёл П. Г. Редкин. Он обосновался в столице: поступил на работу в Санкт-Петербургский университет и на службу в министерство внутренних дел (МВД). Поскольку Редкин и Ушинский никогда не прерывали дружеских связей, можно предполагать, что именно Пётр Григорьевич содействовал устройству Ушинского в МВД или, по крайней мере, подал ему идею трудоустройства в это ведомство.

Историк С. П. Покровский (1911) указывал: «Ушинский, как увлекающийся молодой профессор, казался министерству нежелательным для высшего учебного заведения того времени, а любовь, которой он пользовался со стороны студентов за своё талантливое

преподавание, вызывала, кроме того, недружелюбное отношение и даже зависть со стороны заслуженных членов коллегии. В 1849 году, после ревизии лица попечителем, Ушинский вместе с двумя другими профессорами принуждён был искать себе новое место» [17, с. 29].

В августе и сентябре 1849 г. события в лицее развивались стремительно. 2 сентября С. И. Львовский получил длительный отпуск якобы по болезни и на свою прежнюю работу в лицее уже не вернулся. Время ему было необходимо для того, чтобы определиться с новым местом работы. Его место в лицее занял Алексей Евсеевич Львов (1827–1899). Ранее он окончил филологический факультет Московского университета в 1849 г. первым кандидатом. В лицее оставался до 1864 г. Далее служил управляющим Тверской контрольной палаты в чине действительного статского советника.

В этот же самый день, 2 сентября 1849 г., в жизни Ушинского произошли два важных события. Одно из них заключалось в том, что он был представлен помощником попечителя Московского учебного округа к утверждению в чине коллежского секретаря. Одновременно Ушинский был извещён тем же помощником о том, что он только что принял прошение Николая Александровича Гладкова (1826–1892) об определении его профессором в лицей вместо К. Д. Ушинского. Выпускник юридического факультета Московского университета, Гладков был первым кандидатом на своём курсе. Работу в лицее оставил в 1861 г. и в дальнейшем служил членом Московской судебной палаты по уголовному департаменту. 12 сентября 1849 г. профессор Я. Н. Калиновский, согласно его прошению, был перемещён почётным смотрителем Юрьевского уездного училища. Так все три молодых товарища были удалены из лицея.

Масла в огонь всем этим событиям подлила история, приключившаяся 9 сентября в городской гостинице «Берлин». Несколько подвыпивших студентов-первокурсников решили взять извозчика, однако бузотёров никто не хотел везти. Тогда они «взяли на абордаж» повозку одного из них. Тот, в свою очередь, спасаясь от хулиганов, побежал за помощью в оказавшуюся рядом респектабельную гостиницу, где надеялся получить помощь от полиции. Студенты ворвались следом за ним, устроили в гостинице шум и потасовку. Занятия в лицее начинались в тот год 12 сентября, но новоявленным студентам, собиравшимся стать юристами, уже не пришлось их посещать: приказом по лицее от 21 сентября все они были отчислены. К. Д. Ушинский и С. И. Львовский, конечно, не имели к этому происшествию никакого отношения —

фактически они оставили лицей раньше этого события – но и оно было поставлено им в вину как следствие общей распущенности студентов, наступившее по причине низкой к ним требовательности со стороны молодых преподавателей.

19 октября 1849 г. Ушинскому была прекращена выплата жалованья. 21 декабря ярославский губернатор генерал-майор А. П. Бутурлин послал товарищу министра народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову секретное письмо, содержащее характеристику Ушинского и Львовского как людей политически неблагонадёжных. Этим объясняется тот факт, что после ухода из лицея Ушинский не мог, несмотря на все предпринятые им усилия, устроиться ни в одно учебное заведение.

6 февраля 1850 г. Ушинский был переведён на службу в департамент духовных дел иностранных вероисповеданий МВД в качестве помощника столоначальника, а его товарищ Сильвестр Иванович Львовский (1819–1903) чуть раньше, 23 декабря 1849 г., был определён в должность младшего помощника столоначальника в департамент внешней торговли министерства иностранных дел.

Все эти события негативно сказались и на карьере Николая Павловича Тиличеева (1810–?), директора лицея и одновременно директора народных училищ Ярославской губернии с 6 ноября 1848 г. по 8 июня 1850 г. До лицея он служил в армии; судьба его после лицея неизвестна.

После смерти Ушинского многие российские газеты и журналы опубликовали некрологи, а также очерки о его жизни. Редакторы ярославской газеты Леонид Николаевич Трефолев (1839–1905) и Вадим Иванович Лествицын (1827–1889) не только были готовы дать подобный материал об Ушинском, но и имели возможность привлечь к созданию очерка о нём здравствовавших на тот момент ярославских коллег Константина Дмитриевича Петра Васильевича Фёдорова (1807–1874), Ивана Дмитриевича Троицкого (1803–1878) и поэтессу Юлию Валериановну Жадовскую (1824–1883), жившую в Ярославле как раз в те же годы, что и Ушинский.

Увы, местное начальство не позволило осуществить этот замысел. В итоге очень многие, особенно бытовые, моменты жизни Ушинского в Ярославле остались неосвещёнными и навсегда утрачены. Впрочем, В. И. Лествицын опубликовал очерк об Ушинском в 1880 г. в «Ярославских епархиальных ведомостях» [41, с. 136]. В воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского (1825–1897), брата великого русского писателя, состоявшего в должности губернского архитекто-

ра в Ярославле в 1865–1871 гг. [14, с. 344], приводится разговор, имевший место между Л. Н. Трефоловым и ярославским вице-губернатором Николаем Александровичем Тройницким (1842–1913), в будущем вятским губернатором.

«Вхожу я к Т. (к Тройницкому. – *В. П.*), – рассказывал Трефолев, – и вижу его сидящим над номером газеты, которую он должен был в тот день дозволить к печатанию. Увидев меня вошедшего, он обратился ко мне со словами:

– Скажите, пожалуйста, что это за Ушинский, о смерти которого вы объявляете в чёрных каёмках и обещаете ещё впоследствии полную биографию его?

– Неужели вам неизвестна, г. вице-губернатор, фамилия Константина Дмитриевича Ушинского, этого знаменитого русского педагога, составителя книги «Русское слово» (правильно – «Родное слово». – *В. П.*), по которому сотни тысяч русских детей обучались грамоте?..

– Всё это хорошо, но я полагаю, что это не подходит к той программе, что может, по закону, быть помещаемо в неофициальной части губернских ведомостей, – сказал как рак покрасневший Т.

– Я полагал это подходящим в том внимании, что покойный Константин Дмитриевич Ушинский первоначально начал свою службу в Ярославле, в Ярославском Демидовском лицее, где был некоторое время профессором.

– Ну, так с этого нужно было и начинать, а то не всякий знает, кто такой Ушинский». Тем не менее, несмотря на такое, казалось бы, мирное разрешение этого вопроса, печатание очерка о К. Д. Ушинском так и не было дозволено. Видимо, вице-губернатор «уточнил» из «авторитетных» источников обстоятельства увольнения Ушинского из лицея [42, с. 299]. Как бы то ни было, три года жизни К. Д. Ушинского в Ярославле были наполнены постоянной работой, обогатили молодого педагога преподавательским и жизненным опытом, заложили базу для его дальнейшего духовного и человеческого развития.

ГЛАВА 6. ГАТЧИНА

Расставшись с лицеем, К. Д. Ушинский фактически остался без дела и без средств к существованию. Он отправился в Санкт-Петербург на поиски работы. У него не было намерения оставлять учительскую работу, и поэтому Константин усиленно искал в столице или за

её пределами место учителя. Незадолго до смерти в письме к своему близкому другу, коллеге по Гатчине и Смольному Якову Павловичу Пугачевскому Ушинский писал: «Там (в Санкт-Петербурге. – В. П.) я таскался без куска хлеба... там я напрасно искал места уездного учителя...» [31, с. 225]

В разговоре с учителем Деркачёвым, состоявшемся в Симферополе в 1870 г., Константин Дмитриевич сказал, что после увольнения из лицея он разослал в разные училища до тридцати заявлений, но не получил ни одного ответа, и это несмотря на то, что потребность в учительских кадрах была очень значительной, а в уездных училищах вообще крайне редко работали педагоги с университетским дипломом [73, с. 123]. Но всё было напрасно: опального педагога нигде не брали на работу. К. Д. Ушинский, конечно, не мог знать о наличии секретного предписания, запрещавшего брать его на работу в какие бы то ни было учебные заведения, подведомственные министерству народного просвещения,

Профессор В. И. Чернышёв (1866–1949) утверждал, что Ушинский был «переведён из Ярославского Демидовского лицея в департамент служебным порядком, без какого либо перерыва в службе, поэтому скитаться без места ему совсем не приходилось». Увы, это утверждение противоречит документальным источникам: с 19 октября 1849 г. Ушинский в течение нескольких месяцев фактически был без места и не получал жалованья, хотя формально и числился по-прежнему в лицее. При этом жил он в это время в Санкт-Петербурге. Лишь 18 марта 1850 г. последовало отношение министра Платона Александровича Ширинского-Шихматова – ранее он был товарищем (т. е. заместителем) министра – попечителю Московского учебного округа о переводе Ушинского на службу в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, который находился в ведении МВД. В этом отношении указывалось, что высочайшим приказом № 26 от 6 февраля коллежский секретарь Ушинский переводился в этот департамент помощником столоначальника [18, с. 242].

Руководил департаментом в 1848–1853 гг. граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). В этой должности Толстой запомнился составлением истории иностранных вероисповеданий. Отчасти своей карьерой, по крайней мере на начальном её этапе, он во многом был обязан тестю, министру внутренних дел Дмитрию Гавриловичу Бибикову. Вскоре после начала своей работы в Департаменте Ушинский допустил бестактность: в кругу сослуживцев сделал недвусмыслен-

ный намёк на указанное выше обстоятельство. Толстому донесли об остром на язык новичке, и это, естественно, настроило его против Ушинского. Впоследствии Толстой, став министром народного просвещения (он занимал эту должность в 1866–1880 гг.), запретил книги К. Д. Ушинского к использованию в российских школах.

Служба К. Д. Ушинского в должности помощника столоначальника, иначе говоря, младшего столоначальника, заключалась в подготовке деловых бумаг. Он готовил ответы на разного рода запросы из других ведомств, собирал статистические сведения, давал письменные разъяснения и т. п. Под его началом было несколько чиновников, которые смотрели на него снизу вверх как на человека, имевшего университетское образование.

Сама должность получила название ещё в год своего учреждения в 1811 г. *Стол* был низшей структурной частью центральных и местных государственных учреждений. Поначалу служащие стола действительно работали за одним длинным столом, причём столоначальник занимал место в торце стола. Зарплата чиновников была очень скромная, что провоцировало столоначальников и их подчинённых на злоупотребления, т. е. на получение взяток. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Пучина» чиновник Кисельников жалуется на то, что по субботам, когда его столоначальник делит между подчинёнными полученные в течение недели взятки, его, Кисельникова, как человека скромного, он обделяет. Великий драматург озвучил в своей пьесе то, что было хорошо известно каждому россиянину: для того чтобы получить какую-либо справку или выписку, необходимо «дать на лапу» соответствующему чиновнику.

Ю. С. Рехневский вспоминал: «...К департаментской службе Ушинский, как сам говорил, был совершенно неспособен, по-видимому, он не принимал никакого участия в производстве дел департамента и даже редко туда являлся, занимаясь на дому составлением исторических записок и исполнением других подобного рода поручаемых ему работ» [67, с. 10].

Душевный настрой Ушинского передают его дневниковые записи, относящиеся к концу 1849 г. Характеризуя своё тогдашнее социальное положение, Константин Дмитриевич писал: «Чиновничий пролетариат – наиболее печальный, сложнейший пролетариат в мире, и наиболее убийственный. <...> Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям... Неужели мне придётся погибнуть в этой тюрьме? Какое неестественное явление наша жизнь!

Много я прошу у тебя, судьба? Наименьший уголок под ясным небом среди ароматных полей, тенистых рощ, умеренный труд... Я мог бы ещё просить у тебя любимую женщину и добрых друзей, но ты такая скупая!» [83, с. 43]

11 июля 1851 г. Константин Дмитриевич был командирован в Черниговскую губернию. В чём заключалась цель его командировки, осталось неизвестно, поскольку исследователями так и не было найдено никаких документов о выполненной им там работе. Тем не менее эта командировка стала знаменательным событием в жизни Ушинского. Здесь он посетил хутор Богданка, расположенный в Глуховском уезде, и возобновил своё давнее знакомство с дочерью его владельца Надеждой Семёновной Дорошенко.

Молодые люди, по всей вероятности, знали друг друга ещё с того времени, когда Д. Г. Ушинский, став вдовцом, спустя два года после смерти первой супруги женился на сестре генерала В. В. Гербеля, директора Шосткинского порохового завода. В доме Ушинских в этот период постоянно бывали гости, прежде всего военные. Среди них наверняка бывал и штабс-капитан Семён Степанович Дорошенко (1794–1848), с начала 1828 г. служивший на этом заводе, а затем занимавший должность уездного земского исправника в г. Глухове. С. С. Дорошенко был представителем старинного украинского дворянского рода, давшего ещё в XVII в. двух гетманов – Михайлу и Петра Дорошенко. Его жена Александра Георгиевна, урождённая Матвиевская, также имела косвенное отношение к заводу: её отец, служил артиллерийским чиновником 8-го класса в заводском управлении.

Хутор Богданка был приданым Александры Георгиевны, а спустя годы перешёл по наследству её дочери Надежде, но перешёл далеко не сразу. В конце 1858 г. согласно купчей крепости, заключённой в Санкт-Петербургской палате гражданского суда, имение в хуторе Богданка перешло полностью к Н. С. Дорошенко, теперь уже Ушинский, от её братьев Степана (29.10.1828–?), Георгия (Егора) (17.04.1830–15.07.1899), Петра (20.06.1834–?) и Константина (21.05.1839–1905) [75].

Ю. С. Рехневский вспоминал: «В студенческую пору Ушинский к концу академического года отпраплялся с земляками на родину, в Малороссию, которую страстно любил. В деревне он меньше занимался, писал стихи» [67, с. 11]. 5 января 1852 г., на хуторе Богданка, Ушинский написал такие строки в кожаный, коричневого цвета альбом Надежды Дорошенко:

*Нам разный путь судьбой назначен строгой.
Вступая в жизнь, мы быстро разошлись.
Но невзначай, просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.*

В этих наивных, безыскусных строчках, сочинением которых увлекаются многие юноши в пору влюблённости, Ушинский хотел выразить мысль о том, что они с Надеждой были знакомы ещё с детства, когда только «вступали в жизнь»; затем их пути-дороги разошлись, и вот наконец новая встреча. Несколько позднее в тот же альбом Ушинский вписал строчки, в которых он отразил своё многолетнее одиночество и неприкаянность:

*Как часто я, мой милый друг, смотрел с тоскою безотрадной
На всё живущее вокруг, – добычу глупости и скуки жадной!
Как часто я, угрюмый, одинокий, глядел на жизнь как на служе-
нье судьбе и глупой, и жестокой,
И видел в ней одно бесплодное боренье.*

Наконец, строчки, датированные 15–16 сентября 1851 г., отражают совершенно иное настроение их автора:

*Жизнь в душе моей проснулась,
Призыву милому откликнулась она.
Весельем сердце вострепнулось, и снова счастьем грудь полна.
И нет тоски, и убежало горе.
И снова цель видна в безбрежном море.*

Вверху справа над этими строчками Ушинского Надежда Дорощенко собственноручно вывела: «Я согласна». С тех пор К. Д. Ушинский в формулярных списках о службе указывал: «Имею в Черниговской губернии в Глуховском уезде 800 десятин земли с населёнными на них 60 душами крестьян (имение жены, благоприобретённое)». Осенью того же года молодые люди поженились, причём Константин Дмитриевич остался в Богданке с разрешения столичного начальства... до весны. Только 17 апреля 1852 г. он вернулся в Санкт-Петербург.

Богданка, уголок нынешней Сумской области, стала для Ушинского местом отдыха от столичной суеты и повседневных забот о поиске заработка. Здесь он сблизился с крестьянами, проникался их повседневным образом жизни, изучал народные обычаи и обряды.

Местный краевед И. А. Абрамов вспоминал, что рассказывали ему крестьяне об Ушинском: «Бывало, придёт к нам на работу, попробует наших трудов и скажет: «Да, братцы, тяжёлая ваша работа!» Либо косим сено, бывало, или дрова пилим в лесу в нашем, на десятине. Ко всему ему дело, всего попытается и скажет всё одно и то же: «Да, братцы, тяжёлая ваша работа». Малороссийский крестьянский быт Черниговской губернии в значительной мере отразился в «Родном слове» Ушинского. В небольших отрывках «Из детских воспоминаний» он с художественной простотой и задушевностью повествует о том, как в деревнях встречают Рождество, как мальчишки ходят по домам поздравлять хозяев с Новым годом, как щедруют, колядуют, как выжигают свечой кресты на дверях, вернувшись из церкви с Страстей Господних. Ушинский широко использовал в своих произведениях народные пословицы, поговорки, загадки, сказки. Жить на хуторе вроде бы было его давнишней мечтой, но и со столицей он не мог расстаться: в Питере – единомышленники, журналы, возможность публиковаться, иными словами, заработок.

В своём дневнике ещё в 1849 г. он высказывался о том, как ему хотелось бы жить на селе, в своей усадьбе. Но так сложилось в судьбе Ушинского, что, подобно отцу, Константин, будучи семейным человеком и к тому же многодетным отцом, большую часть жизни провёл в разлуке с женой и детьми. Зарплата К. Д. Ушинского в департаменте составляла всего 400 рублей в год. Этой суммы не хватало ему самому на самую скромную холостяцкую жизнь в столице; его молодая жена оставалась пока жить с родителями.

Пришлось Ушинскому приискивать дополнительный заработок. Этому не препятствовала, прямо скажем, необременительная департаментская служба. Молодой человек по-прежнему увлекался философией и земледелием, но особенно в это время его увлекло изучение английского языка. М. Л. Песковский утверждал [30, с. 30–31], что «Ушинский обратился к журнальной деятельности прямо-таки из нужды, ради насущного куска хлеба». Это было действительно так. В мае 1852 г. Ушинский начинает сотрудничать с журналом «Современник», а спустя два года – с другим популярным журналом – «Библиотека для чтения», издававшимся А. В. Старчевским. Редактор «Современника» великий русский поэт Н. А. Некрасов вспоминал: «Одно время усердным сотрудником был Ушинский» [27, с. 120]. В «Современнике» Ушинский вёл раздел «Иностранные известия». 31 августа 1852 г. вышел № 9 журнала с большой статьёй К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов», носившей бытописательский и этнографический ха-

ракти; о ней с одобрением высказался сам И. С. Тургенев и литературные критики [15, с. 11].

В это время российские журналы и газеты увлекались публикацией на своих страницах переводов европейских авторов. Ушинский предложил свои услуги в качестве переводчика, а затем и компилятора. Задача компилятора состояла в том, чтобы сократить «слишком длинное» для периодического издания литературное произведение до приемлемых, по мнению редактора, размеров, сделать его более динамичным и захватывающим по сюжету.

Ушинский переводил романы популярного английского писателя Уильяма Мейкписа Теккерея, принимал участие в переводе «Политической экономии» Джона Стюарта Милля. Также Константин составлял разного рода обзоры и хроники, писал рецензии, т. е. выступал в качестве литературного критика.

Следует отметить его большой материал, опубликованный в «Современнике» в четырёх номерах («Литературный характер, или История гения, заимствованная из собственных чувств и признаний Дизраэли». Современник. 1853. № 5–8). Там же, в № 3 за 1853 г., опубликована его рецензия на книгу Ф. Ф. Жуанвиля «История одной французской эскадры», в № 1 за 1854 г. – рецензия на книгу «Игорь, князь Северский» и др. К. Д. Ушинский печатался и в других изданиях. Так, «Вестник императорского Русского географического общества» (1853, кн. 5, с. 45–52) опубликовал его «Обзорные иностранные географические журналы». Спустя год в № 10 была помещена его статья «Цивилизация и варварство».

Очень скоро Ушинский стал восприниматься в литературной среде как талантливый, перспективный писатель. Но сам он воспринимал работу в журналах больше как литературную подёнщину, которая, кстати, очень скудно оплачивалась, а требовала много сил и времени. Со временем она начала его по-настоящему тяготить, и хотя он по-прежнему писал в журналы, но это были уже совсем другие журналы – педагогические. Можно сказать, что на педагогическую работу К. Д. Ушинского вывел, в общем-то, случай, но именно на этом пути он обессмертил своё имя.

1 августа 1854 г. Ушинский «увольняется от службы за штатом» ввиду упразднения III отделения департамента, а 4 ноября он зачисляется на должность старшего учителя русской словесности Гатчинского Николаевского сиротского института по приглашению бывшего директора Ярославского Демидовского лицея в 1839–1848 гг. Петра

Владимировича Голохвастова¹³ и с согласия почётного опекуна института графа С. С. Ланского, который и сам лично знал Ушинского. П. В. Голохвастов хорошо относился к Константину Дмитриевичу, ценил его. К. Д. Ушинский не мог работать, в силу запрета, в учебных заведениях, подведомственных министерству народного просвещения. Но Гатчинский институт относился к военному ведомству, и на работу здесь запрет не распространялся.

3 апреля 1855 г. Ушинский был определён старшим учителем русской словесности и юридических предметов. 4 августа того же года, после ухода П. С. Гурьева, Ушинский становится инспектором классов, иначе говоря, заместителем директора по учебной работе. 2 июня 1856 г. он был утверждён в этой должности [58, с. 34–35]. Здесь ему представилось огромное поле для применения своих педагогических способностей», – вспоминала Е. Н. Цевловская (по мужу Водовозова) [4, с. 486].

А. В. Старчевский утверждал, что почётный опекун института граф С. С. Ланской лично знал Ушинского, «любил его, принимал всегда охотно... и имел к нему полное доверие» [71, с. 47]. Не исключено, что Старчевский несколько идеализирует отношения сановного чиновника и гордого, самолюбивого и не всегда уравновешенного педагога. Например, другой редактор, А. А. Чумиков, в воспоминаниях о Ланском совсем по-другому описывает их отношения. Он писал: «Но всего рельефнее выставляются перед нами “приятные отношения” между Ланским и его подчинёнными в следующем крайне неделикатном его поступке с нашим знаменитым педагогом К. Д. Ушинским, бывшим в то время инспектором классов в Гатчинском сиротском институте. Ушинскому пришлось по какому-то случаю исправлять должность директора этого заведения. Не знал ли он о заведён-

¹³ П. В. Голохвастов (1803–1887) был примечательной личностью. Из Ярославского Демидовского лицея в своё время он ушел по заявлению якобы по причине болезни. Однако это не помешало ему стать директором Гатчинского Николаевского сиротского института и возглавлять его в течение шести лет (1854–1860). Его отец Владимир Петрович (1769–1819), потомственный дворянин, служил в г. Рыбинске полицмейстером. Его сын, Петр Владимирович, учился (в 1817–1822 гг.) в очень престижном и в то время единственном в своём роде вузе в Европе – в институте Корпуса инженеров путей сообщения, совсем незадолго до этого учреждённом (1809). Затем служил по полученной специальности в Москве (1822–1828). После Гатчинского института в 1863–1872 гг. служил в столичном цензурном комитете. В год смерти получил высокий чин тайного советника.

ных там странных порядках или в видах протеста против них, только, приняв свои новые обязанности слишком *au serieux*, поехал он к Ланскому в Петербург с каким-то докладом. Тот, не развернув даже поданной ему бумаги, разорвал её и бросил на пол, как бы желая тем сказать: “Не за своё дело ты, братец, взялся, и моих порядков не смей нарушать!” Порядок же в институте был заведён такой: не непосредственный его начальник директор, а один из комнатных надзирателей А. ездил с докладами к управляющему институтом, – на том основании, что этот же самый надзиратель заведовал частными делами графа С. С. Ланского. Из всего видно, что этот *alter ego* г. управляющего распоряжался в институте как настоящий хозяин. Нам, по крайней мере, рассказывали несколько лиц, что определение на все должности, не только по хозяйственной, но по учебной части, проходило через него и не иначе как со внесением известной установленной таксы. Неудивительно, что при существовании таких порядков Гатчинский институт, обладая почти неограниченными материальными средствами и имея во главе учебной части таких выдающихся педагогов, как Гугель, Гурьев и Ушинский, во всё время заведования им Ланским, время довольно продолжительное, – никогда не мог подняться выше уровня самой обыкновенной посредственности» [18, с. 19].

Рассказ Чумикова заслуживает, конечно, большего доверия. Он и сам несколько лет служил под началом Ланского и вместе с тем хорошо знал Ушинского, который первый раз заменял директора института в 1857 г. и как раз в этот год начал сотрудничать в «Журнале для воспитания», основателем и редактором которого был Чумиков.

По мнению В. И. Чернышёва, «переход Ушинского на педагогическое поприще не был для него каким-либо внезапным переворотом. Он начал педагогическую деятельность ещё на студенческой скамье» [18, с. 25]. В дневнике 3 февраля 1845 г. Ушинский сделал запись о своём уроке, из которой видно, «как высоко ставил он и как серьёзно понимал педагогические обязанности». 2 апреля он записал цитату из Гегеля о задаче воспитания. Это показывает, что «мысль Ушинского уже тогда начинала работать в педагогическом направлении» [18, с. 25].

Вспоминая о сотрудничестве Ушинского в журнале «Библиотека для чтения» его редактор Альберт Викентьевич Старчевский рассказывал, как летом 1855 г. он передал Константину Дмитриевичу несколько номеров английского журнала «*Athenaeum*» с просьбой как можно быстрее перевести их для журнала. Сам Старчевский даже не ожидал, что эти статьи произведут столь сильное воздействие на впе-

чатлительного Ушинского. «Зачем прислали вы мне статьи об американском воспитании? Вращаясь постоянно в училищном кругозоре, ознакомившись поближе с детьми, которых надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтении «Athenaeum»'а, не мог спать несколько ночей! Статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих понятиях, убеждениях. Они подняли в моём уме целый рой вопросов по воспитанию и образованию; навели меня на многие, совершенно новые, мысли, которые, без этих статей, пожалуй, никогда не пришли бы мне в голову. Я не знаю, что я сделаю, что со мною будет, но я решил посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам» [73, с. 150–151].

С такими словами, вспоминал Старчевский, обратился Ушинский к нему после чтения этих статей. В экстазе, вспоминал Старчевский, Ушинский говорил о том перевороте в его убеждениях, который произвели упомянутые статьи, и о том, что он решил отныне посвятить себя исключительно педагогическим вопросам. По поводу самого этого эпизода и слов Ушинского, записанных по памяти спустя почти 30 лет, исследователь В. И. Чернышёв заметил, что, не отрицая справедливости свидетельства Старчевского, он не может согласиться «с указанием на быстрое, какое-то чудесное обращение нашего педагога на путь прославившей его деятельности» [18, с. 24–25].

Развитие педагогических устремлений продолжилось в ярославский период деятельности. Педагогические стремления побудили Ушинского искать места хотя бы в уездном училище и поступить на работу в Гатчинский институт. «Философские изучения и влечения также подготовляли и располагали Ушинского к педагогической деятельности; на эти занятия он и сам после указывал как на непрерывные, а известно, что они начались ещё с университета», – отмечал А. Н. Иванов [18, с. 25].

В. И. Чернышёв пришёл к выводу, что «уместнее говорить не о внезапном переходе его на педагогическое поприще, а о его замечательно быстром развитии в этом направлении» [18, с. 26].

К. Д. Ушинский вступил на педагогическое поприще в период крутого перелома в российском обществе и образовании. Именно в Гатчине окончательно определилась дальнейшая судьба Ушинского. Он обрёл здесь достаточно прочное материальное положение и почётную известность со стороны педагогического сообщества.

Дело образования увлекло его, и он начал с того, что занялся изучением педагогов-классиков, причём исключительно иностранных

(Песталоцци, Коменского, Базедова, Дистервега, К. Шмидта), – своих-то ещё не было! Институт был учреждением с богатыми педагогическими традициями. Здесь, в своё время, работали видные педагоги российского масштаба, издавался педагогический журнал, была собрана замечательная по тем временам библиотека классиков образования на иностранных языках. Одновременно институт нуждался в серьёзных переменах.

В наши дни видного российского педагога первой половины XIX в. Егора Осиповича Гугеля если и вспоминают в отечественной историко-педагогической литературе, то, как правило, в связи с К. Д. Ушинским, который был одним из его преемников в должности инспектора классов Гатчинского сиротского института. К. Д. Ушинский стал заведующим учебной частью спустя четырнадцать лет после смерти Гугеля и вскоре обнаружил в подвале этого учебного заведения замечательно «полное собрание педагогических книг», – два запечатанных шкафа, заполненных книгами иностранных авторов.

Великий русский педагог вспоминал об этом событии следующим образом: «Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни своей очень, очень многим, и, – Боже мой! – от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем вступил на педагогическое поприще! Человек, заведший эту библиотеку, был необыкновенный у нас человек. Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьёзно на дело воспитания и увлёкся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет проводить свои идеи в исполнение; но вдруг обстоятельства изменились, – и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой, педагогическими идеями. Недаром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям одною и тою же мёртвою рукою, я думал: лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи» [79, с. 6].

О Гугеле давно уже все забыли, а если и вспоминали, то не иначе как о «чудаке-мечтателе, человеке не в своём уме», оставившем в наследие институту библиотеку, состоявшую из двух больших шкафов, к которым никто не решался прикоснуться, словно они были зачумлённые. Шкафы эти, почерневшие, запылённые, лет 20 стояли за-

печатанными. Но труды великого и в то же время несчастного Гугеля не были напрасны. Спустя четверть века они нашли талантливое продолжателя в лице К. Д. Ушинского. Заняв место инспектора института, он получил возможность в более широких размерах применять на деле те педагогические принципы, которые раньше занимали его в теории. Деятельность Ушинского в роли администратора-педагога обширного учебного заведения отличалась, по мнению его соратников и современников, большой энергией и разумностью. Время инспекторства Ушинского в Гатчинском институте стало самой блестящей эпохой в истории этого учебного заведения. Это время было отмечено большой упорядоченностью всего учебно-воспитательного дела и его успешностью.

Получается, что Гугель стал для Ушинского чем-то вроде путеводной звезды, примером для подражания. Будущий «отец русских учителей» в те годы находился «в поисках дела жизни», и давно ушедший к тому времени из жизни Е. О. Гугель помог ему обрести себя, незримо направил его на педагогическую стезю [59, с. 17]. Собственно говоря, в коренных реформах нуждалось всё российское общество. Это стало особенно очевидным в свете поражения России в Крымской войне. Образованная часть российского общества, если верить публиковавшимся тогда журнальным и газетным статьям, занималась самобичеванием, разоблачением социальных язв. Всё это не могло не способствовать принятию Александром II судьбоносных решений по поводу отмены крепостного права и введения земских реформ, которые, несомненно, стали катализатором осуществления преобразований, в том числе и в деле просвещения народа. Российское общество стало интересоваться тем, что ранее ему было совершенно неведомо, – вопросами образования. Правда, интерес этот нередко ограничивался хаотичной и огульной критикой «всего и вся». Однако правительство, под влиянием негативного отношения интеллигенции к существующим порядкам в российской образовании, было склонно к тому, чтобы провести радикальные реформы. Вот только как они, эти реформы, должны были выглядеть, никто не знал.

Первой статьёй, всколыхнувшей мыслящую российскую интеллигенцию, стала статья знаменитого хирурга Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», опубликованная, как эти ни странно, не в педагогическом, а в военном журнале «Морской сборник» (1856, № 9). Как справедливо отмечал Д. Д. Семёнов, эту статью читали «во дворце, в бедной квартире литератора, педагога, чиновника»; поднятый в статье вопрос

интересовал как великосветских дам, так и скромных матерей семейств. Главный вопрос, раскрывавшийся Пироговым, заключался в том, что российскому образованию предстояло определиться в том, каким оно должно быть. Из всего возможного многообразия аспектов этой проблемы автор поднимал только один, а именно, должно ли образование детей быть общим или профессиональным.

Великий гуманист Н. И. Пирогов исходил в решении этого вопроса из идеи разностороннего детского развития и считал, что, прежде всего, надо дать возможность развиваться разнообразным сторонам личности ребёнка и лишь затем всемерно способствовать его профессиональному становлению. Иными словами, общее образование должно предшествовать профессиональному. К. Д. Ушинский всецело разделял эту гуманистическую идею Пирогова и считал её своего рода основой, фундаментом при построении системы российского общего и профессионального образования. Сам Николай Иванович также во многом способствовал осуществлению своих гуманных идей, находясь в должности попечителя учебного округа в Одессе и Киеве.

В Гатчинском институте во времена Ушинского обучались свыше шестисот учащихся. Это было закрытое среднее профессионально-юридическое учебное заведение, которое находилось под покровительством императрицы, неоднократно посещавшей институт. По её просьбе Ушинский даже составил «Письма о воспитании наследника царского престола». Здесь учились будущие чиновники министерств и департаментов. Институт был известен своими строгими порядками; за малейшую оплошность безжалостно наказывали. Учеников вынуждали доносить друг на друга, а это порождало вражду между ними. За небольшую провинность воспитанника могли посадить под арест в карцер, на прогулку за стены института воспитанники могли выходить только по субботам и воскресеньям.

Сам Ушинский так характеризовал позже институтские порядки: «Канцелярия и экономия наверху, администрация в середине, учение под ногами, а воспитание – за дверьми здания». За пять лет своей преподавательской работы в этом учебном заведении К. Д. Ушинскому удалось изменить старые и внедрить новые порядки и традиции в институте, которые сохранялись в нем вплоть до 1917 г. Так, ему удалось начисто искоренить фискальство, доносительство, которые, как правило, характерны для учебных заведений закрытого типа. Ему удалось изжить воровство, так как самым суровым наказанием для воров стало презрение товарищей.

Чувство настоящего товарищества К. Д. Ушинский считал основой воспитания. Ушинскому удалось полностью изменить саму суть воспитательного процесса. Больше не было ни воровства, ни кляуз, ни сухого канцеляризма. К сожалению, все архивные документы, относящиеся к тому периоду времени, когда там работал Ушинский, пропали, а его соратники, да и сам педагог, не оставили каких-либо серьёзных, подробных воспоминаний.

Деятельностью в институте не ограничивалось участие Ушинского в педагогической жизни. Именно в этот период он начал работать над «Детским миром», здесь он задумал учебник «Родное слово». В 1857 г. возникли сразу два педагогических журнала: «Русский педагогический вестник» Н. А. Вышнеградского и «Журнал для воспитания» А. А. Чумикова. Спустя год вышел в свет ещё один журнал – «Учитель» И. И. Паульсона. Особенно активное участие Ушинский принял в работе журнала А. А. Чумикова. Сам Чумиков вспоминал об этом так: «Поощряемый... инспектором классов Гатчинского сиротского института К. Д. Ушинским подготавливается к изданию педагогический журнал» [92, с. 585].

28 января 1857 г. вышел в свет первый номер первого российского педагогического журнала, который назывался «Журнал для воспитания», с программной статьёй Ушинского «О пользе педагогической литературы». В этой статье был поставлен важнейший на тот период времени вопрос, – о полном отсутствии в российском образовании какой бы то ни было педагогической литературы. Ушинский доказывал важность и необходимость срочного создания отечественной педагогической литературы и с этого времени сосредоточил на решении этого вопроса свои главные усилия.

К. Д. Ушинский убедительно показывает огромный разрыв между «крайней бедностью нашей педагогической литературы» – это вообще первые слова статьи – и достаточно активной практической педагогической деятельностью. Как-никак в России в то время насчитывалось более пяти тысяч учебных заведений и около двадцати тысяч педагогов. Две-три слабые попытки педагогических курсов, один учительский институт, отсутствие педагогических журналов, ни одного значительного произведения на образовательную тематику... Между тем причину сохранения бедственного положения состояния образования Ушинский видел в нехватке, точнее практически в полном отсутствии, отечественной педагогической литературы. Он справедливо указывал, что педагогическая литература вводит его (педаго-

га) в благородный круг мыслителей, посвятивших всю свою жизнь делу воспитания.

К. Д. Ушинский также считал, что «педагогическая литература одна только может придать педагогической деятельности тот смысл и ту занимательность, без которой она делается машинальным препровождением времени, назначенного на уроки. Педагогическая литература знакомит нас с психологическими наблюдениями множества умных и опытных педагогов и направляет нашу собственную мысль на такие предметы, которые легко могли бы ускользнуть от нашего внимания» [82, с. 167].

Положение было действительно печальное. Ушинский объяснял «такое ничтожество нашей педагогической литературы, особенно при таком развитии её в Германии», не чем иным, как «тайным сознанием её бесполезности». Иными словами, практические учителя не видели для себя реальной пользы от научных трудов по педагогике. Но как они могли прийти к таким «консервативным» выводам при тогдашнем полном отсутствии этих трудов как таковых? Это действительно странно.

Тем не менее подобное «неверие» сохраняется и поныне. Налицо разрыв между педагогической теорией и образовательной практикой. И если во времена Ушинского этот разрыв ещё можно было как-то объяснить недоступностью теоретических трудов для основной массы учителей, то в наши дни, в первой четверти XXI в., объяснение может быть только таким: педагогическая теория с трудом проникает в образовательную практику, поскольку она далеко не в полной мере даёт научно обоснованные ответы на запросы образовательной практики, прежде всего школьной.

К недостаткам современной педагогики никак нельзя отнести отсутствие соответствующей научной литературы; её издаётся много. Может быть, причина педагогической неграмотности не в невозможности читать педагогическую литературу, а в нежелании многих педагогов это делать?

Невысокого мнения Ушинский и о тех педагогах, которые ставят во главу угла стаж своей работы: «Каждый из них так гордится своей опытностью, высчитывая по пальцам года своей воспитательной деятельности» [82, с. 167]. Таких учителей он с сарказмом называет «машиной для задачи и спрашивания урока и наказания тех, кто попадает им под руку». Ушинский отмечал, что среди многих учителей господствует убеждение в том, что их профессиональный опыт с лихвой компенсирует полное отсутствие теоретической подготовки, которая даётся посредством изучения литературы.

Педагогическая литература знакомит нас с психологическими наблюдениями множества умных и опытных педагогов, направляет нашу собственную мысль на такие предметы, которые легко могли бы ускользнуть от нашего внимания. Педагогическая литература устанавливает в обществе правильные требования в отношении воспитания и открывает средства для удовлетворения этих требований. Педагогическая литература, считал Ушинский, одна только может оживить воспитательную деятельность, придать ей тот смысл и ту занимательность, без которых она скоро делается машинальным препровождением времени, назначенного на уроки. Она одна только может возбудить в обществе внимание к делу воспитания и дать в нём воспитателям то место, которое они должны занимать по важности возлагаемых на них обязанностей.

Педагогическая литература устанавливает в обществе правильные требования в отношении воспитания и открывает средства для удовлетворения этих требований. Он приходит к важным выводам, таким, например: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях»; «Передаётся не сам опыт, а мысль, выведенная из опыта» и др.

16 января 1859 г. К. Д. Ушинский, к тому времени благодаря своим ярким публикациям и нововведением в Гатчине ставший заметной фигурой в столичном учительском сообществе, был переведён на должность инспектора классов в самое престижное и привилегированное учебное заведение России – «Общество воспитания благородных девиц», представлявшее собой образец, по выражению Ушинского, «французско-галантерейного» воспитания.

Биографы К. Д. Ушинского на протяжении вот уже более чем полутора сотен лет, прошедших после его смерти, неутомимо пишут, повторяя друг друга, о том, что он-де был окружён стеной непонимания; что коллегами Ушинского были недостойные его люди; что царский режим душил Константина Дмитриевича, и якобы по этой причине он умер так рано...

Конечно, такой лицемерный и не соответствующий историческим фактам подход был характерен, прежде всего, для работ советского периода. Так, в издании «К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах», вышедшем в 1950 г., отстранение Ушинского от работы в Смольном институте благородных девиц характеризуется следующим образом: «Удаление Ушинского из Смольного института, прикрытое формой заграничной командировки, так же как увольнение Пирогова с

поста попечителя Киевского учебного округа, вызвало возмущение передовой русской общественности. А. И. Герцен с негодованием писал в “Колоколе” о темных делах государыни и окружающих её реакционеров – Леонтьевых, Налётовых и других, “подковырнувших в Смольном монастыре” Ушинского» [20, с. 78]. Сам Ушинский с юмором писал 23 сентября 1862 г. своему другу А. И. Скребницкому следующее: «Герцену вздумалось упомянуть в “Колоколе” о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному... Того и смотри, что позовут в Россию, т. е. при теперешнем состоянии моего здоровья приговорят к смерти» [20, с. 78]¹⁴.

Именно эти вышеприведённые строчки из вполне безобидного письма Ушинского к своему другу по цензурным соображениям были опущены в публикации письма в 11-м томе собрания сочинений Ушинского [84, с. 197–199]. Составитель тома В. Я. Струминский, очевидно, руководствуясь принципом *умный поймёт*, даже специально помечает, что из трёх сохранившихся писем к Скребницкому именно это, третье, печатается в сокращении. Эту-то сокращённую часть письма и поместили в своём издании «К. Д. Ушинский в портретах...» Н. Г. Казанский и В. К. Зажурило, проявив немалую для своего времени смелость.

Заметьте, обе эти приведённые выше цитаты взяты не только из одного и того же издания, но даже с одной и той же страницы. Очевидно, автору текста, известному историку педагогики, организатору первой в СССР кафедры педагогики начальной школы (в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена) Николаю Григорьевичу Казанскому (1894–1975) и составителю издания, замечательному краеведу и автору целой серии книг по истории Ленинграда Вере Константиновне Зажурило (1909–2002), очень хотелось сказать всю правду. Но как это было сделать в 1950 г.? Вот они и поместили обе цитаты, руководствуясь всё тем же принципом *умный поймёт*.

Получается, что сам Ушинский справедливо расценивал своё пятилетнее нахождение в Швейцарии как возможность спокойно и без заботы о хлебе насущном работать над трудами, которые в итоге и обессмертили его имя; ведь всё самое ценное было написано им именно в этот период. Однако в научных публикациях советского периода «Смольнинский период» педагогической деятельности Ушин-

¹⁴ В. К. Зажурило работала методистом музея Пушкинского дома, участвовала в оборонных работах под Ленинградом в июне-августе 1941 г. и провела здесь весь период блокады. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

ского трактовался в соответствии с принятыми тогда идеологическими установками. Профессор Н. К. Гончаров (1902–1978) в своей монографии писал, что отстранение Ушинского от руководства «Журналом министерства народного просвещения» и от работы в Смольном «по состоянию здоровья» – это звенья крепостнической цепи, в которую реакционеры старались заковать любую живую мысль, любое прогрессивное деяние [8, с. 41].

Аналогичным образом характеризовали события, связанные с уходом Ушинского из Смольного, авторы авторитетного учебника по истории педагогики для студентов педагогических институтов, вышедшего в 1950–1980-е гг. четырьмя изданиями [22, с. 217].

Разумеется, К. Д. Ушинский встречал немало препятствий на своём профессиональном пути; порой ему действительно мешали ретрограды. Но объективный анализ событий жизни и педагогической деятельности Константина Дмитриевича показывает, что на протяжении всех лет его профессиональной работы он неизменно был окружён далеко не только недоброжелателями, но прежде всего теми, кого вполне можно считать лучшими людьми своего времени. Так что тезис о его «удушении» весьма спорен. В лучшем случае это можно считать только частью правды.

Да, ему пришлось тратить немало здоровья и нравственных сил в борьбе за своё собственное понимание того, каким образом должен быть организован процесс обучения в Ярославском лицее. Да, громкий конфликт в Смольном институте, несомненно, ускорил течение туберкулёза и приблизил в итоге раннюю смерть великого педагога. Но давайте зададимся вопросом: а много ли в истории вообще найдётся новаторов (педагогов, врачей, изобретателей, политиков и т. д.), которым в течение их профессиональной деятельности удавалось избежать конфликтов и невзгод?! Скорее всего, мы вообще не найдём таких примеров. Так что Ушинский вовсе не был исключением из правил. Действительно, если уж ты встал на путь реформ, – готовься к возможным неприятностям и активнейшему сопротивлению своим устремлениям со стороны возможных оппонентов, которые, несомненно, найдутся.

С другой стороны, можем ли мы в истории российской педагогики отыскать ещё хотя бы один пример того, как высокопоставленная персона всероссийского масштаба разбирала бы лично конфликт учителя с его коллегами и непосредственным начальством и при этом выносила свой вердикт в пользу этого самого учителя так, как это

сделала действующая императрица Мария Александровна, супруга императора Александра II?!

Каких-то других аналогичных примеров отечественная история педагогики и образования, в том числе советского и постсоветского периодов, просто не знает. Авторитетные персоны, как, например, министр народного просвещения А. С. Норов, помогали Ушинскому, причём делали это с такой степенью деликатности, что сам Константин Дмитриевич даже и не догадывался об этом содействии; мы имеем в виду назначение Ушинского в Смольный институт.

Что же касается сопротивления ретроградов новаторским усилиям Ушинского, так ведь ни для кого не является секретом тот факт, что все эти люди в массе своей не являлись в действительности недоброжелателями и тем более личными врагами Ушинского, а просто выступали как ревностные сторонники действовавших на тот период времени установленных правил и законоположений, неотступно им следовали в своей повседневной работе и, что выглядит вполне естественно, того же требовали от других, в том числе и от Ушинского. Но трагедия Ушинского заключалась в том, что, будучи по натуре пассионарием, он не терпел рядом с собой таких персонажей, которым позднее А. П. Чехов дал определение «человек в футляре». Более того, своё неприятие Ушинский выражал не только открыто, активно и последовательно, но и чрезвычайно эмоционально. Гораздо больше рядом с Ушинским было тех людей, кто своими действиями, вольно или невольно, помогал ему стать тем, кем он в итоге стал, – крупнейшим русским педагогическим автором.

Неутомимая административно-педагогическая и литературная деятельность Ушинского в Гатчине обратила на себя внимание известного литературного критика и цензора, профессора, действительного члена Императорской Академии наук Александра Васильевича Никитенко (1804–1877), преподававшего в Смольном институте благородных девиц. А. В. Никитенко был действительно примечательной фигурой на небосклоне русской литературы середины XIX в. Достаточно сказать, что, будучи цензором, именно он допустил к печати «Мёртвые души» Н. В. Гоголя. Одного этого факта достаточно, чтобы его имя навсегда было вписано золотыми буквами в историю отечественной литературы, ведь практически любой другой цензор наверняка бы запретил издание этой «опасной» книги, а её импульсивный автор вполне мог бы отправить своё творение в печку, как он и поступил с навсегда утраченным томом «Мёртвых душ»... Именно

Никитенко обратил внимание министра народного просвещения, известного государственного деятеля, действительного тайного советника Авраама Сергеевича Норова (1795–1869) на успехи Гатчинского института. Более того, он увязал эти успехи именно с личностью Ушинского и тем самым склонил министра к назначению Ушинского инспектором классов в Смольном (подробнее о А. С. Норове см. Приложение IV).

ГЛАВА 7. РЕФОРМА В СМОЛЬНОМ

Итак, при энергичном содействии А. С. Норова и А. В. Никитенко в 1858 г. Ушинский получил предложение занять должность инспектора классов обоих отделений Смольного института – «благородной и неблагородной половин» Смольного монастыря», как называли тогда институт с бывшим при нём Александровским училищем. Вполне возможно, это предложение было по времени последним благим делом, которое осуществил на посту министра А. С. Норов, поскольку вскоре он вышел в отставку. Константин Дмитриевич принял это предложение, но ему потребовалось ещё примерно полгода для того, чтобы завершить начатые в Гатчине дела.

Как же обстояло дело с женским образованием в те годы? Женское образование в России в то время только ещё делало начальные шаги. Достаточно сказать, что первая в России женская гимназия была открыта только что – 19 апреля 1858 г. Она располагалась на углу Невского проспекта и Троицкого переулка и первоначально именовалась Мариинским женским училищем для приходящих девиц. Именно эти слова «для приходящих девиц» были принципиально важны. Имевшиеся в то время в России женские учебные заведения вроде Смольного института были закрытыми. Девушки отрывались от семьи на продолжительное время, от тех условий, в которых им в дальнейшем приходилось жить. По выходе из пансиона они обычно чувствовали себя довольно беспомощными среди обыденных жизненных обстоятельств, поскольку провели долгие годы в закрытом, изолированном от внешнего мира учебном заведении. Нередко они становились чужими даже для родственников. К этому следует добавить, что институтское воспитание было доступно лишь немногим; даже далеко не все дочери дворян могли получить в них образование, ибо подобных заведений к концу 1850-х гг. было не более тридцати с общим

количеством учащихся не превышавшим 10–12 тысяч. Капля в море! Было ещё небольшое количество частных пансионов плюс гувернёры да домашнее воспитание. Но эти формы женского образования, за редким исключением, не удовлетворяли педагогическим требованиям, а людям небогатым были и вовсе недоступны.

Вот почему в обществе всё настойчивее стала пробиваться мысль о необходимости полноценного женского образования. Впервые она конструктивно была изложена в конце 1856 г. помощником инспектора классов Николаевского сиротского института Александром Александровичем Чумиковым (1819–1902) в его «Записке...», которая через посредничество великой княгини Марии Николаевны была передана молодой императрице Марии Александровне. Та заинтересовалась проблемами женского образования и взяла патронаж над женскими учебными заведениями.

Неугомонный Чумиков убеждал открывать городские женские училища министра А. С. Норова, попечителя учебного округа князя Щербатова, публиковал в своём журнале соответствующие статьи.

Одновременно с Чумиковым активно действовал в этом же направлении инспектор классов Павловского женского института Николай Алексеевич Вышнеградский, который стремился открыть при этом закрытом женском учреждении отделение для приходящих девиц, но этот проект сочли чересчур радикальным. И всё-таки Вышнеградскому удалось реализовать свой проект. Заручившись согласием императрицы Марии Александровны и принца Петра Георгиевича Ольденбургского, он входит в главный совет женских учебных заведений с проектом об учреждении открытого женского училища. Его проект предусматривал семилетнее обучение. Программа включала Закон Божий, русский язык и словесность, историю – вкратце всеобщую и подробно русскую, географию, естествоведение, арифметику и понятие об измерениях, женские рукоделия, пение, чистописание и рисование. Всё это были обязательные предметы. К необязательным предметам относились французский и немецкий языки, музыка и танцы. Как видно, программа предусматривала решение вопроса об умственном образовании на довольно высоком для того времени уровне.

Обучение было платным: 25 рублей в месяц за обязательный цикл предметов и по 5 рублей за каждый из необязательных предметов. Вскоре, впрочем, плата увеличилась вчетверо. 22 марта 1858 г. последовало высочайшее утверждение заключения совета, а уже через месяц училище открылось. Н. А. Вышнеградский привлёк к рабо-

те в училище молодых преподавателей В. Я. Стоюнина, П. И. Степанова и Д. Д. Семёнова. На первых порах они часто собирались все вместе и в ходе дружеской беседы вырабатывали программы обучения, планы работы и т. д.

Замечательным педагогическим документом являются выработанные этими педагогами «Правила внутреннего распорядка Мариинского женского училища», в которых отразились гуманные идеи, присущие передовым педагогам того времени. В частности, пункт 2 «Правил...» гласил: «Начальство Мариинского училища ответствует перед правительством за успехи детей лишь в той мере, в какой они зависят от деятельности наставников и занятий детей во время урока. Для полного успеха в том и другом необходимо, чтобы родители и попечители детей содействовали начальству училища зависящими от них мерами, тщательно надзирая за занятиями и поведением детей вне класса» [64, с. 48–49]. Тем самым Н. А. Вышнеградский, Д. Д. Семёнов и их коллеги побуждали семью к участию в жизни школы. Педагоги училища заботились о соблюдении дисциплины и порядка в школе.

В то же время они проявляли большой гуманизм в отношении детей, глубокое понимание их природы, психологии детства. Вот, например, как выглядел пункт 28 «Правил...»: «Истинный педагогический порядок состоит не в мёртвой тишине и не в однообразном, неподвижном физическом положении детей; как то, так и другое, будучи несвойственно живой природе детей, налагает на них вовсе ненужное стеснение, крайне утомляет их, разрушает доверчивое отношение между наставниками и ученицами. Нимало не нарушается педагогический порядок класса, если ученица, устав сидеть совершенно прямо, обопрётся на спинку своего стула, если она несколько раз переменит положение рук и ног, скромно и кстати засмеётся по поводу того, что говорит наставник, прервёт речь его или своей подруги выражением своего недоумения, лишь бы только это делалось в формах, согласных с природой детского возраста и требованиями нравственного приличия. Класс должен, сколько возможно, больше походить на семью; чем полнее будет это сходство, тем ближе будет и класс к своей истинной цели. А в благоразумных семействах никогда не требуют, чтобы дети сидели неподвижно и однообразно, чтобы они не смели смеяться или обратиться к старшим по поводу того, что кажется им непонятным.

Уничтожение семейного элемента в общественных училищах убивает природную живость детей, омрачает богом дарованную им

весёлость, истребляет доверчивость и любовь к наставникам и наставницам, к училищу, к самому учению, в натурах энергических образует характеры скрытные, недоверчивые, раздражительные, в натурах мягких – ничтожные, совершенно безличные» [68, с. 49–50].

Здесь же рекомендовалось педагогам обращать внимание на здоровье воспитанниц, личную гигиену и гигиену школьную. Всё это было ново для того времени, знаменовало собой шаг вперёд в отношениях между педагогами и учениками, послужило в определённой степени основой для разработки вопросов, связанных с оснащённостью учебного процесса.

Д. Д. Семёнов работал в гимназии Вышнеградского в течение двух лет. Сам же Николай Алексеевич продолжил свою благородную миссию пионера женского образования. На него постоянно сыпались обвинения в том, что в его гимназиях преобладают девочки низших сословий, что им даётся слишком одностороннее образование, основанное на изучении естественных наук. И хотя специальная комиссия министерства не нашла в его действиях ничего противозаконного, в 1867 г. он был уволен со своей должности в возрасте 45 лет. Скончался 19 апреля (1 мая) 1872 г.

Важнейшая заслуга женской гимназии состояла в том, отмечал Д. Д. Семёнов, что она положила начало развитию в женщине «общечеловеческого чувства», гуманно-христианского направления в её деятельности. Она способствовала решению вопроса об уничтожении неравенства между полами, дала возможность многим девушкам получить профессию учителя, канцелярской служащей и т. д. Девушек, как известно, даже не принимали на учёбу в вузы. Между тем Ушинский считал, что в формировании нравов и характера народа особенно велика роль именно женщины; он называл её «единственной посредницей», через которую успехи науки и цивилизации проникают в семейный быт, в жизнь и нравы народа. Поэтому он гневно протестовал как против «французско-галантерейного», так, кстати, и против «немецко-хозяйственного» воспитания, готовящего из женщины только лишь идеальную домашнюю хозяйку в соответствии с известной формулой «Kirche, Küche, Kinder» («церковь, кухня, дети»).

Воспитанницы Смольного отличались крайней неподготовленностью к обычной жизни, так как Смольный к 1860-м гг. представлял собой своего рода тюрьму. Институтки на всём протяжении своего пребывания там не могли общаться ни с кем, за исключением сотрудников Смольного и родственников. Даже Летний сад полностью

освобождали от посетителей во время прогулок институток. Прогулки эти становились для девушек долгожданным и редким событием. Окончив институт, воспитанницы оставались наивными созданиями, не знавшими реальной жизни, о которой у них за годы затворничества в стенах Смольного укоренялись самые нелепые представления. Девушки не имели о деньгах реального представления. В частности, Водовозова описывает забавный случай, который случился с ней в столице сразу после выпуска из Смольного. Решив поехать куда-то самостоятельно на извозчике, она чуть не подралась с ним, когда тот, видите ли, потребовал платы за проезд.

Поэтому вполне справедливо утверждение Е. Н. Водовозовой: «Всё точно нарочно было приноровлено к тому, чтобы воспитать не человека, не мать, не хозяйку, а манекен, во всяком случае, слабое, беспомощное, бесполезное, незащищенное существо». Так было в Смольном до начала 1859 г., когда после смерти инспектора классов М. М. Тимаева и ухода в отставку ненадолго сменившего его В. Н. Полевого был назначен инспектором К. Д. Ушинский.

Работа в Смольном привлекала К. Д. Ушинского тем, что это учреждение было как бы «головным», на него равнялись все другие женские школы страны – епархиальные и общеобразовательные училища, пансионы и т. п. Реорганизовать именно это учреждение означало дать толчок к реорганизации всего женского образования. При этом многое в Смольном институте могло быть охарактеризовано не иначе как анахронизм. Прежде всего, устаревшим выглядело деление девятилетнего курса обучения «в Николаевской половине» на три класса; в Александровском (мещанском) училище был шестилетний курс, который делился на два класса. По окончании трёхлетнего класса воспитанницы в полном составе переходили в следующий класс, хотя среди них обычно были и недостаточно подготовленные к обучению в следующем классе. Но оставлять такую девушку «на второй год» означало бы в действительности оставлять её в том же классе аж «на три года». Поступить с ней таким образом было просто невозможно, поэтому в итоге страдала образовательная подготовка такой ученицы. Те девушки, которые плохо успевали в низшем классе, в следующем классе отставали от своих подруг ещё больше. Для неуспевающих учениц устраивались особые «параллельные отделения», – сейчас их называют «классами выравнивания». Эти «отделения», однако, не слишком успешно решали проблему неуспеваемости и в то же время давали дополнительный повод для морального уни-

жения «мовёшек» (от франц. mauvais – плохой) со стороны преуспевающих девиц.

Смольный институт был строго закрытым заведением; учащихся не отпускали к родным не только по большим праздникам, но даже на летние, рождественские и пасхальные каникулы. В течение девятилетнего пребывания в институте они были оторваны от родных семейств; это была принципиальная позиция руководства, избранная ещё в период его открытия. Не случайно некоторые передовые деятели образования называли время учёбы «заточением». Даже К. Д. Ушинский и его коллеги называли своё учебное заведение «Смольным монастырём». В середине XIX в. обучение в Смольном институте было фактически единственной возможностью для женщин получить среднее образование (более подробно об истории Смольного института см. Приложение V).

Западноевропейская педагогика также не давала никаких указаний относительно женского образования; там оно находилось практически на таком же низком уровне, как и в России. Даже великий французский гуманист Ж.-Ж. Руссо, излагавший свою систему образования почти на тысяче страниц в произведении «Эмиль, или О воспитании», имел в виду образование юноши; девушке же он отводил роль фактически бессловесного существа, невесты и жены, которая даже не вправе сделать выбор в пользу той или иной религии, а должна следовать выбору сначала отца, а затем – мужа. Правда, Руссо жил в другую эпоху, но с того времени социальное положение женщины практически не изменилось.

Великая заслуга К. Д. Ушинского заключалась в том, что он определил задачу обучения и воспитания русской женщины как важнейшую и наиболее актуальную для российского образования в те годы. Ясная и определённая позиция Ушинского в этом вопросе была обусловлена тем, что он отчётливо понимал важную и ответственную роль женщины как активного члена общества и каждой отдельно взятой семьи. Поэтому он с воодушевлением принял предложенную ему должность инспектора классов Смольного института и с необычайной энергией взялся за его коренное преобразование. Реформатор с энтузиазмом принялся за составление проекта преобразования учебной работы, и уже через месяц его план прошёл все необходимые согласования.

Прежде всего, отметим, что девятилетний срок обучения был сокращён до семи лет, причём каждый класс стал одногодичным. Тем

самым «снималась» существовавшая ранее проблема чисто формального перевода фактически неуспевающих учениц в следующий класс. Девушки осознали тот факт, что в случае неудовлетворительной учёбы их действительно могут оставить на повторное обучение в том же классе, и это обстоятельство реально стимулировало их успеваемость. К тому же девятилетний срок уже давно стал анахронизмом и был чем-то вроде «пугала» для девушек; его сохранение означало бы продолжение чуть ли не екатерининского курса на «воспитание новой породы людей» путём возможно более длительного отстранения «институток» от реальной жизни и близких родственников.

Обе «половины» Смольного института – «благородная» и «неблагородная» – были уравнены в отношении объёма учебного курса и продолжительности обучения. Это было, несомненно, самое демократическое из нововведений К. Д. Ушинского. Этим самым он устанавливал, – в той мере, в какой ему это было доступно, – социальное равенство, хотя бы только в пределах Смольного института. «После уравнивания учебного курса обеих половин аристократки-николаевки перестали смотреть свысока, с высокомерием на мещанок-александровок, хотя давно уже Александровская половина утратила свой исключительно мещанский характер; но такова сила традиции... Теперь зачастую николаевки стали приглашать к себе в гости александровок, а александровки – николаевок. Ушинский настоял и на том, чтобы институтки сидели в классе в пелеринах, так как считал неприличным давать серьёзные уроки перед рядами декольтированных девиц. Ушинский сильно вооружался против предварительного чтения классными дамами писем институток, посылаемых к родным и получаемых от них, так как, по его мнению, такой обычай убивал искренность в детях, подрывал в корне добрые семейные начала и с малолетства приучал институток ко лжи, притворству и лицемерию.

Негодовал он также на то, что институткам запрещалось предлагать вопросы учителям даже во время урока, – точно учителя были какие-то опасные люди, которые не имели права разъяснять ученицам то, чего они не поняли и что хотели себе разъяснить. Он же положил начало ученическим библиотекам для каждого класса, где заводились книги, соответствующие возрасту и потребностям детей, с целью развить в них охоту к чтению» [69, с. 86].

Преподавание, как уже отмечалось, велось до прихода Ушинского во многом формально, отрывочно и поверхностно. Теперь же ему был придан серьёзный и систематический характер. В частности,

в младших классах официально, впервые в России, ввели наглядное обучение. В основу всего преподавания был положен русский язык. Новый инспектор особенно стремился придать урокам родной словесности форму «живого» учебного предмета. Он отбросил отупляющий и во многом формальный грамматизм, как правило, убивающий интерес учащихся. Именно Константин Дмитриевич впервые в российском образовании «поставил в пару» русский язык и литературу. Фактически же именно в Смольном институте, прежде всего, усилиями Ушинского и появилась литература как учебный предмет. (Во многих европейских странах вплоть до настоящего времени преподаётся единый учебный предмет – словесность.)

Именно такой творческий подход к изучению художественной литературы стал поистине новаторским и позволил в итоге выделить новый учебный предмет – литературу. В то время учебные планы в российских школах включали в себя «безжизненную» риторiku и пришедшую ещё из средневековья «пиитику». К. Д. Ушинский и его единомышленники, прежде всего В. И. Водовозов и Д. Д. Семёнов, заменили эти схоластические «дисциплины» уроками литературы, на которых они занимались разборами идейного содержания самих художественных произведений. Именно изучение идейного смысла литературных работ, прежде всего произведений русских авторов, стало центром и смыслом нововведённых уроков литературы. К. Д. Ушинский считал, что именно уроки русской литературы не только играют особенно важную роль в развитии речевых, грамматических, риторических и т. п. навыков и умений, но и решающим образом влияют на формирование нравственных, эстетических и, что представлялось ему особенно важным, патриотических чувств. Педагог даже называл литературу «особенно благородным предметом».

Но просто дать учителю и ученику художественную книгу было недостаточно. К. Д. Ушинский настоятельно ощущал потребность в создании специальных учебных книг по русской словесности. Стремясь решить этот вопрос, он обратился к В. И. Водовозову, с которым они были полными единомышленниками в вопросе о значимости литературы как учебного предмета. Итогом стали многочисленные статьи и учебные пособия Василия Ивановича Водовозова, справедливо считающегося по сей день основоположником российской школьно-методической литературоведческой школы. Ушинский и сам задумал создание такого учебника. В результате русский учитель и школьник получили замечательные книги К. Д. Ушинского – «Дет-

ский мир» и «Родное слово». Большое место в них, наряду с материалом для уроков русского языка и литературы, занимали рассказы из русской истории, отечественной географии и естествознания, что позволило оживить преподавание этих дисциплин

Преподавание математики велось в Смольном, по выражению самого К. Д. Ушинского, «бесцветно». Она традиционно признавалась скучным предметом, недоступным для женского ума. С подачи нового инспектора классов её преподавание было, пожалуй, впервые в России в женской школе поставлено таким образом, что она стала считаться одним из самых сильных и могущественных средств для укрепления и развития логического мышления. В этом была большая заслуга приглашённого Ушинским преподавателя, барона Михаила Иосифовича Косинского. Разумеется, и сам Константин Дмитриевич разделял известное выражение о том, что математика – царица наук. Однако, как мы уже знаем, сам он не был большим «поклонником» и знатоком именно математики, поскольку ещё в гимназии не получил, в силу известных обстоятельств, достаточно хорошего математического «фундамента», а затем и в университете, на юридическом факультете этой дисциплине не уделялось внимания. В итоге обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в его знаменитых учебных книгах «Детский мир» и «Родное слово» математике не уделено практически никакого внимания. Впрочем, если это и умаляет в определённой степени значимость этих работ, то, в общем-то, не слишком значительно. В конце концов ни один учебник не может вместить в себя все возможные и необходимые методические материалы.

Важной заслугой К. Д. Ушинского перед российским образованием стало открытие первого педагогического класса. Именно Ушинский первым из российских педагогов не только поднял в печати вопрос о необходимости специального образования для учителей, но и на практике осуществил идею их подготовки. Эта идея – создание педагогических классов – оказалась настолько плодотворной, что самым активным образом используется вплоть до настоящего времени. Причём такие классы для школьников, интересующихся профессией учителя, создаются не только при профессиональных педагогических учебных заведениях (в форме факультета будущего учителя и т. п.), что представляется совершенно естественным, но даже и в обычных школах, чаще всего, при методическом содействии вузовских преподавателей.

При организации педагогического класса Ушинский ставил задачу дать возможность учащимся основательно знакомиться с педа-

гогией и дидактикой не только в теории, но и на практике. Продолжительность обучения в этом классе составляла два года. В течение первого года девушки осваивали теоретический курс педагогики, психологии, методики преподавания, детской физиологии и гигиены. Сам Ушинский вёл в педагогическом классе занятия по педагогике и психологии. Второй год предназначался для практического преподавания самими ученицами под руководством учителей в особо сформированном для того «элементарном» (т. е. начальном) классе. Обучение в педагогическом классе было необязательным, и оно, это обучение, не заменяло основную образовательную программу, а служило дополнением к ней.

Несмотря на необязательный характер, очень многие девочки пожелали получить важную для них профессию учительницы начальной школы или домашней учительницы. Они с увлечением проходили курс обучения, сдавали выпускное «испытание» и получали соответствующее свидетельство, открывавшее для них по выходе из института возможность получения работы. Это было особенно важно для тех из них, кто не принадлежал к «сливкам общества» и должен был сам пробивать себе дорогу в жизни.

М. Л. Песковский писал о преобразованиях, сделанных Ушинским: «От прежнего безжизненного, бессодержательного Смольного института осталось лишь одно название: его заменило живое, осмысленное учебное заведение, с кипучею образовательно-воспитательной деятельностью» [33, с. 67].

Следует заметить, что Ушинский имел лишь санкцию начальства на реформирование учебно-воспитательной части института; он не имел никаких детальных указаний, так как в ту пору вообще разработка учебных программ, а тем более в отношении совсем не существовавших ещё женских средних общеобразовательных заведений, была делом совершенно новым. Это обстоятельство развязывало ему руки; он делал то, что считал необходимым. Ему пришлось быть инициатором как общей программы преподавания, так и распределения предметов по классам. И это было сделано им так умело и предусмотрительно, что выработанная им общая программа и распределение предметов по классам длительное время оставались в своих основных чертах во всех женских средних учебных заведениях практически такими, какими их составил Ушинский.

После двухлетней работы под управлением Ушинского Смольный институт, никоим образом не интересовавший прежде столичное общество и вызывавший только нелепейшие легенды по причине сво-

ей замкнутости и рутины, вдруг стал предметом большого внимания со стороны всего интеллигентного Санкт-Петербурга. О новой, разумной жизни этого учебного заведения, о происходящих и готовящихся там капитальных реформах сообщала печать. Представители разных учреждений и ведомств, родители и родственники учениц, люди педагогической профессии массами стремились в институт, чтобы послушать уроки, о которых говорил весь город. И то, что они видели там, приводило их в изумление и восторг.

Д. Д. Семёнов вспоминал: «В Смольном в это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряжённая умственная деятельность. Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой столетней спячки, воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось, спешили отличиться друг перед другом. Девушки, и большие, и маленькие, стали учиться отлично; с каким-то захватывающим всё существо вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как бы боясь проронить хоть одно слово. А с какой неподдельной охотой отвечали они на каждый вопрос преподавателя, какой восторг написан был на их свежих личиках, с какой изумительной аккуратностью приготавливали они заданные уроки и письменные работы! Так обаятельно подействовало на восприимчивые души воспитанниц живое слово после мертвящего, скучного, схоластического преподавания. И та же институтка, которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах и победах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, – теперь полюбила и чтение, и науку, и труд» [69, с. 85].

В. П. Острогорский вспоминал: «Таким-то образом благодаря энергии и таланту одного человека, в какие-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новой, полной жизнью огромное учебное заведение, дотоле замкнутое, рутинное и не возбуждавшее в обществе никакого интереса. Всюду в Петербурге заговорили о Смольном и его необыкновенных учителях; чиновники разных ведомств, многие, просто интересовавшиеся педагогическим делом, нарочно приезжали из города послушать удивительные уроки, особенно в младших классах» [69, с. 85].

На всю Россию гремело имя К. Д. Ушинского как умного, энергичного, талантливого реформатора-педагога. Славе Ушинского особенно много способствовало увлекательное преподавание им педагогики и дидактики в обоих отделениях Смольного института. К. Д. Ушин-

ский читал лекции в специальных классах обеих половин до того увлекательно, что приводил в восторг своих взрослых слушательниц; они его просто боготворили [69, с. 86]. Талантливый преподаватель и блестящий оратор, он вкладывал всю душу в преподавание этого предмета. Ученицы обоих отделений Смольного института и всех классов, от старшего до самого младшего, не только не тяготились учением, не называли его «противным», как это было прежде, а, напротив, с уважением относились к нему; были явно увлечены занятиями, обнаруживая большую любовь к труду.

Между ученицами и наставниками были хорошие, простые, естественные отношения, основанные на взаимном уважении, доверии и доброжелательстве. Авторитет преподавателей, особенно же Ушинского, был очень велик в глазах учащихся. Родители и родственники, в глаза и за глаза, на словах и в письмах, иногда даже печатно, выражали Ушинскому горячую признательность, видя в ученицах не светских кукол, не кисейных барышень, а разумных, развитых девушек, со здоровыми взглядами, понятиями и суждениями.

И во внутренней жизни Смольного произошли резкие перемены. Вместе с введением проекта Ушинского, по воле их императорских величеств, разрешено было отпускать девиц на вакационное время к родителям и ближайшим родственникам с целью поддержания родственной связи между воспитанницами для ознакомления их с жизнью той среды, в которую они должны будут вступить по окончании курса. Страницы воспоминаний, относящиеся к периоду деятельности Ушинского в Смольном, дышат искренней любовью, глубоким уважением к личности великого педагога. Да это и понятно. Ушинский был первым светлым лучом в мрачных монастырских стенах, первым в жизни Е. Н. Водовозовой и её институтских подруг примером бескорыстного служения благородным общественным идеалам. Не было почти ни одной стороны в жизни института, свидетельствует автор мемуаров «На заре жизни и другие воспоминания», которой бы не коснулась твёрдая реформаторская рука К. Д. Ушинского.

К. Д. Ушинский потребовал, чтобы летние каникулы институткам позволили проводить в семье. Он решительно восстал против возмутительного правила, по которому вся переписка институток с родными проходила предварительную цензуру классных дам, подверг резкой критике казёнщину и формализм. Инспектор классов, то есть лицо, которому по прямому долгу его службы следовало заниматься исключительно вопросами обучения, стал ломать, вспоминает Водово-

зова, всю косную систему воспитания своих учениц. И всё же главной заслугой Ушинского явилась радикальная перестройка преподавания.

Сущность проведённой им реформы заключалась в организации преподавания на новых, прогрессивных началах. Прежде всего, девятилетний курс обучения был сокращён до семи лет; деление на два класса, в каждом из которых воспитанница проводила по три года, уступило место разумному делению на семь классов. Учебный материал был рационально распределён в соответствии с возрастом учениц. Была разработана новая учебная программа, включавшая ряд новых дисциплин: естественные науки, в том числе физику, и педагогику в старших классах. Когда начал выходить журнал главного управления учебными заведениями «Педагогический сборник», К. Д. Ушинский и его сотрудники приняли самое активное участие в его работе. Уже в первой и второй книжках (1864) была помещена программная статья Ушинского «О первоначальном преподавании родного языка», а в качестве приложения к ней включены разработки практических уроков по русскому языку, составленные Д. Д. Семёновым по книге «Детский мир».

В эту пору наибольшего расцвета педагогического дарования и деятельности Ушинского вышла в свет его книга «Детский мир», сразу принёсшая ему общероссийскую известность. С большими сомнениями и колебаниями относился Ушинский к этому своему труду, отнявшему у него около трёх лет. Строгий к другим, он был беспощадно суров и к самому себе. И только уступая настоятельным советам и просьбам друзей, он решился выпустить эту книгу в количестве 3600 экземпляров. Но «Детский мир» сразу же сделался классной книгой в учебных заведениях, так что в первый же год после выхода её потребовалось два новых издания.

К концу третьего года пребывания Ушинского в Смольном институте, т. е. к концу 1861 г., слава его, значение и влияние его как передового русского педагога достигли своего апогея. Но апогея достигла также и зависть к Ушинскому. Та тысячеглавая гидра, которая смотрит на педагогическое дело как на ремесло и средство к выслуге, с тревогой и ненавистью следила за возвышением Ушинского, за возрастанием общественного его влияния, – и клеветала на него. И чем больше разрасталась слава Ушинского, тем более ширилась клевета его завистников, свидетельствовал М. Л. Песковский. Такое громадное дело, как создание совсем новой у нас системы женского образования и оживление вообще всего педагогического дела в России, свершилось только благодаря личной энергии и таланту Ушинского и

при содействии ближайших его помощников, безусловно, сочувствовавших ему во всем и шедших на помощь во всех его разумных начинаниях. А среди остальных окружавших его и так или иначе причастных делу приходилось встречать закоренелых приверженцев отжившей рутины. Из многочисленного женского персонала института лишь две инспектрисы, Е. Н. Обручева и А. К. Сент-Илер, сочувствовали преобразовательной деятельности Ушинского, остальные тайно или явно стояли на стороне его врагов.

Ушинский решительно выступил против старых методов преподавания. Покажем это на примере его борьбы за новый подход к преподаванию русского языка и литературы. Водовозова в своих воспоминаниях рассказывает, как возмущён был Ушинский, посетив урок учителя Соболевского и обнаружив, что «девицы делали ошибок в словах больше, чем было в них букв» и что этот горе-учитель больше занимался кривлянием при чтении басен Крылова, чем разъяснением их содержания [5, с. 548].

Е. Н. Водовозова вспоминала, что лучшим учителем литературы в институте считался Старов. До Ушинского никто не обращал внимания на то, что он на уроках декламировал свои безграмотные «вирши», в то время как Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Грибоедову не уделялось никакого внимания. Никто из них не читал «Мёртвые души» [5, с. 554]. В итоге Ушинский представил Соболевского и Старова к увольнению и настоял на своём решении. Некоторые воспитанницы выступили в защиту Старова. Одна из них заявила Ушинскому, что Старов – знаменитый поэт и у него есть чудное стихотворение «Молитва». Ушинский предложил девочке продекламировать стихотворение.

Как много песен погребальных ещё ребёнком я узнал.

И скорбный смысл их слов прощальных я часто юношей внимал...

«Довольно... довольно. Это бог знает что такое! Ведь Старов уже много лет читает литературу в разных заведениях и мог бы понять, что в его стихотворении нет ни поэзии, ни мысли, ни чувства, ни образа. А он не стыдится показывать эту свою замогильную чепуху своим ученицам» [5, с. 558].

В преобразовании института, в созидании нового для России типа среднего образования женщин Ушинскому приходилось идти напролом, каждый шаг брать с бою. Это была непрерывная, продол-

Д. Г. Ушинский

Л. С. Ушинская

Дом в Туле, где жила семья Ушинских

Дом семьи Ушинских в г. Новгород-Северске

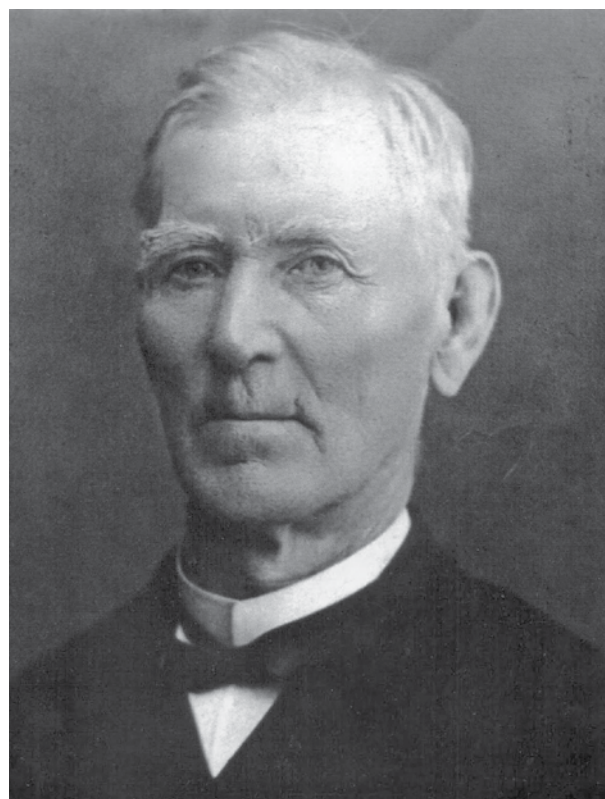
Новгород-Северская гимназия

И. И. Халанский

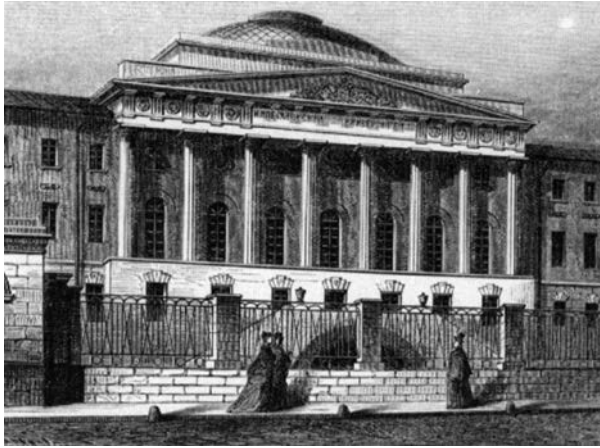
И. Ф. Тимковский в молодости
и в зрелые годы

М. К. Чалый

В. В. Гербель

Здание Императорского
Московского университета
на ул. Моховая

Здание Ярославского
Демидовского юридического
лица (впоследствии один
из учебных корпусов
Ярославского государственного
педагогического института
им. К. Д. Ушинского)

Ю. В. Жадовская

А. А. Палицын

Гатчино. Сиротскій Институтъ Императора Николая I.
GATCHINO. L'orphelinat de l'empereur Nicolas I.

Гатчинский сиротский институт

Дом семьи Ушинских на хуторе Богданка
Глуховского уезда Черниговской губернии
(ныне с. Богданка Шосткинского района Сумской области)

Липовая аллея на хуторе Богданке,
где любил отдыхать К. Д. Ушинский

Окрестности хутора Богданки
(в лодке К. Д. Ушинский с женой)

Лес возле хутора Богданки (на спиленном дереве
сидят К. Д. Ушинский, его жена и крестьянин)

К. Д. Ушинский и Н. С. Дорошенко (Ушинская), дети (слева направо): Павел (1852 г.р.),
Владимир (1861 г.р.), Константин (1859 г.р.), Вера (1855 г.р.), Надежда (1856 г.р.)

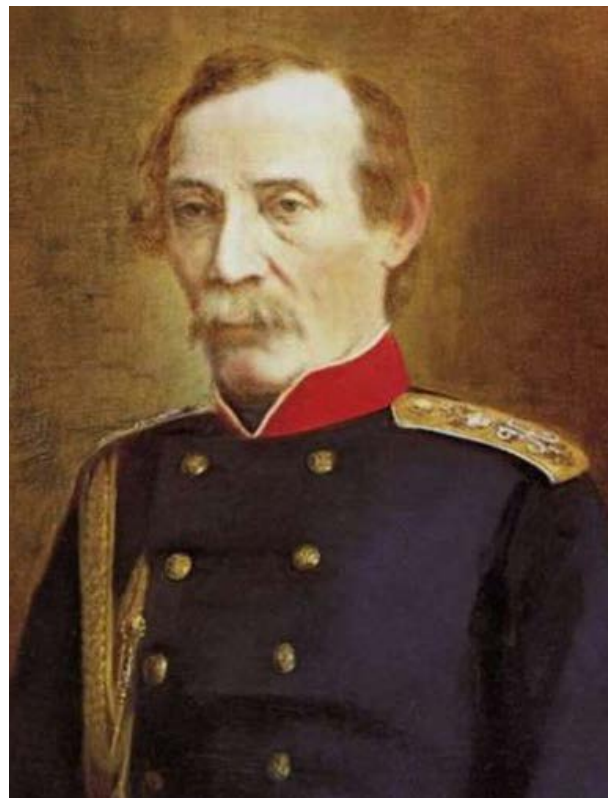
А. В. Никитенко

А. С. Норов

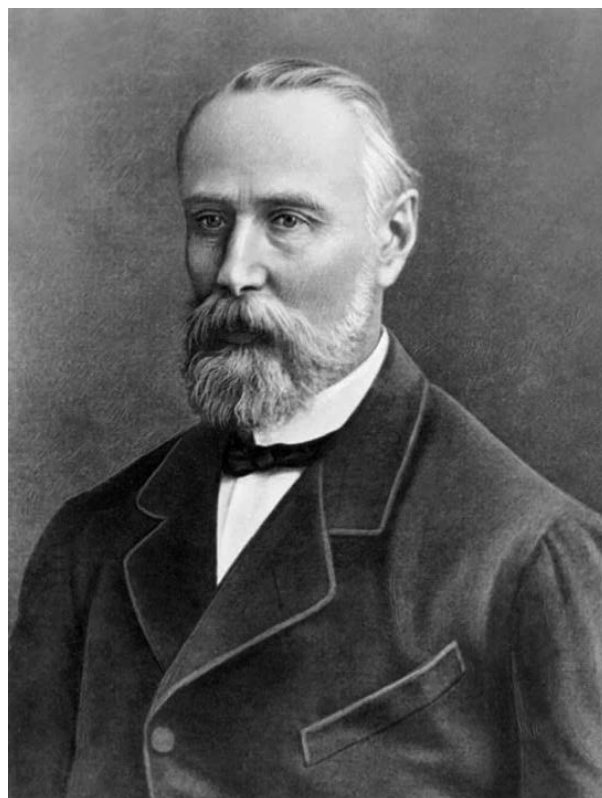
Е. П. Ковалевский

Е. В. Путятин

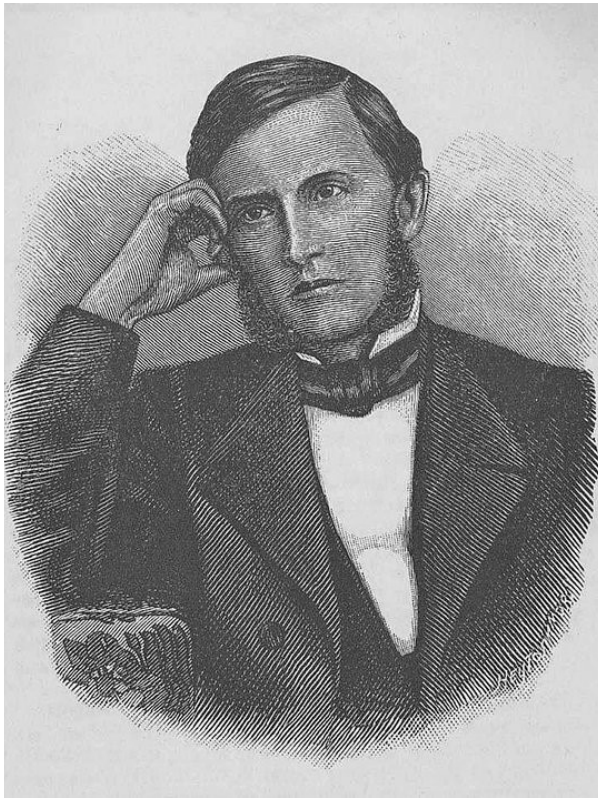
А. В. Головнин

М. Н. Катков

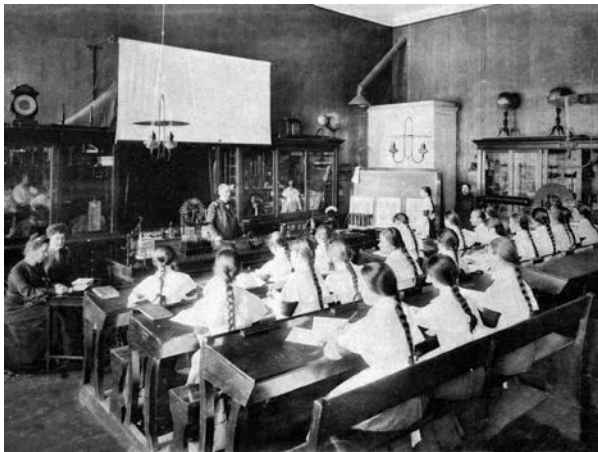
М. П. Леонтьева в молодости и в зрелые годы

К. Д. Ушинский

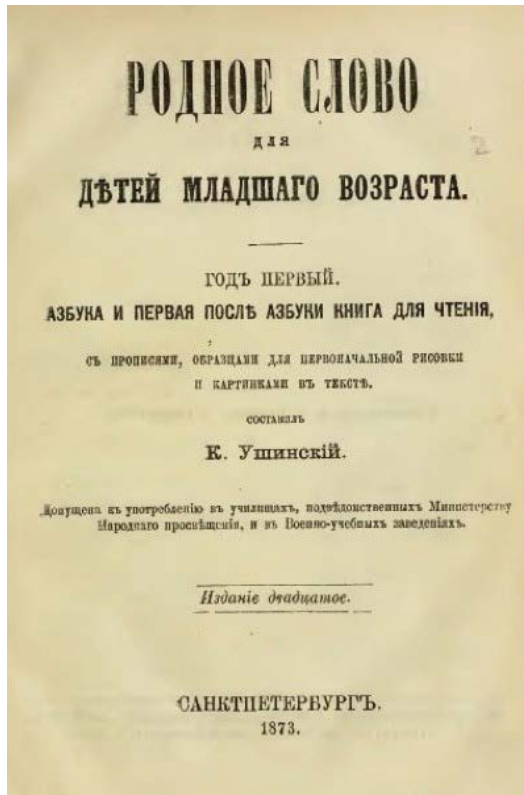
Е. Н. Водовозова

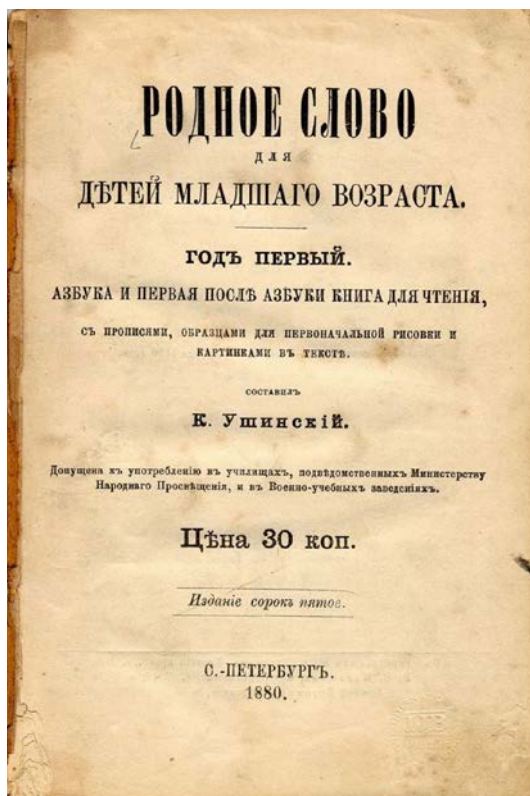
Урок в Смольном институте

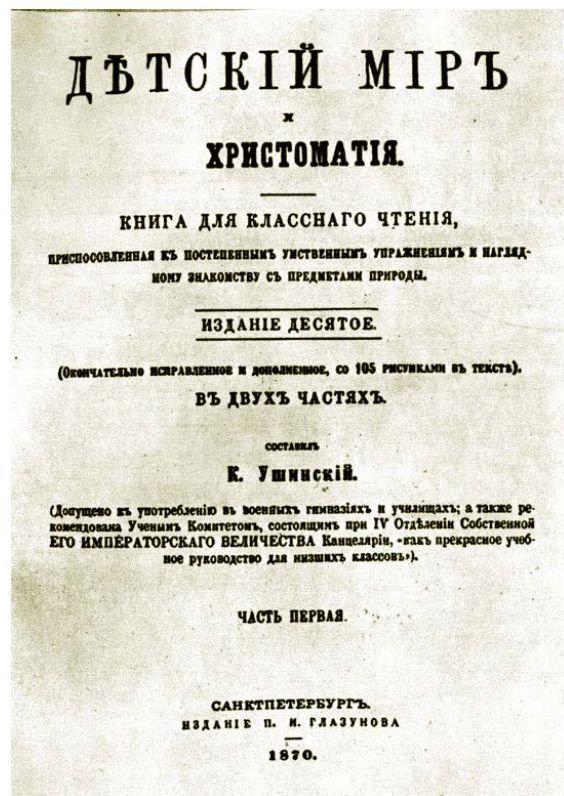
Здание Симферопольской гимназии, где проходил съезд учителей народных школ Таврической губернии, в работе которого в 1870 г. принимал участие К. Д. Ушинский

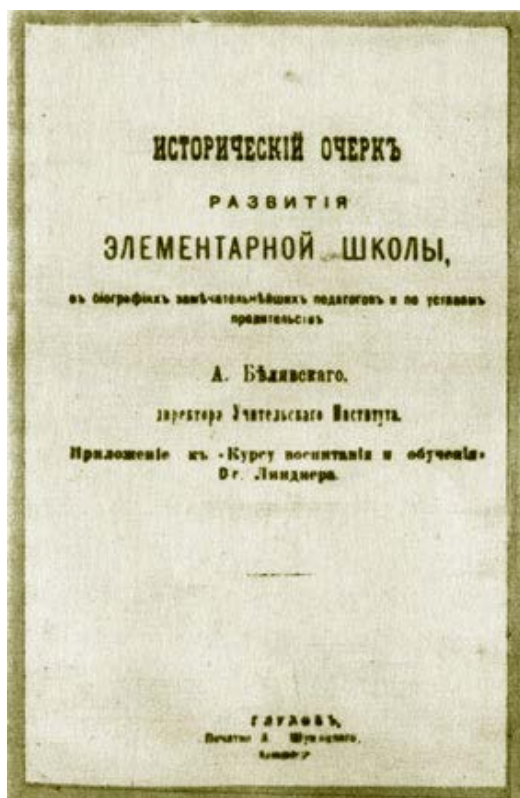
Фрагмент книги «Родное слово», издание 1873 года

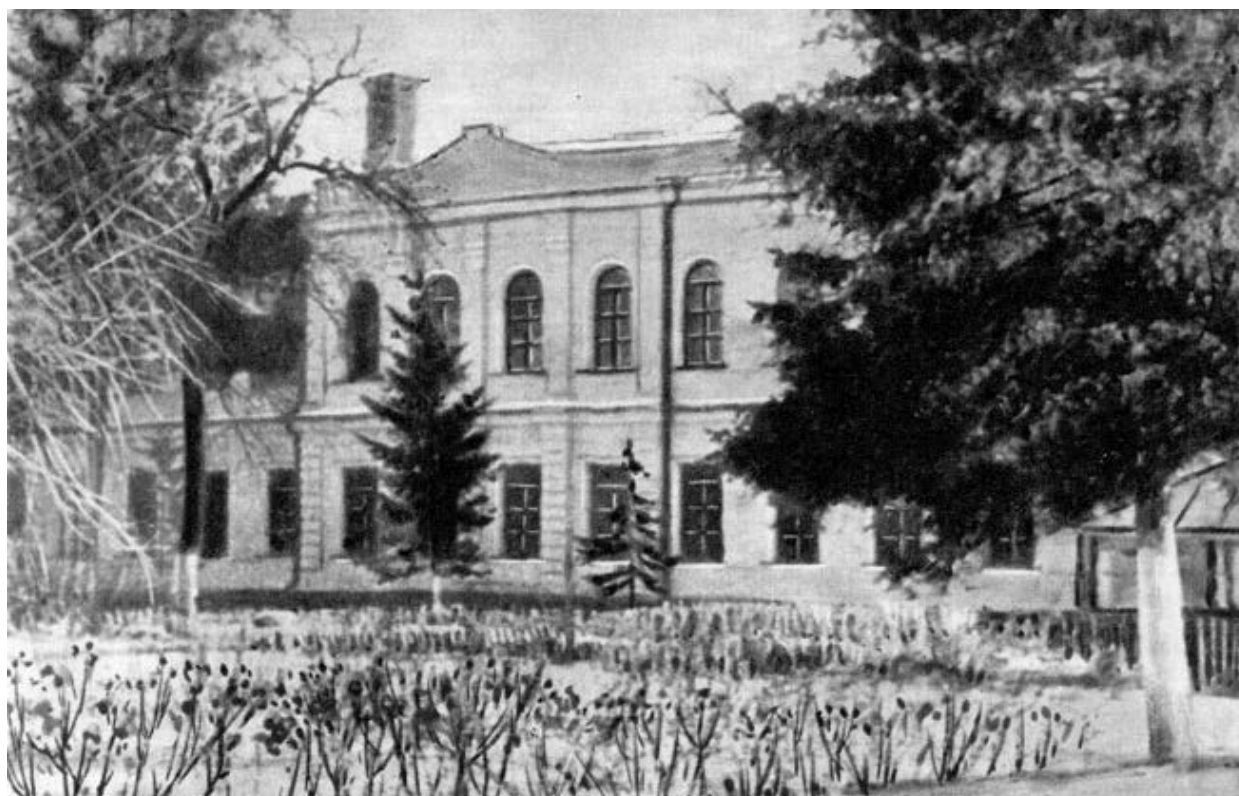
Фрагмент книги «Родное слово», издание 1880 года

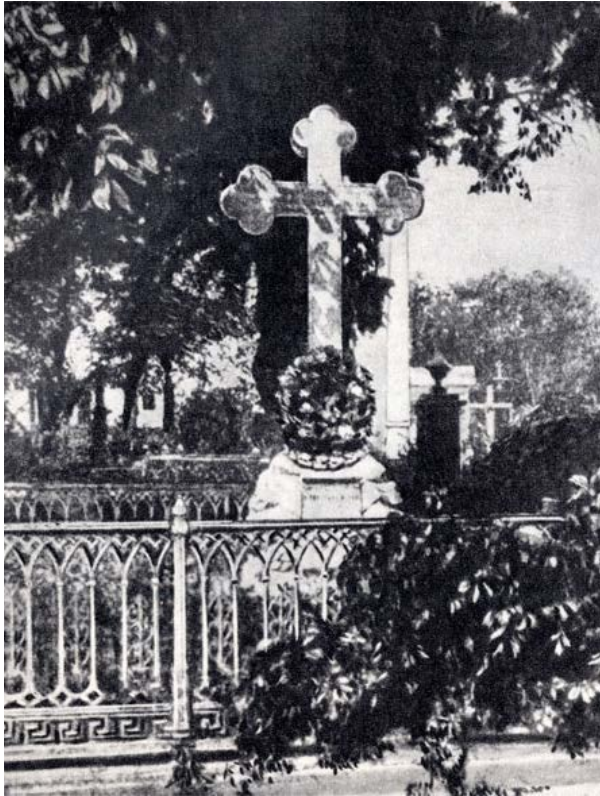
Фрагмент книги «Детский мир», издание 1870 года

Титульная страница книги, изданной в 1888 г. Автор – директор Глуховского учительского института А. В. Белявский. В книге большое внимание уделено показу роли К. Д. Ушинского в развитии начальных народных школ и подготовке учителей в России

Здание бывшей Коростышевской учительской семинарии на Украине, которая была открыта в 1869 году согласно проекта учительской семинарии, разработанного К. Д. Ушинским

Памятник на могиле К. Д. Ушинского

Надпись на памятнике
на могиле К. Д. Ушинского

Экскурсия учителей и учащихся
школ Украины на могилу
К. Д. Ушинского (до 1917 г.)

Старейший житель села Богданки
В.Г. Шелудько, ученик дочери
К.Д. Ушинского Надежды
Константиновны Ушинской,
которая еще в дореволюционный
период открыла начальную
школу в Богданке на средства,
вырученные от продажи
сочинений своего отца

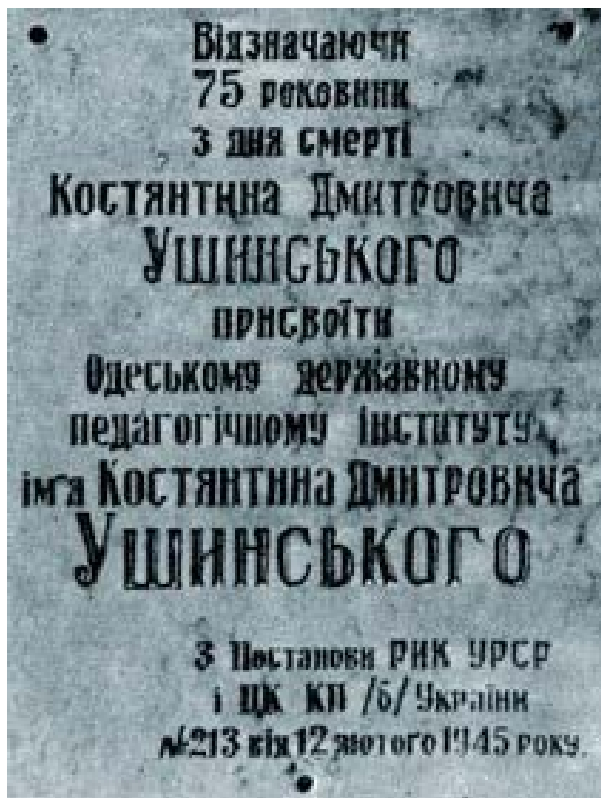
Богданковская начальная школа
имени К. Д. Ушинского

Мемориальная доска на доме
№12 по переулку Чайковского
в Одессе

Переулок Чайковского д. №12,
г. Одесса

Меморіальна дошка в учебном корпусі Одеського педагогічного інституту імені К. Д. Ушинського

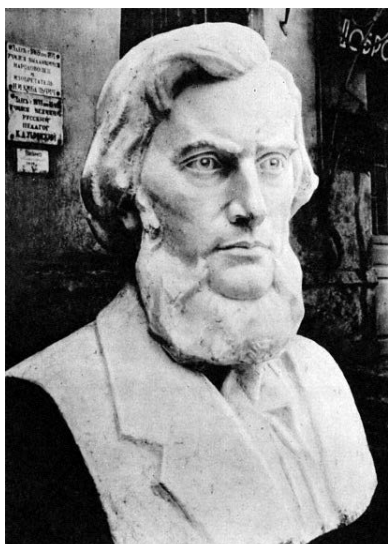
К. Д. Ушинський. Скульптура невідомого майстра, встановлена в конференц-залі Академії педагогічних наук СРСР в Москві

Средня школа №47 імені К. Д. Ушинського в Ленінграді

Пам'ятник в Санкт-Петербурзі у зданні Російського державного педагогічного університету імені А. І. Герцена на набережній річки Мойка. Відкрит в 1961 г.

Бюст
К. Д. Ушинского
в Новгород-Северской
школе-интернате

Экскурсия в мемориальный кабинет
К. Д. Ушинского в Новгород-Северской
школе-интернате

Медаль
К. Д. Ушинского

Ирина Хале

Кавалер медали
К. Д. Ушинского,
автор монографии
В. Б. Помелов

Василий
Яковлевич
Струминский
(1880-1967)

Евгений
Николаевич
Медынский
(1885-1957)

Николай
Александрович
Константинов
(1894-1958)

Николай
Григорьевич
Казанский
(1894-1975)

Давид
Онисимович
Лордкипанидзе
(1905-1992)

Анатолий
Николаевич
Иванов
(1910-1991)

жавшаяся почти ежеминутно борьба новых разумных начал воспитания и обучения с заскорузлой рутинной. Ввиду этого блестящая, по-видимому, роль Ушинского в качестве преобразователя института, в сущности, была тяжким бременем, переполнявшим его жизнь беспрерывными тревогами, волнениями, неприятностями и разного рода столкновениями, крупными и мелкими, то с властями, то с подчинёнными. От него как главы и руководителя дела, помимо гигантской энергии, требовалось, можно сказать, полное самозабвение, даже самопожертвование за высшие духовные интересы тех сотен русских девушек, образование и воспитание которых было вверено ему. Труд Ушинского по институту – труд самоотверженный в полном смысле слова. Потому-то он и успел сделать так много в трёхлетний срок, что сотрудники его видели в нём самозабвение, готовность на самопожертвование во имя великой идеи, – насаждения рационального среднего образования женщин в России. Всем было ясно, как много Ушинский берёт на себя, предпринимая разные нововведения исключительно на свой страх и риск. Обыкновенно делалось так, что сначала производилось само улучшение и потом уж поступала окончательная санкция на проведение его. Этого крайне неудобного и рискованного порядка по необходимости приходилось держаться ввиду новизны дела, дабы не пугать ширью и смелостью нововведений.

Вера Ушинского в своё дело, беззаветная преданность ему заражала, электризовала окружавший его педагогический персонал, – и новое дело ширилось, росло, преуспевало наперекор мёртвой рутине. К. Д. Ушинского и его доброго друга и единомышленника Н. А. Вышнеградского, учредившего первую в России женскую гимназию, безусловно, можно считать основателями среднего образования русских женщин. В этом отношении Россия опередила Западную Европу почти на четверть века.

М. Л. Песковский исключительно высоко оценивал работу Ушинского в Смольном и характеризовал её как «пересоздание института». Действительно, великим русским педагогом была организована, пусть и в рамках одного учебного заведения, принципиально новая система образования женщин, на неизвестных ранее основаниях. Эта реформа была осуществлена в течение всего трёх лет. Инициатором, душой и творцом этой важной работы был Ушинский; он беззаветно отдавался новому делу, отчётливо понимая его значение для дальнейшей судьбы просвещения русских женщин.

Успешно продвигалась и научно-издательская работа учёного. В 1861 г. тиражом 3600 экз. вышла книга «Детский мир и Хрестоматия».

тия». Само название указывало на то, что она включала в себя два раздела: статьи автора на естественно-научные и гуманитарные темы и хрестоматийный материал из художественной литературы. Многие материалы книги, автором которых выступил сам Ушинский, являются любимыми рассказами русских детей на протяжении уже полутора веков; прежде всего, это такие рассказы с нравственным содержанием, как, например, «Как рубашка в поле выросла», «Четыре желания» и другие. Успех этой книги был столь велик, что в тот же год были выпущены дополнительные тиражи. В дальнейшем количество изданий «Детского мира...» исчислялось сотнями. Эта книга, а также вышедшее спустя несколько лет «Родное слово» положили начало изданию в России (и в СССР) научно-популярных красочно оформленных хрестоматий для детей.

ГЛАВА 8. КОНФЛИКТ

Между тем реформа в Смольном шла вовсе не так споро, как хотелось К. Д. Ушинскому. Дело в том, что учебный процесс, который он возглавлял, был резко отделён от воспитательной работы. Последнюю осуществляли так называемые классные дамы под руководством инспектрис, подчинявшихся непосредственно начальнице института Марии Павловне Леонтьевой, которая, в свою очередь, была ответственной перед самой императрицей за сохранение «надлежащего духа учреждения». Поведение воспитанниц постоянно контролировалось классными дамами, которые в обязательном порядке присутствовали на каждом уроке. На учителей эти дамы, вспоминал Ушинский, смотрели как на какое-то вынужденное зло, которое если и можно ввести в класс, то со всеми предосторожностями, «только что не обкуривая хлором». Неудивительно, что по мере того, как Ушинский реализовывал свою программу перестройки, иными словами, усложнял и обогащал программу обучения, назревал скандал между ним и его сторонниками, с одной стороны, и Леонтьевой и ее классными дамами – с другой (более подробно о М. П. Леонтьевой см. Приложение VI).

Разумеется, реформа Смольного института осуществлялась Ушинским совершенно открыто. Её основные положения были утверждены Советом института и, значит, проводились с ведома и согласия администрации. Но одно дело – на бумаге оформить какие-то

планы и намерения, и совсем другое – приступить к их реализации на практике. Предложения, высказанные Ушинским, вовсе не вытекали из установившейся за многие десятилетия институтской идеологии. Работать по-новому можно, как правило, лишь с новым педагогическим персоналом. В то же время нельзя было не предугадать того очевидного обстоятельства, что приглашение новых преподавателей и, соответственно, освобождение от ранее работавших не может не вызывать напряжения и недовольства в коллективе, тем более что творческие усилия и педагогические воззрения этих новичков самым кардинальным образом отличались от ранее работавших, а также оставшихся педагогов, прежде всего начальницы, классных дам и законоучителя.

К. Д. Ушинский руководствовался убеждением о неразрывности воспитания и обучения. Применительно к преподавательскому персоналу это означало, что тот, кто учит, тот и воспитывает. В настоящее время это положение сомнений ни у кого не вызывает, и даже кажется странным, что когда-то кто-то мог считать иначе. Однако в Смольном «тон задавали» именно классные дамы. Они, если можно так выразиться, «отвечали» за установление надлежащей дисциплины, как на уроке, так и вне занятий.

В это трудно поверить, но к числу их установлений, в которые как раз и входило понятие «хорошая дисциплина», было, к примеру, запрещение задавать учителю вопросы на уроке и запрет на общение с ним после занятий. Объяснялось это тем, что девушкам из «хороших семейств» не пристало вступать в разговор с теми, кто ниже их по социальному положению. А учителя, как правило, и были «ниже». Практически все они получали своё образование, как говорится, «на медные деньги»; происходили из разночинной среды, а кое-кто был даже из рабочих или – упаси Боже! – из крестьян. На жизнь они зарабатывали таким ничтожным, малоприбыльным и едва ли не предосудительным способом, как «урокодательство». В самом деле, разве можно было допустить какое-либо неформальное общение с такими «наставниками»? В то же время Ушинский, не колеблясь, вводил ранее им намеченные новшества, не ограничиваясь лишь одними разговорами. М. П. Леонтьева была, конечно, не готова к тому, что, казалось бы, навсегда установленный распорядок нарушается, но до поры не знала, как подступить к этому запальчивому, громогласному Ушинскому. Подходящий повод нашёлся в самом начале 1862 года...

Начало «смольнинской истории», как называл этот конфликт Ушинский, положили разногласия в связи с распределением по классам воспитанниц. В соответствии с утверждённым проектом реформы

учебной части ранее существовавшие трёхгодичные классы отменялись и вместо них уже были введены семь одногодичных классов. Начальница вдруг решила настоять на прежнем порядке и послала Ушинскому 23 января 1862 г. соответствующую «Пояснительную записку о выпусках воспитанниц».

Ушинский в своём ответе, датированном 27 января, пояснил, что размещение девиц по классам сообразно их познаниям и возрасту, а вовсе не по годам приёмов утверждено Советом 9 января 1860 г., а с 12 апреля того же года начато преподавание во всех классах по новому порядку. При этом он указывал, что если вернуться к старому порядку, то при этом «будет совершенно приостановлено введение высочайше утверждённого преобразования», тем самым тонко намекая на то, что его, Ушинского, нововведение было введено не иначе как с разрешения императрицы. Далее он с сарказмом предлагал М. П. Леонтьевой «в будущем» «заранее исходатайствовать то или другое изменение высочайше утверждённого постановления» [91, с. 126–127].

Иными словами, он предлагал начальнице сначала утвердить «на самом верху» желаемые изменения и только потом предлагать Ушинскому внедрять их в стенах Смольного. Такой порядок позволил бы не ставить нормальный ход учебной работы в зависимость от сиюминутных капризов своенравной начальницы.

Понятно, что такой дерзкий ответ не мог сойти с рук К. Д. Ушинскому, о чём он с грустью впоследствии писал: «Получив этот ответ, г-жа начальница должна была отказаться от своих желаний и с тех пор перестала говорить со мной, и тогда появились всякого рода обвинения против меня» [66, с. 318]. Как отмечал М. Л. Песковский, «росли зависть, ненависть и вражда к Ушинскому со стороны слепых приверженцев старины. Этого бескорыстного человека, безупречной честности, убеждённо верующего, патриота в самом возвышенном смысле слова, обвиняли во всевозможных неблагоприятных поступках, даже в политической неблагонадёжности» [33, с. 68]. Настойчиво, энергично добиваясь определённой цели, не поступаясь ни в чём своими убеждениями, не имея обыкновения ладить «с дрянными самолюбцами и обходить их», Ушинский создал себе к началу 1862 г. такую массу сильных врагов, что не только вынужден был оставить инспекторство, но даже и оправдываться из-за клеветнических доносов на него.

В январе 1862 г. преподаватель Закона Божьего В. В. Гречулевич¹⁵, подстрекаемый М. П. Леонтьевой, пишет по её указанию и на

¹⁵ В некоторых источниках он ошибочно называется Гречухиным.

её же имя служебную записку, в которой сообщает, что «Ушинский со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность». При этом автор записки руководствовался своими личными впечатлениями от разговоров с Ушинским и теми соображениями, которые он, Ушинский, высказывал относительно устройства учебных заведений, общего распорядка их работы и содержания образования в них.

Нетрудно предположить, что экспансивный и неосторожный Ушинский действительно высказывал мнения и предложения, казавшиеся некоторым его коллегам недопустимыми. Так что смольнинскому законоучителю не пришлось слишком уж кривить душой; скорее всего, в своей записке он и в самом деле излагал то, что действительно слышал от Ушинского. Директриса незамедлительно сообщила о разразившемся конфликте императрице. Мария Александровна, супруга Александра II, встала перед сложной дилеммой. Она лично знала Ушинского с самой безупречной стороны и очень ценила его как человека даровитого; она даже советовалась с ним по поводу воспитания своего сына Николая (1843–1865) – наследника, которому, кстати, так и не суждено было стать императором по причине ранней смерти¹⁶. Эти советы Ушинский оформил в виде статьи, которая впоследствии входила во все его собрания сочинений.

Но и Леонтьева была её приближенной... Как поступить, чтобы не обидеть ни ту, ни другую сторону? Императрица Мария Александровна с негодованием отвергла казуистические выпады клеветников и приняла знаменитого русского педагога под своё высокое покровительство. Именно поэтому все те высокопоставленные особы, которые решали дальнейшую судьбу Ушинского, отнеслись к нему более чем благосклонно.

Отметим, что упомянутая записка, как и ответ Ушинского, не сохранились, поэтому об их содержании мы можем судить разве что по воспоминаниям современников. Правда, в публикациях досоветского периода упоминается, что Ушинский был обвинён в безбожии и политической неблагонадёжности. Первое обвинение основывалось

¹⁶ Наследный принц Николай скончался в Ницце, так и не став Николаем II. Его невеста, датская принцесса Мария София Фредерика Дагмар (1847–1928), стала женой его брата, будущего императора Александра III, а уже их сын (1868–1918) стал, в итоге, императором Николаем II. На средства русского императорского дома в 1903–1912 гг. в память о несостоявшемся императоре в Ницце построен пятиглавый собор святителя Николая Чудотворца.

на том, что Ушинский придавал особое значение преподаванию естественных наук, а его учебные книги были полны соответствующих примеров из жизни природы. Но Ушинский был, по существу, дуалистом; в его трудах Бог и Природа выглядят не противоречащими, а дополняющими друг друга субстанциями. Особенно возмутило его второе обвинение; Ушинский был законопослушным гражданином и никогда не высказывался против царствующих особ. Но все эти возражения со стороны Ушинского консервативную «половину» Смольного больше не интересовали в принципе. Ушинский должен был покинуть Смольный вместе со своими «выдвиженцами», и для достижения этой цели были хороши все средства. Сопратник Ушинского Л. Н. Модзалевский утверждал, что в начале 1862 г. главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии принц Пётр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) получил «обширный» доклад начальницы Смольного, который был также подписан некоторыми членами педагогического совета и в котором утверждалось, что Ушинский «вместе со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность» [26, с. 440]. Свою записку Ушинский подал графу Сергею Степановичу Ланскому (1787–1862), который незадолго до этого был по болезни освобождён от должности министра внутренних дел. Обратился именно к Ланскому Ушинский потому, что ему были хорошо известны высокие личные качества графа. Ещё с 1845 г. Ланской состоял членом главного совета женских учебных заведений, занимался пересмотром устава этих заведений, а в последние годы сосредоточился на анализе их «учёной части».

Ушинский исходил из того, что, очевидно, и С. С. Ланскому, так же как и П. Г. Ольденбургскому, была отправлена жалоба начальницы. Он указывал в своём письме, что его единственная вина состояла в том, что он отказался выполнить требование начальницы, которое противоречило высочайше утверждённому постановлению: «Справедливость этого я прошу ваше сиятельство обнаружить формальным исследованием. На это по закону имеет право всякий обвинённый, а мне не показали даже бумаги, в которой меня обвиняют».

В оправдательной записке содержатся объяснения также по целому ряду мелких столкновений и случайных разговоров, которыми, очевидно, аргументировалась жалоба на Ушинского и его преподавателей. Поэтому, выражая своё глубокое огорчение по поводу того, что обвинения против некоторых преподавателей скрыты от него, «тогда как по закону они прямо должны бы быть мне переданы для

расследования их справедливости», Ушинский настойчиво заявлял: «Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и открытому исследованию, и убедительнейше прошу вас назначить надо мной формальное следствие; но имею, кажется, полное право просить также, чтобы моя домашняя жизнь и мои домашние разговоры были оставлены в покое. Нет ничего больнее, тяжелее и неудобнее, как защищаться от обвинений подобного рода!» [66, с. 323, 325] К несчастью, С. С. Ланской, главный «архитектор» великой реформы Александра II по освобождению крестьянства от крепостной зависимости, уже достаточно длительное время тяжело болел, и 26 января 1862 г. скончался, так и не прочитав письма Ушинского.

М. Л. Песковский свидетельствовал: «Словно громом поражённый в самое сердце, Ушинского в течение нескольких суток, почти не вставая с места, писал своё оправдание. Ему нисколько не страшно было, конечно, что гнусная клевета – донос сплела на него целый ряд самых тяжких обвинений, грозивших даже гибелью ему и его семье; но ему нестерпимо больно и обидно было то, что, несмотря на высокое положение и доверие, приходится отписываться в том, чего он не только никогда не делал, но даже и не мог делать по своему образованию, убеждениям, общественному положению и открыто проповедуемым взглядам. Отписка Ушинского, в сущности, была не оправданием, а криком негодования, воплем и протестом против нелепости взводимых на него обвинений, против наглого посягательства на его честь и доброе имя» [33, с. 67].

Д. Д. Семёнов с горечью писал: «Ушинского столкнули интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женского институтского образования и не разделявших величайшего блага освобождения крестьян» [69, с. 86–87]. Ушинский сам признавал, что характер у него «шероховатый». Рехневский в связи с этим отмечал: «Человек более уступчивый, чем Ушинский, обладающий большим дипломатическим тактом, которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большей лёгкостью успел бы провести эти преобразования; но Ушинскому они стоили невероятных трудов и усилий. Он шёл прямым путём, не зная окольных дорог, добивался осуществления своих идей настойчиво, со свойственной ему энергией и резкостью, не щадя чужого самолюбия и не отступая ни на шаг от своих убеждений. Борьба, которую он должен был выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и расстроила его здоровье» [67, с. 14].

Ушинский требовал «правды» в том виде, в каком он её понимал. Но правда жизни заключалась в том, что его реформы не вызывали сочувствия именно в Смольном институте. Скорее всего, его усилия были бы встречены значительно более сочувственно там, где царил совсем другой дух, более демократический и менее самодержавный. Это могли бы быть, например, первые женские гимназии. Но история не приемлет сослагательного наклонения...

Несмотря ни на что, нельзя не отметить тот очевидный факт, что дальнейшая судьба Ушинского разрешилась наилучшим для него образом. Если Ушинский и опасался скорого возвращения в Россию, то, конечно, не по причине политического преследования, а по куда более прозаической причине – из-за своего нездоровья. В. Я. Струминский в своей монографии указывает, что, по-видимому, Ушинский имел беседу с П. Г. Ольденбургским, в ходе которой ему было дано понять, что в сложившихся условиях ему, Ушинскому, целесообразнее всего получить «по расстроенному здоровью» заграничную командировку для выполнения поручения, какое ему самом представится наиболее подходящим в его положении.

Трудно представить, что столь высокопоставленная персона, каковой был принц П. Г. Ольденбургский, предлагал затравленному, больному педагогу столь благоприятный выход из создавшегося неприятного положения, да ещё и советовал Ушинскому самому найти подходящий повод для поправления здоровья за границей за счёт казны. Правда, автор монографии оговаривается и на всякий случай добавляет, – «по-видимому». Далее этот историк педагогики пишет, что в связи с инцидентом в институте распространились неприятные для Ушинского слухи, причём очень далёкие от проблем реформы образования. В итоге, уже находясь за пределами России, Ушинский серьёзно опасался, как бы его не вызвали обратно в Россию для допроса и расследования уже не по его жалобе, а по обвинению в политической неблагонадёжности.

В. Я. Струминский пишет: «Можно полагать, что беседа Ушинского с Главным управляющим происходила в начале второй половины марта, после чего Ушинский, обиженный, что ему не показали даже доноса, на основании которого он отстраняется от службы, обратился с протестующим письмом к старейшему члену совета Воспитательного общества, гр. С. С. Ланскому, требуя гласного, подробного и открытого исследования всего дела». Но Ланской, как мы уже указывали, к тому времени скончался...

22 марта 1862 г. Ушинский пишет три заявления. В первом, направленном в совет Смольного, он сообщает о расстройстве здоровья, которое он планирует поправить за границей, и поэтому заявляет о своём уходе с должности инспектора классов. В письме А. В. Головнину он изъявляет желание продолжать служить по ведомству министерства – семью-то надо на что-то содержать! – а потому он просит причислить его к министерству с оставлением его в ведомстве IV отделения императорской канцелярии.

Наконец, в заявлении на имя Главноуправляющего IV Отделения П. Г. Ольденбургского Ушинский просил об увольнении от должности в Смольном, но при этом с сохранением содержания. А в счёт этой зарплаты он мог бы собрать сведения о зарубежных женских учебных заведениях, полезные для IV отделения.

А. В. Головнин в тот же день наложил резолюцию: «Государь разрешил причислить к МНП г. Ушинского с увольнением от должности инспектора классов Смольного монастыря и командировать за границу на год для изучения устройства учительских семинарий. Полагаю назначить ему всего 1500 рублей на поездку и прошу к завтраму изготовить отношение, а сегодня г. Ушинского уведомить: он должен на днях ехать. Живёт в Смольном монастыре». Ушинскому давалось поручение ознакомиться с работой наиболее интересных учебных заведений и представить в министерство характеристику их работы и управления.

Окончательно вопрос о командировке Ушинского был разрешён 24 апреля 1862 г. По докладу Главноуправляющего IV Отделением Ушинский был уволен. В то же время, он был причислен в качестве члена к учебному комитету с сохранением впредь до особого распоряжения получаемого содержания 2230 рублей (за исключением 200 рублей за преподавание педагогики); командировать за границу на один год с поручением осмотреть некоторые из замечательнейших женских учебных заведений и представить по возвращении возможно подробное описание их устройства и управления; 3) назначить ему единовременное пособие в сумме 1115 рублей на поездку за границу. Приказ о командировке в Швейцарию Ушинский получил 9 июля 1862 г. Так наступил конец службы Ушинского в системе учреждений императрицы Марии. После ухода Ушинского в Смольном были ликвидированы многие прогрессивные мероприятия. Были вынуждены покинуть это учебное заведение и приглашённые им передовые педагоги. На их место пришли те, кто не разделял взглядов Ушинского: А. Филонов, А. Радонежский и др.

С материальной точки зрения Ушинский, конечно, ничего не потерял. Но вот морально ему было тяжело. Он не мог не сознавать того очевидного факта, что все его начинания терпят крах. Он был, без сомнения, звездой, но звездой преждевременной. Свою преждевременность он, по всей видимости, ощущал. Но ощущали это другие, люди его окружавшие? Едва ли... И в этом состояла трагедия Ушинского. Уже за границей он писал в дневнике: «Ходя по заведению Фрëлиха, всё вспоминал я, и опять наполнилось моё сердце сожалением, злобой, мезтью, а более всего трепещущим огорчением». Итак, было признано неудобным продолжать Ушинскому инспекторскую деятельность. Официальная дата его ухода из Смольного института – 12 апреля 1862 г. Он был причислен к IV Отделению собственной Его Величества канцелярии с оставлением прежнего содержания. Ему на крайне выгодных для него материальных условиях была предложена длительная командировка в Европу с целью поправки здоровья и изучения состояния образования в ряде европейских стран. Так неожиданно, причём навсегда, пресеклась плодотворная организационно-педагогическая деятельность Ушинского, в пору её полного расцвета и апогея. Передовые русские педагоги с полным основанием отмечали, что «дальнейшие труды Ушинского на прежнем месте сулили юному, только что слагавшемуся русскому педагогическому делу много добра и пользы».

Ушинский предугадывал стремление русских женщин к получению образования. Несомненно, он мечтал о том, чтобы поставить образовательный курс средних женских учебных заведений на один уровень с мужским. Именно он в Смольном положил начало специальному педагогическому образованию женщин. Однако его широкие замыслы, которые Ушинский стремился реализовать в Смольном, оставались нерешёнными вплоть до Октября 1917 г.

Недрузи Ушинского торжествовали победу. Действительно, они избавились от реформатора, но сама реформа не погибла. Многие нововведения Ушинского не только были сохранены в Смольном институте, но и получили распространение в других женских институтах. Именно по мысли Ушинского, хотя уже и после его ухода, было разрешено отпускать воспитанниц институтов к родным на каникулы и большие праздники. Это хотя бы немного уменьшило существовавшую прежде оторванность институток от родного дома и позволило значительно уменьшить институтскую замкнутость и изолированность от реальной жизни, шумевшей за стенами Смольного. Поколе-

ния русских девушек, прошедших через институты, именно Ушинскому обязаны значительно более лучшими условиями образования и воспитания по сравнению с теми, что были ранее, до Ушинского.

ГЛАВА 9. РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Ушинского не оставляла мысль об активной журналистской работе. Писать для периодических изданий он начал ещё в 1852 г. Но к концу 1850-х гг. он мечтал уже о том, чтобы самому издавать журнал. Он рассуждал следующим образом: одно дело – быть подневольным журнальным работником, и совсем другое – самому определять журнальную политику. Смольнинский период, казалось бы, был не самым подходящим временем для этого; слишком занят был реформатор насущными, практическими делами. С другой стороны, каждый день дарил новые идеи и мысли, с которыми ему хотелось тотчас же поделиться со всем российским учительством. В издании журнала он видел возможность объединить вокруг себя группу единомышленников-педагогов, причём не только из столичных учебных заведений, но и из провинции. Всего этого можно было достичь только с помощью журнала. К тому же в начале 1860-х гг. Ушинский был уже теоретически подготовлен к осуществлению своего замысла по формированию основ российской педагогики с учетом освоения им обширных познаний в области философии, психологии, литературоведения, естествознания и ряда других наук.

В один из первых же дней после своего вступления в должность инспектора классов Смольного института, а именно 4 марта 1859 г., Ушинский обратился к министру просвещения Евграфу Петровичу Ковалевскому (1790–1867) с просьбой дать ему разрешение на издание «критико-философского, педагогического и психологического» журнала. У него и название было придумано «вполне подходящее» – «Убеждение». Что и говорить: название самое что ни на есть подходящее для того, чтобы раздражить даже самого покладистого и либерального цензора. Ушинский, естественно, рассчитывал на свою популярность в учительской среде, на растущий научно-педагогический авторитет в ученой среде, который ему обеспечили его первые удачные педагогические статьи. Е. П. Ковалевский определил достаточно прогрессивное – разумеется, в рамках возможного – направление деятельности подведомственного ему министерства, которое соответ-

ствовало эпохе великих реформ Александра II. Он выдвинул, например, в качестве первоочередных задач заботу о народных училищах и воскресных школах. Однако в силу своего сравнительно непродолжительного нахождения в должности министра (в 1858–1861 гг.) сделать ему удалось, в общем, немного.

Получив заявление от Константина Дмитриевича, Ковалевский запросил по этому поводу Совет Воспитательного общества на предмет того, не имеется ли с его стороны каких-либо препятствий к изданию Ушинским журнала. В свою очередь, от Совета, т. е. из Смольного, запрос был послан в IV Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, откуда был также получен положительный ответ. По всей вероятности, именно на этом этапе, когда фактически были сняты все возможные административные препоны, во многом наивный и житейски не вполне практичный Ушинский задался наконец вопросом: а на какие средства издавать собственный журнал?

Каким образом случилось так, что вместо собственного журнала Ушинский стал издавать «ЖМНП», вполне объяснимо. Министру не пришлось долго убеждать Ушинского отказаться от издания «своего» журнала и взяться за редактирование министерского. Понятно, что Ушинский не мог не учесть тех преимуществ, прежде всего финансовых и цензурных, которыми он сможет пользоваться как редактор уже готового, налаженного, выходящего с 1834 г. издания. А то, что содержание его отставало от требований времени, то здесь позиции Ушинского и Ковалевского полностью совпадали, так же как и цель, поставленная министром, – преобразовать журнал в «истинно педагогический».

Более того, Ушинскому было разрешено использовать для этой цели разработанную им ранее программу работы для так и не увидевшего свет журнала «Убеждение». В 1860 г. в состав IV Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии было передано Главное управление учреждений императрицы Марии.

Именно там 1 марта 1860 г. было «высочайше утверждено» представление министра Е. П. Ковалевского «о поручении редакции “Журнала Министерства Народного Просвещения” (далее – “ЖМНП”) надворному советнику Ушинскому».

Современному читателю может показаться странным, что руководство министерским журналом было доверено бунтарю Ушинскому. Казалось бы, охранительские тенденции, правившие бал во внутренней политике царской России и распространявшие своё всепо-

глошающее воздействие на все стороны жизни, должны были предотвратить такой ход событий. Однако, к счастью для российского просвещения, во главе министерства народного просвещения стоял умеренно прогрессивный деятель Евграф Петрович Ковалевский. Выбор министра пал на Ушинского как, возможно, единственно подходящего для этой цели редактора, – и он вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды.

За 26 лет издания «ЖМНП» имел всего двух редакторов. Константин Степанович Сербинович (1796–1874) руководил им с самого начала. В 1856 г. его сменил академик Александр Васильевич Никитенко (1805–1877). Это были мыслящие, умеренно прогрессивные люди, но они не были педагогами и по большому счету оказались «у редакторского штурвала», в общем-то, случайно.

Анализ опубликованных во время редакторства А. В. Никитенко материалов показывает, что попытки качественного улучшения содержания журнала предпринимались; в частности, в нём изредка стали печататься статьи Д. Д. Семёнова, В. И. Водовозова и других передовых педагогов. Но их материалы касались исключительно частных вопросов. Всего этого были явно недостаточно, чтобы можно было говорить о радикальной смене курса журнала, который содержанием опубликованных на его страницах материалов всё-таки не давал обстоятельного ответа на те большие педагогические вопросы, которые так волновали общественное мнение в конце 1850-х гг. В общем и целом он не соответствовал требованиям дня, и в особенности запросам самой массовой – начальной школы.

Покажем, какого рода материалами заполнялись страницы журнала. В качестве примера перелистаем страницы январского номера за 1860 г. В официальной части – её размер составляет 58 страниц – помещены Положения об учреждении пансиона при Люблинской гимназии и земледельческой школы в Царстве Польском, приказы по министерству: о назначении попечителей учебных округов, о выходе в отпуск товарища (т. е. заместителя) министра, об утверждении в звании ординарного академика и т. п. Здесь же приводится объявление высочайшей его императорского величества благодарности вологодской почётной гражданке вдове коммерции советника Скулябина за пожертвование 1100 р. серебром на покупку дома для Вологодского женского училища. Далее включены назначения, в частности, старшего учителя Новгород-Северской гимназии Затыркевича исправляющим должность профессора лицея князя Безбородко; утвер-

ждения в должности заслуженного профессора и увольнение от службы по смерти или по прошению. Есть раздел о книгах, одобренных для библиотек учебных заведений; это «Ботанический словарь» Анненкова и «Синонимика латинского языка» Я. Ильенкова. Завершается раздел отчётом о трудах археографической комиссии.

В следующем разделе «Словесность, науки и художества» приводятся следующие материалы: «Очерк царствования Феодора Алексеевича». В разделе «Известия об иностранных учёных и учебных заведениях» печатается пространный отчёт харьковского профессора Иллинского о его пребывании в полугодовой заграничной командировке. В разделе «Обозрение книг и журналов» даётся анализ учебника К. Филиппова «Гимназический курс алгебры». (Это единственный материал, который имеет отношение к педагогике и который, по всей вероятности, вполне бы устроил Ушинского.) В разделе «Новости и смесь» читателю предлагались следующие материалы: «Появление человека на земле». «Открытие одной из малых планет, предсказанных Леверье», «О строении пылинок растений», «Первобытный мир в различные периоды», «Семейство бегонийных», «Мадера и Teneriff и их растительность». В журнале печатались объявления о проведении конкурсов, например на написание кантаты к стихотворению А. С. Пушкина «Пир Петра Великого». При этом в конкурсную комиссию входили действительно выдающиеся представители российской культуры, например Н. А. Римский-Корсаков и А. Г. Рубинштейн.

По всей вероятности, внимание Ушинского могла привлечь статья А. Бычкова «Обзор хода издания летописей в России», в которой в положительном смысле упоминался профессор И. Ф. Тимковский, которому, как указывалось в статье, была поручена подготовка к изданию ряда рукописей. При этом он не только справился с порученным ему делом, но и установил свой порядок – сейчас сказали бы «технологию» – подготовки и издания таких материалов. Порядок этот был не только признан целесообразным, но также Археографической комиссией было предложено руководствоваться им впредь и другим научным сотрудникам, выполняющим подобную работу.

Некоторые из указанных выше статей, как и целый ряд других, сами по себе были вовсе неплохи, – особенно это касается раздела «Обозрение книг и журналов», – и вполне могли быть опубликованы, но в каких-то других, непедagogических журналах. Касалось это и очень информативной статьи А. Бычкова, которая могла бы занять

почётное место в историческом издании. Собранные же вместе в просвещенческом журнале, они представляли собой какую-то невообразимую смесь – а именно так назывался один из разделов! – действительно не имевшую никакого отношения к вопросам образования и педагогики. В самом деле, какое значение для рядового российского учителя, директора гимназии или профессора университета мог иметь такой «значительный» факт, как выход в отпуск кого-то из министерских чиновников, причём с непременно указанием сроков и места пребывания во время отдыха.

Потребность в реорганизации журнала настоятельно осознавалась теми мыслящими учителями, которые хотели видеть в нем источник передовой педагогической мысли. А «ЖМНП», по большей части, представлял собой случайную ежемесячную подборку статей чуть ли не по всем разделам науки. Более того, он не выдерживал конкуренции с появлявшимися частными педагогическими журналами, делавшими ставку на интересные, актуальные материалы, которые соответствовали названию и провозглашённой тематике издания. Не случайно сам министр Е. П. Ковалевский в представлении об утверждении Ушинского отмечал, что «ЖМНП» в настоящем своём виде не занимает в русской литературе места, которое принадлежит ему по праву как органу правительственного учреждения.

К. Д. Ушинский, естественно, первым делом ознакомился с содержанием журнала за последние годы. В итоге он характеризовал «ЖМНП» как «совершенно бесхарактерный, в котором в продолжение около 30 лет помещались статьи, не принимаемые другими журналами, и громаднейшая медицинская диссертация об устройстве заграничных клиник попадалась рядом с переводом греческой трагедии, со статьёй о выделке лаков, с юмористическим разбором стихотворений Юлии Жадовской и т. п.» [25, с. 303].

Особенно неприятно задела Ушинского во многом несправедливая критическая статья о творчестве замечательной поэтессы Юлии Валериановны Жадовской (1824–1883), которая, кстати, проживала в Ярославле как раз в те же годы, что и Константин Дмитриевич. Правда, в источниках нет сведений о том, что они были знакомы. Но не знать её поэтическое творчество Ушинский точно не мог. Оно было просто на устах тогдашней молодёжи, а также и много лет спустя¹⁷.

¹⁷ Поклонником творчества Жадовской был, например, известный удмуртский просветитель Дмитрий Иванович Корепанов, искренне почитаемый у себя на малой родине, в Удмуртии, и больше известный под литературным псевдони-

До 1849 г. журнал получал ежегодную субсидию в 10 000 р., что обеспечивало его сотрудникам неплохое материальное благополучие. Позднее он существовал исключительно на доход, получаемый от подписки. Хорошо ещё, что министерство определило так называемых обязательных и необязательных подписчиков. Первых насчитывалось до шестисот, – к ним относились губернские административные органы сферы образования, крупные библиотеки, университеты, гимназии. Они были обязаны выписывать хотя бы по одному экземпляру журнала. Необязательными подписчиками были те, которым всего лишь рекомендовалось оформить подписку на журнал. Это были менее крупные учебные заведения, а также руководители учреждений образования, крупные чиновники. Значительное улучшение качества публикуемых материалов, разнообразие тем, актуальность и соответствие требованиям дня – всё это становилось условием привлечения «на свою сторону» необязательных подписчиков и роста их количества.

Начиная с 1857 г. в своих публикациях Ушинский выделял свою главную педагогическую идею – идею народности отечественного образования, которую он считал не появляющейся из ниоткуда, а вытекающей из истории и потребностей самого народа. Он полагал реализацию на практике этой идеи главным – хотя, разумеется, не единственным – условием выведения российского народа из того отсталого состояния, в котором он находился. Ушинский признавал явное превосходство западноевропейской школы перед российской в вопросах государственного и частного финансирования образования, обустройства учебных помещений, оснащения учебного процесса учебными книгами и техническими устройствами, общей организации образования и по целому ряду других важных аспектов. Разумеется, отмеченное превосходство относилось далеко не ко всем западноевропейским странам, а всего лишь буквально к нескольким из них, выделявшимся развитием своей экономической и культурной жизни и оказавшимся способными выделять сравнительно существенные, по тем временам, средства на образование. К тому же и в

мом Кедр Митрей (1892–1949). В 1910–1911 гг. он написал на русском языке своё первое крупное произведение – автобиографическую повесть «Дитя больного века». Название повести было взято как раз из строчки стихотворения Жадовской, творчество которой в то время привлекало внимание молодёжи.

*На голос твой душа моя молчит, –
И содрогается за участь человека,
Заветы прежние с любовью хранит
И страждет за тебя, дитя больного века.*

этих странах (Швейцария, Германия, Англия и др.) лишь отдельные школы могли служить образцами организации образования, в чём в 1862–1867 гг. не преминул убедиться Ушинский лично.

Народность, т. е. в тогдашних условиях фактическая русификация образования, и одновременно его европеизация, – на первый взгляд казалось, что эти два принципа несовместимы. В действительности в концепции К. Д. Ушинского они мирно «уживались» и гармонично дополняли друг друга. Объяснялось это тем, что народность, по Ушинскому, не имела ничего общего с распространённым и, кстати, до сих пор популярным славянофильством с его неизменным поклонением изначальным, давно нежизнеспособным и неспособным быть хоть каким-то руководством к развитию русского этноса мифологемам.

В понятие «народность» К. Д. Ушинский вкладывал не то, что отцвело, отжило свой век (патриархальность, веками узаконенный образ жизни, старинные песни и обряды и т. п.), а то, чему ещё только предстояло развиться на основе объединяющего всех людей, ощущающих себя русскими, хотя и проживающими порой вдалеке от России, а именно – на основе русского языка и передовой, жизнеспособной, патриотически ориентированной русской культуры.

Одновременно К. Д. Ушинский предостерегал от бездумного увлечения идеей обустройства российского образования по западным лекалам. У Европы, он считал, надо позаимствовать организационную чёткость классно-урочной системы, апробированную столетиями, выверенную структуру ступеней обучения, насыщенность учебного процесса качественными пособиями и учебниками и многое другое. Всё это, будучи перенесено в Россию, конечно, даст плодотворный результат и на русской почве. Народность и европеизация – сквозь призму этих двух принципов, определявших его педагогическое мировоззрение, Ушинский, став редактором министерского журнала, оценивал все поступавшие к нему материалы. Задачу, которую он поставил перед собой, можно было бы назвать педагогизацией журнала.

В мартовской книжке журнала на обложке была напечатана новая программа его работы, однако содержание вплоть до второй половины в основном включало статьи, подобранные прежней редакцией; Ушинский был вынужден печатать ранее подготовленные материалы. Лишь начиная с июльского номера, журнал можно вполне считать отвечающим тому коренному требованию, которое Ушинский выдвигал в качестве фундаментальной основы педагогики: неразрывной связи действительных потребностей общества в воспитании подрастающе-

го поколения и выводов педагогической науки. Характерной особенностью программы изменения содержания журнала было то, что она включала в себя совершенно конкретные предложения, которые могли быть вполне реализуемы, начиная с любого номера. Ушинский даже обозначил, что его журнал станет с июльской книжки 1860 г., поскольку именно с этого месяца в нём действительно стали печататься материалы, содержание которых совершенно порывало с материалами, включавшимися в журнал при прежнем редакторе.

В программу работы журнала «по-новому» он включил следующие положения. По мысли Ушинского, в журнале должны были публиковаться следующие статьи: «1. Теоретические рассуждения и практические занятия по различным вопросам из области педагогики и дидактики. 2. Критические описания разного рода воспитательных и учебных учреждений, как русских, так и иностранных, в их современном состоянии и историческом развитии. 3. Биографии, автобиографии, в которых выражается влияние воспитания на характер и жизнь человека. 4. Критические разборы педагогических сочинений, учебников и детских книг. 5. Критические разборы русских и иностранных учёных сочинений по всем разделам науки, если они по содержанию своему могут иметь влияние на педагогическую деятельность. 6. Критические разборы чисто литературных произведений в таком только случае, если разбирающий находит в них отражение умственного и нравственного развития общества, или указывает их влияние, которое они могут иметь на это развитие. 7. Статьи физиологические, если в них решается, хотя бы и косвенным образом, тот или другой вопрос физического воспитания. 8. Статьи психологические. 9. Из области истории только такие статьи, в которых раскрывается ход народного образования в том или другом народе, в тот или другой период времени. 10. Статьи философские, если они прямо или косвенно могут содействовать к определению и усилению цели и задач народного просвещения. 11. Перечни и обзоры статей, появляющихся в русских современных изданиях, но за исключением статей чисто беллетристического содержания.

Все вышеупомянутые статьи составят в журнале 4 раздела: 1. Педагогика и дидактика. 2. Вспомогательные науки. 3. Критика и библиография. 4. Известия и смесь».

Эта программа была опубликована на страницах журнала, и Ушинский придерживался её положений со всей свойственной ему педантичностью в течение отведённого ему судьбой срока редактор-

ства. Современники отмечали такую особенность многогранной, энергичной и одарённой личности Ушинского, как его стремление вносить жизнь везде, где ему доводилось трудиться. Это в полной мере относится и к его работе в качестве редактора журнала. Будучи человеком пунктуальным, Ушинский значительное внимание уделил организационным вопросам в работе редакции. Он обеспечил своевременный выпуск «ЖМНП», в то время как ранее выпуски задерживались по полгода и более.

М. Л. Песковский справедливо писал: «С середины 1860 года этот журнал (“ЖМНП”. – *В. П.*), бывший прежде сухим, официальным сборником правительственных распоряжений и случайных специальных статей о предметах, никого не интересующих, совершенно преобразился, заняв видное место как чуткий, отзывчивый педагогический журнал, руководящий общественным мнением по всем очередным вопросам и текущим событиям в области просвещения. Печать стала считаться с мнениями безвестного, безличного прежде журнала. Общество начало прислушиваться к нему. Для непосредственных же деятелей по министерству просвещения журнал был незаменимым истолкователем очередных вопросов, задач, целей и средств к осуществлению их» [33, с. 67].

Для того чтобы показать, насколько сильно изменилось содержание журнала при Ушинском, назовём лишь несколько статей, опубликованных в конце 1860 г. и в 1861 г. Верный своей идее использования передового зарубежного опыта, Константин Дмитриевич в двух номерах публикует статью Ю. С. Рехневского «Очерк истории народных школ в Германии» (№ 10, с. 1–35; № 12, с. 117–156), материал В. Игнатовича «История английских университетов», своего соратника по Смольному Л. Н. Модзалевского «О преподавании отечественного языка в Германии», и В. Надлера «Лингард и Гертруда Песталоцци».

Заведующий частным пансионом в немецком местечке Вальтерсхаузен К. Кер рассказывал на страницах журнала об опыте работы своего учебного заведения в статье «Главные основания обучения счёту». Он, в частности, писал: «Употребляя правильный метод, который старается сделать обучение привлекательным, – укрепится воля, и ученик привыкнет во всем поступать правильно, потому что всё в арифметике математически верно; через это ученик приобретёт любовь к правде. Сила воли и любовь к правде – суть два могучих двигателя нравственности». Была опубликована статья фактически первого

крупного историка педагогики Карла Шмидта «Письма к матери о физическом и духовном воспитании её детей».

Но, разумеется, большая часть материалов была посвящена проблемам российской школы и, в частности, готовившейся в то время её реформы. На это указывают уже названия статей: Д. Дашков. Несколько слов о проекте устава низших и средних училищ; Н. Мизко. Взгляд на проект устава средних и низших училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения; Г. Косман. Мысли об образовании вообще и образовании юношества в России; Н. Лавровский. О педагогических беседах в уездных училищах (мнение, представленное попечителю Харьковского учебного округа); К. Петров. Современное состояние преподавания словесности; Ф. Толль. Нечто о воспитании в детях чувств; А. Филонов. О чтении в библиотеках. Некоторые статьи опубликованы без указания фамилий их авторов: «О некоторых преобразованиях по университетам», «Мысли о жизни. Девушки-учительницы (из путевых заметок)», «Педагогическая гимнастика. Исторический взгляд», «Педагогическая семинария профессора Стоя в Иене».

В журнале были опубликованы две статьи писателя и священника Тверской епархии, автора многочисленных сочинений преимущественно на церковные и воспитательные темы Ивана Степановича Беллюстина (Беллюстина) (1819–1890) «Два последних слова о народном образовании» и «Приходские учителя». Ушинский и Беллюстин были знакомы ещё с конца 1850-х гг., а начиная с 1860 г. вели активную переписку, в том числе и после ухода Константина Дмитриевича из журнала.

Эта переписка была открыта в послевоенные годы сотрудниками Калининского (Тверского) областного архива. Содержание писем великого педагога показывает, как нелегко ему было отстаивать свою позицию с министерскими «кураторами», ведь каждый номер журнала проходил тщательную цензуру. Иван Степанович, сам постоянно испытывавший притеснения как со стороны светской администрации, так и со стороны епархиального начальства и даже Синода из-за своих обличительных публикаций в зарубежных изданиях, хорошо понимал Ушинского. Беллюстин не только был активным соратником Константина Дмитриевича как редактора, но и его ближайшим другом. В стремлении как-то провести цензора Ушинский печатал статьи Беллюстина под псевдонимами «Весский» и «Б». Как это ни покажется странным, но псевдонимы не вызывали в цензурном комитете воз-

ражений: во-первых, это было распространённым явлением, а во-вторых, цензору порой было достаточно того, чтобы в конце текста не стояла подцензурная фамилия.

Именно Беллюстин был первым человеком, с которым Ушинский поделился своим, пожалуй, самым важным творческим замыслом, а именно идеей написания «Детского мира». Иван Степанович поместил в № 7 за 1861 г. газеты «Московские ведомости» небольшую библиографическую заметку об этой замечательной хрестоматии своего друга. В своём стремлении хоть как-то помочь Беллюстину Ушинский пытался перевести его в столицу и устроить в свой журнал или в какое-нибудь другое издание; но эти попытки не имели успеха. Беллюстин был нужен Ушинскому и потому, что даже в самой редакции Константин Дмитриевич не встречал полной поддержки, не говоря уж о редакциях других журналов. Газета «Русский мир» разразилась критикой в адрес его статьи «Труд...».

Удручённый Ушинский писал Беллюстину: «Направление, которое провожу я, чуждо без исключения всем русским журналам, и я, кроме брани, ничего не ждал и не жду. Но я готовился к этому, принимаясь за издание журнала. По чистоте моих намерений и по озлоблению всех против меня я буду судить о необходимости говорить то, что начал говорить. То ли ещё увидите, если господь бог даст мне силы высказать то, что уже готово и что я начну высказывать с первых книг будущего года! Надеюсь, что стану “притчею во языцех”, и приготвился к этому» [73, с. 200].

Разумеется, статьи самого К. Д. Ушинского, публиковавшиеся в журнале, становились событием. Они привлекали к себе внимание педагогического сообщества своей актуальностью. Как правило, каждую статью сопровождала продолжительная журнальная полемика. Так, Ушинский отстаивал необходимость введения школ для молодых рабочих в статье «Воскресные школы». В статье «5-е марта 1861 года» он показал возросшую необходимость открытия школ в связи с реформой Александра II по освобождению крестьянства. С особенной силой талант К. Д. Ушинского как полемиста выразился в статье «Труд в его психическом и воспитательном значении». Актуальность этой работы заключалась в том, что в те годы в российском обществе объявились молодые бездельники, беззаботно жившие за счёт капиталов, заработанных родителями. Всё это очень напоминает сегодняшнюю ситуацию в российском обществе. Гениальность К. Д. Ушинского и состоит, прежде всего, в том, что он, в условиях своего времени,

ставил перед собой и обществом такие злободневные вопросы, которые и сейчас, полтора столетия после его смерти, по-прежнему актуальны и настоятельно требуют достойного разрешения. Причём Ушинский не только ставил такие вопросы, но и пытался давать ответы на них.

В этой своей программной статье К. Д. Ушинский убедительно доказывал, что «без личного труда человек не может идти вперёд, не может оставаться на одном месте, но должен идти назад». То есть превращаться обратно в животное, добавим уже от себя; кстати, это нередко и происходит с некоторыми представителями рода человеческого. Труд стал, по справедливому утверждению К. Д. Ушинского, «довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы и, наконец, его наслаждений и его счастья».

В другой своей статье «О нравственном элементе в русском воспитании» Ушинский задавался вопросом: «Почему у нас нет настоящих людей?» Ответ он видит в некачественном воспитании. Учителя озабочены, как правило, одним: передать как можно больше знаний. Но «одного ума и одних познаний ещё недостаточно для укрепления в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который... связывает людей в честное, дружное общество». Педагог выдвигает на первый план «влияние нравственное», которое, по его мнению, «составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов». И здесь гениальность Ушинского проявляется с полной силой. Ныне живущие россияне на своём нелёгком опыте убедились в справедливости утверждения о том, что знания – сила. Вот только эта сила знаний нередко используется далеко не в интересах самого русского народа¹⁸.

В статье «Проект учительской семинарии» К. Д. Ушинский впервые перед российским образованным обществом поставил вопрос о необходимости заведения этих специальных учебных заведений. Он

¹⁸ Прав современный российский поэт Василий Иванович Романов, следующим образом характеризовавший «высокообразованных» деятелей «ельцинского призыва»:

*Нас так не грабили хазары,
А э т и тонко всё учли.*

приводит в пример передовые зарубежные учительские школы. Пока он знаком с ними заочно, но уже скоро ему доведётся за границей лично посетить целый ряд специализированных профессиональных семинарий, и он будет иметь возможность лично убедиться в эффективности их работы. А сейчас Ушинский пытается убеждать своих оппонентов в том, что учителем не может быть какой-нибудь отставной солдат или захудалый дьячок, как это до сих пор принято в русском селе. Кандидат на занятие учительского места должен не только проходить углублённую профессиональную подготовку, но и иметь возможность постоянно пополнять свои знания. А для этого нужны постоянно действующие учительские губернские и уездные курсы, педагогические журналы.

В мартовской книжке за 1862 г. К. Д. Ушинский поместил свою статью «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова». Его личное знакомство с Николаем Ивановичем, причём в Гейдельберге, было ещё впереди. Ушинский изначально заочно испытывал к Пирогову дружеское тяготение. Проживая в швейцарском Интерлакене, Ушинский писал одному из друзей в Гейдельберг: «Завидую вам, что вы живёте в одном городе с Пироговым и часто с ним видите: для него одного стоит переселиться на зиму в Гейдельберг! Я никогда не видал этого человека, но едва ли есть кто-нибудь другой, кого я уважал бы более». После того как знакомство с великим хирургом состоялось, Ушинский писал о нём в другом письме, уже из Гейдельберга: «Наконец-то мы имеем среди нас человека, на которого с гордостью можно указать нашим детям и внукам и по безукоризненной дороге которого можем вести смело наши молодые поколения. Теперь наша молодёжь смотрит на этот образ, – и будущность нашего отечества будет обеспечена». Исследователь творчества Ушинского В. Я. Струминский считал даже, что Константина Дмитриевича так тянуло в Гейдельберг, к Пирогову то обстоятельство, что, по мнению Василия Яковлевича, «никто не в состоянии был бы так быстро и решительно врачевать мучительных душевных ран Ушинского, как это делал Пирогов.

Под влиянием общения и сближения с ним Ушинский быстро воспрянул и окреп духом, с удвоенной энергией и лихорадочною торопливостью принялся за научную разработку, так сказать, основных корней и вершин педагогического дела, что и послужило блестящим заключением славной, бессмертной его литературно-педагогической деятельности».

Действительно, К. Д. Ушинский оценивал Н. И. Пирогова как высоко нравственного человека, общение с которым может возвысить,

укрепить и окрылить дух другого. Он восторженно относился не только к личности самого Пирогова, но и к его педагогическим воззрениям, а статью Пирогова «Вопросы жизни» (1856) считал едва ли не вершиной педагогической мысли в российской педагогике. Гуманист Пирогов выступил против господствовавшей в то время в российских педагогических кругах идеи ранней профессионализации детей в ущерб их общему развитию. Оппоненты Пирогова ссылались на материальные трудности, нехватку средств у простого народа и тому подобные действительно объективные причины, вынуждавшие бедняков отдавать своих детей внаём какому-нибудь убогому ремесленнику – сапожнику или золотарю – порой ради одного пропитания.

Спустя десятилетия, уже при другой власти, в 1920–1930-е гг., идея ранней профессионализации снова «всплыла» в повестку дня развития уже советского образования, причём её сторонниками были даже самые, казалось бы, прогрессивные люди, такие как О. Ю. Шмидт. Пирогов и сам вырос в полной нищете, в семье, где он был тринадцатым ребёнком; в полной мере на себе он осознал, и что это такое – безотцовщина. Тем не менее он предлагал ни много ни мало «дать возможность развиваться внутреннему человеку», т. е. создать необходимые и равные для всех общественные условия для полноценного развития внутренне заложенных природой в каждом ребёнке задатков¹⁹.

К. Д. Ушинский, однако, сильно расходился с Пироговым в вопросе о значимости классических языков в деле образования русского юношества. Ушинский исходил из того, что именно родной, русский язык должен быть положен в основу образования, – это лучшее средство его духовного, нравственного и патриотического воспитания, – в то время как Н. И. Пирогов был горячим приверженцем греческого и особенно латинского языков. Ушинский деликатно, но настойчиво давал понять, что Николай Иванович судит о значимости защищаемых им классических древностей с позиции университетского профессора медицины; естественно, будущему врачу необходимо знание латыни. Но ведь мы живём в такое время, убеждал Ушинский читателей, когда по мере развития научного знания всё большее значение приобретают другие науки, прежде всего естественные, более необ-

¹⁹ Его идеи получили возможность реализоваться лишь спустя практически столетие и даже были законодательно закреплены в СССР в Законе о связи школы с жизнью (1958) и в новой редакции Программы КПСС (1961), провозгласившей идеал человека как единство нравственного, духовного и физического начал в структуре его личности.

ходимые, а главное – приложимые к реальной жизни: производственной, научной и домашней. Эту мысль педагог проводил в ряде своих статей, а статья «Родное слово», опубликованная в «ЖМНП», была полностью посвящена этому вопросу.

Ушинский очень переживал по поводу того, что так называемые признанные писатели не признавали его «своим». В самом деле, для радикалов (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Писарев) он был чересчур близок к «властям предрержащим» и «далёк от народа». Для законопослушных литераторов (И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, В. И. Аскоченский, И. И. Лажечников, А. Ф. Писемский) сама фамилия Ушинский была синонимом какого-то беспокойства, перемен и, не дай-то Бог, реформ. Сдержанная, «срединная» социальная позиция, занятая Ушинским, позволяла ему занимать достаточно видное, весомое положение в тогдашнем российском педагогическом сообществе, что открывало перед ним возможность реализовывать на практике свои идеи и планы, но в то же время фактически изолировало его от ведущих литераторов своего времени. В письме к Беллюстину он с горечью писал: «Видно, я не пришёлся по публике, но не пришёлся именно потому, что стою на прямой дороге, стою посередине... Что же делать? Нынешней публике нужны или Аскоченские, или Чернышевские. Но это, конечно, не заставит меня сойти с той дороги, на которой, быть может, мне суждено идти одиноко и даже бесполезно для других. Грустно...» [73, с. 200]

Характерной чертой личности К. Д. Ушинского – чертой, которую отмечали в нём его биографы, – было отрицание всякой критики в свой адрес, отсутствие признания каких-либо своих ошибок. Он всегда считал себя правым, даже тогда, когда в интересах дела следовало бы признать свою неправоту. Вот пример. Видный теоретик и практик педагогического дела, основоположник методики школьного преподавания русского языка и литературы Владимир Яковлевич Стоюнин (1826–1888) в 1860 г. в журнале «Воспитание» (№ 12) выступил со статьёй «Новая программа» журнала МНПр», в которой показал, что поставленные Ушинским в его программе задачи расходятся с фактическим содержанием публикуемых материалов. В частности, он подверг резкой критике сам факт печатания в журнале философской монографии Р. Гейма о Гегеле («Гегель и его время»). По его мнению, эта и подобные ей статьи «для большинства останутся без всякого значения». Стоюнин требовал от журнала освещения более частных, специальных вопросов и тем, которые бы могли реально заинтересовать педагогов низших и средних учебных заведений.

Нельзя не согласиться с мнением В. Я. Стоюнина, который утверждал: «У нас пока ещё рано требовать от какого-нибудь уездного или приходского учителя, чтобы он интересовался выпренней философской статьёй или отвлечённой теорией; тогда как критическая статья, относящаяся к кругу его деятельности, должна невольно интересовать его. Вот об этом вы и позаботьтесь, и тогда польза будет несомненная, а журнал при совершенно определённых целях будет иметь и определённый характер» [73, с. 202]. Анализируя рецензию Стоюнина, В. Я. Струминский выступил, естественно, в защиту Ушинского. В попытке оправдать действия Ушинского он писал в своей монографии: «Совершенно ясно, что Стоюнин, несмотря на то, что он писал о новой программе “ЖМНП”, не уяснил себе, что программа превращала прежний министерский журнал в научно-педагогический и что популярные педагогические задачи преследовали уже другие журналы, новый же педагогический журнал в интересах научной педагогики ставил себе задачей вскрыть её научные основы. От хорошей рецензии нужно было бы ждать не поверхностных советов, не ссылок на непонимание неразвитых учителей, а пусть жёсткой, но рациональной критики» [73, с. 202]. Аргументация, что и говорить, невразумительная.

На этом «история» с философской монографией Р. Гейма о Гегеле не закончилась, но, напротив, получила новое «ускорение» со стороны двух молодых сотрудников «Современника»: И. Пиотровского, опубликовавшего специально направленные против Ушинского две статьи под общим названием «В погоне за лучшим» (1861. № 5, 6.), и М. А. Антоновича, выступившего со статьёй «Гегелевская философия» (1861. № 8).

«Современник» был журналом, выступавшим с прогрессивных позиций. Именно на него ориентировалась тогдашняя пишущая и читающая молодёжь, по крайней мере, та её часть, которая считала себя передовой. В указанных статьях Ушинский был охарактеризован как проводник политики министерства народного просвещения, т. е. как консерватор. Антонович и Пиотровский подвергли критике не столько работу Р. Гейма, сколько комментарии к ней, сделанные Ушинским. Именно в этом и состоял смысл их статей; до Гегеля и Гейма их авторам, в общем-то, дела не было. Новая программа журнала «по Ушинскому», по их мнению, являлась всего лишь хитрым ходом со стороны министерства народного просвещения, которое завуалировало свои истинные намерения. Ведь всякому понятно, что министер-

ство – учреждение реакционное и каждый его шаг следует подвергать безжалостной критике. Ну а журнал, кто бы его ни возглавлял, – рупор министерства, поэтому ему нет и не может быть в принципе никакого доверия.

В отчаянии К. Д. Ушинский писал И. С. Беллюстину: «В критике, или лучше, в бранной статье, помещённой на мой счёт в “Современнике”, прямо обвиняют меня, что я чей-то орган, чей уж, я этого до сих пор сам не знаю. Статья эта до того бездоказательна и глупа, что я и отвечать не буду. Что бы вы отвечали пьяному мужику, если бы он вас выругал по-матерному, неужели бы вы стали доказывать, что ваша мать была честная женщина?»

В. Я. Струминский, в своём стремлении как-то защитить (сто лет спустя!) Ушинского, и в то же время не подвергать сомнению «прогрессивность» «Современника», отмечал, что обвинения авторов статей, направленные против Ушинского, «были случайными и ошибочными» и что «министерство следовало громить», но вот «объект для нападения» Антонович и Пиотровский выбрали неподходящий; дескать, «не разобрались», что Ушинский и сам был противником антинародной политики министерства. Но на такой подход легко найдется контраргумент: «К волкам попал – по волчьей вой». К. Д. Ушинский не хотел «выть», и поэтому он не мог длительное время быть печатным «рупором» консервативного учреждения, каковым действительно было министерство.

В начале 1861 г. К. Д. Ушинский почувствовал придирки по отношению к себе как к редактору. Его стали упрекать за то, что журнал не увеличивает количества подписчиков и, соответственно, не приносит дохода. Кроме того, главному редактору ставилось в вину то, что в журнале не публикуются статьи, которые бы разоблачали анархические и материалистические взгляды, в том числе в сфере образования. Между тем это «вредное поветрие» получает всё большее распространение на страницах иных изданий. На это Ушинский заявлял, что некоторые издания занимаются тем, что публикуют критические, а то и клеветнические материалы, а также статьи, способные возбуждать в читателей анархические и другие противоправные настроения. Это, конечно, привлекает внимание дополнительного числа читателей и, соответственно, увеличивает количество подписчиков.

Противодействие материалистическому мировоззрению Константин Дмитриевич также оставлял на долю тех изданий, которые сознательно заполняют свои страницы именно такими материалами.

Официальный орган Министерства народного просвещения, по мнению К. Д. Ушинского, был призван освещать вопросы образования народа и не должен опускаться до уровня журнальной перебранки; именно поэтому в «ЖМНП» печатались статьи исключительно положительного содержания.

Несмотря на такую осмотровую позицию, редакции других педагогических изданий относились к Ушинскому-редактору очень холодно. В своих воспоминаниях А. В. Старчевский отмечал, что, вопреки всем усилиям Ушинского, он не встречал сочувствия в тогдашних журналах и газетах. В течение полутора лет не прекращались нападки не только на убеждения нового редактора, но также и выпады против его личности [73, с. 59].

Ушинский придавал особое, даже программное значение своей статье «Труд...». Однако критики скептически оценили его писательские усилия. 20 октября 1860 г. в письме к Беллюстину Ушинский с горечью писал: «В “Русском мире” разругали мой “Труд”, да уж кстати тут же задели и “Вопросы жизни” г. Пирогова. Досталось нам обоим! Спасибо, что поставили рядом: я сознаюсь откровенно – этой чести не заслужил» [73, с. 200]. Что поделаешь? И здесь К. Д. Ушинского стали вынуждать занять значительно более определённую позицию. А он-то ещё надеялся «остаться посередине»...

К. Д. Ушинский не мог не понимать, что его редакторство едва ли продолжится после отставки благоволившего ему министра, поэтому лихорадочно стремился сделать как можно больше на этом посту. Когда К. Д. Ушинский вступал в должность редактора, он, скорее всего, понимал, что его ожидают некоторые трудности, но, по всей вероятности, – об этом свидетельствует его переписка с друзьями, – он успокаивал себя тем, что эти трудности вполне преодолимы, а главное – его воодушевляла возможность обратиться непосредственно к учительскому сообществу с разговором о народном образовании посредством печатного слова со страниц некогда «совершенно бесхарактерного» журнала, а ныне журнала «специального».

К несчастью для дела российского образования, либеральный министр Ковалевский был отправлен в отставку, и на его место с 20 июня (2 июля) 1861 г. был назначен граф Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883). Основанием для его назначения, видимо, послужило то, что он интересовался вопросами образования и даже опубликовал книгу «Проект преобразования морских учебных заведений, с учреждением новой гимназии». Путятин осуществил несколько важ-

ных нововведений в вузах; он учредил зачётные книжки (они назывались тогда матрикулы), сделал обязательным посещение лекций и ввёл плату за обучение для всех студентов. Последние два нововведения особенно больно ударили по разночинной молодёжи. Деятельность министра стала причиной студенческих волнений в Санкт-Петербурге и Казани.

Е. В. Путятин потребовал от Ушинского резкой смены курса руководимого им журнала. По его мысли, журнал должен был стать своего рода учёным сборником по всем отраслям наук, так сказать, «пантеоном всех наук», вроде французского “*Journal de savants*” («Журнал для учёных»). По всей вероятности, такие журналы действительно нужны, но в данном случае фактически к нулю сводилась педагогическая составляющая этого печатного органа. Ушинский категорически воспротивился такому указанию и предпочёл отказаться от редакторства.

Но поначалу К. Д. Ушинский не собирался сдаваться. Он написал докладную записку на имя директора департамента народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова (1818–1898). В ней он попытался кратко охарактеризовать свой журнал как соответствующий целям деятельности министерства, а именно образованию народа, распространению полезных сведений по делу воспитания. В октябре 1861 г. записка побывала в руках Путятина и Делянова, и в итоге на ней появилась резолюция последнего, гласившая о том, что с 1862 г. журнал должен издаваться на прежних основаниях. Иного было трудно ожидать от И. Д. Делянова, ставшего спустя два десятилетия, в 1882 г., министром народного просвещения, а в июне 1887 г. – «автором» печально известного «циркуляра о кухаркиных детях», закона, который вплоть до Октября 1917 г. закрыл саму возможность получения даже среднего образования подавляющему большинству населения Российской империи.

17 ноября 1861 г. К. Д. Ушинский отправил на имя министра заявление: «По усилившемуся в настоящее время расстройству моего здоровья я нахожу невозможным соединять должность редактора журнала министерства народного просвещения с должностью инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища. По сему имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство об увольнении меня от должности редактора журнала Министерства народного просвещения. К. Ушинский». Резолюция министра была краткой: «Внести в приказ. Е. Путятин».

В письме И. С. Беллюстину от 8 декабря 1861 г. Ушинский сообщал о своей отставке, не избегая сильных выражений в адрес Путьятина: «Всё русское просвещение отдали в руки идиоту и изуверу, который думает дать новое направление русскому просвещению и воспитанию, а следовательно, и русской истории». С горечью писал Ушинский о запрете писать в «ЖМНП» что-либо о народных школах. О чём же тогда писать?

Ноябрьский выпуск журнала за 1861 г. была последней книжкой, подписанной Ушинским. Если бы Константин Дмитриевич обладал такими качествами, как дипломатичность в отношениях с начальством, гибкость в выражении своих мыслей и умение подлаживаться под обстоятельства, он, скорее всего, сумел бы сохранить и прежний, выработанный им курс журнала, и себя в качестве редактора, и, тем самым, принести ещё много пользы для российского образования в качестве руководителя этого важнейшего печатного издания.

Важно было пережить, переждать, перетерпеть всего несколько недель... Прошёл буквально месяц, и 25 декабря 1861 г. (6 января 1862 г.) незадачливый министр Путьятин, некомпетентность которого была очевидна всем, подал в отставку, а на его место был назначен один из самых выдающихся деятелей эпохи Александра II, тайный советник Александр Васильевич Головнин (1821–1886)²⁰.

А. В. Головнин поднял значение министерства народного просвещения, которое до него считалось как бы второстепенным; он удвоил его бюджет и сократил непроизводительные расходы, главным образом административные. Были изданы новый устав гимназий (1864), университетский устав (1863). Расширены средства университетских библиотек; основан Новороссийский университет в Одессе (1864). С целью пополнения количества профессоров в университетах он восстановил практику направления талантливых молодых людей на учёбу за границу, а руководство ими поручил Н. И. Пирогову. Его деятельность вызывала самые положительные оценки со стороны прогрессивной части педагогического сообщества.

Первым побуждением А. В. Головина в должности министра было стремление восстановить Ушинского в должности редактора «ЖМНП». Однако гордый Ушинский ответил отказом на это, казалось

²⁰ Его отец Василий Макарович Головнин (1776–1831) был знаменитым мореплавателем, вице-адмиралом, руководителем двух кругосветных экспедиций. В его честь названы бухта в Беринговом проливе, пролив между островами Курильской гряды, гора и мыс на Новой Земле.

бы, лестное предложение; ему казалось, что новый министр не лучше прежнего. При этом он продолжил направлять в журнал свои статьи. В 1864 г. Головнин сделал Ушинскому предложение об издании частного педагогического журнала на средства министерства. Но к тому времени у Ушинского уже были другие приоритеты – ему было необходимо срочно заканчивать свои главные труды, обессмертившие его имя²¹.

Редакторство «ЖМНП» после отставки Ушинского перешло к его другу, писателю Юлию Семеновичу Рехневскому (1824–1887), который руководил журналом в 1861–1867 гг. Ему удалось сохранить в журнале главный раздел – «Педагогика и дидактика», а от остальных пришлось отказаться. Рехневский и Ушинский были знакомы ещё по учёбе в университете, а впоследствии много общались и переписывались. После смерти Ушинского Рехневский дал большой очерк «Константин Дмитриевич Ушинский» в «Вестнике Европы» (1870. № 2), в котором осветил некоторые малоизвестные события биографии своего друга.

Мы разделяем мнение В. Я. Струминского в том, что педагогическое наследие Ушинского вовсе не ограничивается его книгами и статьями. Восемнадцать книжек «ЖМНП», вышедших под непосредственным руководством Константина Дмитриевича как редактора, выступили как одна из существенных основ создания отечественной педагогики.

ГЛАВА 10. ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА

Последние восемь лет жизни Ушинского были омрачены, как он сам говорил, «тяжкой болезнью». Хроническим воспалением лёгких он страдал уже давно, но нездоровье с особенной силой обострилось именно в 1862 г., в период конфликта в Смольном. Как вспоминал М. Л. Песковский, «он (Ушинский. – В. П.) в пух и прах разбил клеветнические изветы своих доносчиков, унизил, опозорил их; но вместе с тем разбил также и своё здоровье. Нервный, раздражительный, он слишком горячо принял к сердцу нанесённое ему оскорбление. Сядясь за отписку бодрым и здоровым, он встал из-за неё поседевшим и начал харкать кровью» [33, с. 68].

²¹ После покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II 4 (16) апреля, в рамках развернувшейся кадровой чистки в министерствах, Головнин был вынужден 14 (26) апреля 1866 г. подать в отставку со своей должности.

Ушинский, а вместе с ним и его друзья надеялись, что пребывание Константина Дмитриевича в средней Европе, славящейся умеренным, тёплым климатом и изобилующей водными и воздушными лечебницами, благотворно скажется на его здоровье. Однако перед самым выездом из Санкт-Петербурга он заболел, и отъезд пришлось отложить до середины мая 1862 г. За границей поначалу Ушинский поселился в небольшом немецком городке Бонн, в те годы известном разве что тем, что в нём родился Людвиг ван Бетховен.

По совету местных врачей уже через несколько дней, в начале июня, Ушинский перебрался в Швейцарию, в курортный городок Веве, расположенный на берегу Женевского озера. Местечко это Константин Дмитриевич выбрал, конечно, не случайно. Его издавна облюбовала российская творческая элита. Здесь подолгу бывали Н. В. Гоголь, Н. М. Карамзин. Осень 1859 г. провёл в Веве Ф. А. Тютчев. Уже после Ушинского осенью 1864 г. сюда прибыл П. А. Вяземский. Всё лето 1868 г. жил в этом городке Ф. М. Достоевский. В разные годы здесь искали вдохновения, а то и политического убежища П. И. Чайковский, М. А. Бакунин, А. И. Герцен, В. В. Набоков, философ Н. О. Лосский. В. А. Жуковский приезжал сюда в 1821 г. и в 1832–1833 гг. Он перевёл здесь на русский язык баллады Иоганна Людвиг Уланда, «Шильонского узника» Джорджа Гордона Байрона и «Унди́ну» Фридриха де ла Мотт Фуке. «Унди́на» в переводе Жуковского была любимейшим поэтическим произведением Ушинского. Именно эту поэму он просил своих домашних прочитать ему буквально за час до смерти...

Здесь, в Веве, Ушинский приступил было к реализации своего плана по посещению местных школ, но резкая перемена климата не пошла на пользу его слабому здоровью, и он был вынужден уже через несколько дней оставить это занятие.

Немного поправившись, в июле Константин Дмитриевич отправился в город Интерлакен, который славился как климатический курорт, но также, к слову, был известен и тем, что здесь Иоганном Якобом Гуггенбюлем была открыта первая в мире специализированная лечебница для больных... кретинизмом.

В Веве Ушинскому был назначен курс «сывороточного и виноградного лечения». В письме А. И. Скребницкому от 24 июля Ушинский сообщал, что он с удивлением обнаружил в Интерлакене множество известных личностей, таких как венгерский революционер, «бедняга» Лайош Кошут, неаполитанская королева, «эрцгерцоги австрийские», и даже гонитель Ушинского граф Путятин собственной

персоной, который «лечился от ханжества и зверства». Упоминает он и Муравьёва, вот только, пишет он, ему не удалось узнать наверняка, то ли это Михаил Николаевич, министр иностранных дел, то ли основатель Благовещенска, Хабаровска и Владивостока Николай Николаевич, служивший в 1847–1861 гг. генерал-губернатором Восточной Сибири.

Ушинский подыскал квартиру в пригороде Интерлакена «в хорошем, довольно высоком месте». Именно сюда из России подъехала жена с детьми. «Сывороточное» лечение Константина Дмитриевича продлилось до конца августа. По его окончании он почувствовал себя гораздо лучше, и с 2 сентября смог наконец приступить к своему «педагогическому путешествию», начав посещение женских школ в кантонах Арговия (ныне Аргау), Берн и Цюрих.

Ушинский в своих отчётах и статьях особо отмечает тот факт, что, как и в России, обучение девочек в Швейцарии получило более или менее широкое распространение совсем недавно, но уже продвинулось значительно более основательно. Это видно по качественному оборудованию школьных помещений и общему внешнему благоустройству. Обратил внимание Ушинский и на то, что в школьных кабинетах повсюду лежат педагогические книги и учебно-методические средства. Особенно интересовали Ушинского, поборника женского и педагогического образования, начальные школы и учительские семинарии. В то время в Швейцарии, небольшой стране, они были во всех кантонах. Константин Дмитриевич посетил семинарии в пригороде Берна Мюнхенбухзее, а также в Веттингене и Цюрихе.

В Берне его сильно впечатлило посещение женского учебного заведения, руководимого известным педагогом Фрëлихом. Он обратил внимание на такие отличительные позитивные черты учебного процесса, как объединение в рамках общего учебного плана и цельной программы обучения всех учебных групп, начиная с малышей вплоть до специальных педагогических классов; реализация единой, причём строго продуманной, системы преподавания. Наконец, почти все учительницы являлись бывшими выпускницами самой этой школы.

Ушинский педантично ежедневно посещал «классы» с целью выявления полезных деталей. Понравились ему начальные школы и женское среднее училище в Берне, в котором предметное преподавание велось по методике известного немецкого историка литературы, публициста, беллетриста, общественного деятеля и педагога Иоганна Шерра (1817–1886), который в это время служил преподавателем истории и истории литературы политехнического техникума.

И. Шерр был невероятно плодovit как учёный, но Ушинского впечатлили не его фундаментальные труды по истории, литературе и религии, а прежде всего учебные пособия и руководства, в которых раскрывалась сущность предлагавшегося им метода. Позднее К. Д. Ушинский использовал идею И. Шерра об объединении в материала нескольких учебных предметов на первоначальной ступени обучения для написания первого, начального варианта учебника, в котором обучение чтению, письму и сообщению знаний об окружающем мире и его истории объединялись в единое целое. Так родилась идея создания «Родного слова».

23 сентября, как следует из его писем друзьям, Ушинский вернулся в г. Веве и с удовольствием прошёл курс «виноградного» лечения. Одновременно с этим он обрабатывал собранный материал, готовил ряд статей и отчёт для министерства. В декабре, несмотря на предписание врачей оставаться дома в сырую погоду, он посетил школы в кантонах Невшатель, Во и Женева.

Наибольшее впечатление на него оказала Женевская высшая женская школа, что и неудивительно; ведь в России женщины даже длительное время спустя не имели никакой возможности получать высшее образование. Удивило русского педагога и то обстоятельство, что в этих учебных заведениях преподавали исключительно женщины. (В России, как известно, в те годы об этом не могло идти речи.) Каждый класс имел «главную учительницу», на которую возлагались функции воспитательницы детей и объединение усилий всех педагогов, работающих в данном классе. Классный руководитель появится и в России, но много позднее, уже после 1917 г.

Поездка в Женеву в декабре закончилась обострением болезни, да таким сильным, что Ушинский смог оправиться лишь в феврале 1863 г. Л. Н. Модзалевскому он пишет 17 февраля: «Ах, как бы мне выбраться отсюда живому! Этот климат меня окончательно расстроил» [85, с. 171].

Сам Л. Н. Модзалевский, как уже указывалось, как раз в эти же годы (1862–1864) в составе группы молодых учёных находился в Германии с целью повышения уровня своей научно-теоретической квалификации и приобретения практического опыта в соответствии со своей специальностью.

Ушинского угнетала мысль о том, что в оставшиеся месяцы командировки ему, по всей вероятности, не удастся выполнить в полном объёме задуманное. Все же в отчёте, отосланном в Санкт-Петербург

5 февраля, он писал о том, что планирует посетить школы в Париже, Страсбурге и на юге Германии, а вот школы в Бельгии, Англии и на севере Германии придётся оставить без осмотра. В итоге программа командировки будет выполнена не в полном объёме и он не сможет дать систематическое описание зарубежных женских учебных заведений.

В заключение он просил продлить командировку ещё на один год. В этом же отчёте К. Д. Ушинский, на основании увиденного в Швейцарии, внёс ряд предложений, которые бы следовало внедрить в России, и прежде всего это, конечно, введение специальной подготовки педагогов для женских учебных заведений.

Эту задачу он предлагал решать в пансионах и женских гимназиях. По мнению Ушинского, сам факт подготовки именно девушек к учительской работе, поначалу хотя бы в женских школах, значительно подвинет вперёд качество преподавания, поскольку у женщин-учительниц есть много таких качеств, которые сравнительно редко встречаются у мужчин, а именно особенная аккуратность, точность, настойчивое терпение, зоркая внимательность. «Преподавательницы гораздо более на месте, чем преподаватели», особенно в женских школах, в младших и средних классах, делал вывод Ушинский. Он также отмечает необходимость соединения воспитательной и учебной части в одних руках; пока же воспитатели и учителя работают, так сказать, параллельно, фактически мешая друг другу.

«Для образования городского сословия», как известно, важно иметь оконченное образование. Ушинский обратил внимание на то, что швейцарские школы: низшие, средние и высшие – связаны между собой, представляют из себя именно систему образования; в то же время каждый уровень имеет законченный вид и необходим для занятия определённой должности.

«Особенного внимания», по мнению Ушинского, заслуживали рабочие, или «рукодельные» школы: они, обходясь правительству весьма дёшево, приносили очень много пользы. Разумеется, эти школы не имели ничего общего с теми школами, которые когда-то предлагал Джон Локк ещё в XVII в.; они не предполагали отработку детьми того хлеба и «тёплой жидкой кашицы», которой собирался потчевать детей-оборвышей «великий английский педагог-гуманист». Швейцарские школы были призваны сберечь исконно народные трудовые ремёсла и промыслы; они помогали детям обрести своё истинное предназначение в жизни. Русский педагог выделял также такие положительные стороны швейцарского образования, как каче-

ственные учебники, введение в состав обязательных учебных предметов пения, наконец, выделение центрального предмета обучения, каковым, естественно, являлся отечественный язык.

Примечательно, что К. Д. Ушинский не называет, какой именно язык в этой стране является отечественным, поскольку издавна таковыми, в зависимости от географического расположения кантонов, считаются немецкий, французский или итальянский, а также ретороманский – язык горцев. Ушинский писал также о том, что в местных школах изучается меньшее количество предметов, зато они изучаются более глубоко.

Анализ содержания отчёта в IV управление даёт основание полагать, что Ушинский, посещая швейцарские школы, прежде всего искал в их работе подтверждение своим собственным представлениям о том, какой должна быть русская школа. Он не мог не видеть, что передовая европейская школа продвинулась значительно дальше, нежели российская, по пути прогресса. Но его утешало то, что он отчётливо видел: отставание вполне преодолимо; главное – он понимал, как следует действовать. Своё представление о реформировании русской школы Ушинский изложил в семи очерках (письмах) под общим названием «Педагогическое путешествие по Швейцарии», которые были опубликованы в «ЖМНП» в 1862–1863 гг.

Ознакомление с работами И. Шерра подвигнуло Ушинского на создание первых очерков «Родного слова». В этот же год Ушинский вчерне обозначил основные части другой своей важнейшей работы – «Педагогической антропологии».

24 апреля 1863 г. истёк срок его командировки, но Ушинский, попросив разрешения, остался ещё на некоторое время, с тем чтобы попасть на общегерманский съезд учителей в Мангейме, проходивший 14–16 мая, и после съезда сразу выехал в Россию.

Он полагал, что вопрос с продлением командировки ещё хотя бы на несколько месяцев займёт у него много времени и сил, но всё сложилось самым наилучшим образом. В Санкт-Петербурге его приятно удивило известие о том, что, оказывается, ещё в апреле по распоряжению П. Г. Ольденбургского и с разрешения императрицы Марии Александровны его командировка продлена ещё на год, причём – что самое главное – «на прежнем основании», т. е. с сохранением денежного содержания. В докладе даже заботливо указывалось, со ссылкой на мнение швейцарских врачей, которое было приложено к ранее высланному Ушинским прошению, на необходимость проведения Ушин-

ским ещё одной зимы «в тёплом климате», с тем чтобы он имел возможность «вполне окончить возложенное на него поручение».

Уже из российской столицы Ушинский пишет письмо Л. Н. Модзалевскому, в то время находившемуся в Йене. В письме он отмечает, что его неприятно поразило то, что А. В. Головнин «хлопочет, чтобы сохранить своё министерское место» [85, с. 172]. Написал Ушинский и о своём посещении Смольного института, точнее Александровской «половины», которой руководила А. К. Сент-Илер. Она тепло встретила Константина Дмитриевича, но впоследствии из-за этого визита в отношении неё «возник длинный ряд неприятностей» со стороны М. П. Леонтьевой.

В конце июня – начале июля Ушинский провёл в Черниговской губернии, где участвовал в межевании территории своего имения. Эта операция проводилась тогда повсеместно с целью установления точных границ участков, с тем чтобы взимать более справедливые подати (налоги) с владельцев земли. Там же, в Чернигове, 15 июля он получил заграничный паспорт с правом выезда в Австрию, Германию, Францию, Италию и Англию по 24 апреля 1864 г.; это была дата окончания его второй заграничной командировки²².

С начала августа Ушинский проживал в главном университетском центре Германии – Гейдельберге, где наконец он познакомился с Н. И. Пироговым. Они регулярно встречались, обычно по субботам, и обсуждали проблемы образования. Ушинский посещал русскую читальню при университете. Переписывал «набело» свою книгу, которой ещё не дал названия.

Далее последовала длительная поездка К. Д. Ушинского по маршруту: Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, Галле, Лейпциг, Дрейсиг, Вейсенфельс, Веймар. Особенно доволен Константин Дмитриевич был встречей с классическим Веймаром, городом, который для каж-

²² Любопытно, что право посещения вышеуказанных стран и сроки пребывания в них определял гражданский губернатор, в данном случае черниговский, а вовсе не посольства соответствующих стран. Губернатор как бы тем самым поручался за просителя такого паспорта, брал на себя персональную ответственность за его поведение за границей. Это, несомненно, указывает на ту степень доверия, которое имелось в то время у европейских стран в отношении российских чиновников. Наверно, это и правильно; своих-то подопечных губернаторы должны были знать, что называется, в лицо, тем более что за границу ездили очень немногие, как правило, люди очень обеспеченные или имевшие отношение к миру культуры и науки. А таковые были в тогдашних российских губерниях наперечёт.

дого образованного человека ассоциируется с именами Гёте, Шиллера, Виланда, Гердера, Листа, Баха, Лукаса Кранаха-Старшего и других титанов мировой культуры.

Из буколического, сказочного, игрушечного Веймара, казалось бы, рукой подать до университетской Йены – всего-то каких-нибудь 25 верст, но напрасно Ушинского ожидал там верный Модзалевский; «жестокая» простуда вынудила Константина Дмитриевича, как он писал впоследствии Льву Николаевичу, «продрать прямо домой», т. е. в Гейдельберг. Тем не менее Ушинскому удалось увидеть очень многое.

Особенно запомнились ему Екатерининский институт в Штутгарте, сиротский дом в Галле, основанный ещё в 1695 г. выдающимся педагогом позднего Средневековья Августом Германом Франке (1663–1727), а также женская школа-интернат в монастыре урсулинок в Аугсбурге, где монахини, видимо, во избежание возможного грехопадения, общались с ним не иначе как через железную решётку, что, по признанию Ушинского, не могло уместиться у него в голове.

Следующая поездка, по югу Франции, состоялась уже в феврале 1864 г., а затем, в конце апреля, Ушинский побывал в Страсбурге, спустя ещё месяц – в Бельгии и немецком Мангейме. Воспользовавшись услугами Пирогова и местных медиков, Ушинский приложил их свидетельства о болезни как основание для некоторого продления как командировки, так и заграничного паспорта, сроки действия которых истекали в один и тот же день – 24 апреля.

Семья Ушинского между тем увеличивалась, а прочной служебной перспективой как не было, так и нет. Отовсюду, где бы ни работал, приходилось уходить. В Гатчине ведь тоже назревал конфликт, которого не случилось лишь по причине перехода Ушинского в Смольный. Почему всё так неудачно складывается?

Свои невесёлые раздумья он периодически поверял друзьям: И. С. Беллюстину, Л. Н. Модзалевскому и М. И. Семевскому, а также университетскому товарищу А. И. Скребицкому, окулисту по специальности, увлечшемуся историей и готовившему в те годы обстоятельную монографию «Крестьянское дело в царствование Александра II». Делал он это по заданию императорского двора; в его распоряжение великой княгиней Еленой Павловной (1807–1873), вдовой младшего сына императора Павла I Михаила Павловича (1798–1849), были переданы подлинники всех необходимых для написания монографии документов.

К. Д. Ушинский страдал от недостатка деятельности, которой ему не могли заменить ни «прекрасная природа Швейцарии» (письмо

Модзалевскому), ни «швейцарский воздух» (письмо Семевскому), ни «виноградный курс» (письмо Скребицкому). Письма Ушинского, поначалу безобидные в плане цензуры, вскоре обретают активный обличительный характер.

В письме А. И. Скребицкому Ушинский с горечью замечает: «Из России получаю часто письма и всё самые печальные; от арестов все приуныли; цензура лютует, а доброго ничего не делается... Бесцельные преследования раздражают и спокойных людей; так, например, графа Толстого, который живёт у себя в деревне, держит школу и издаёт педагогический листок, схватили, привезли в Москву и, продержав неделю, обыскали, отпустили, ничего не отыскав. Семевского, исторического писателя, тоже взяли при возвращении его в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее не дали места, на которое он был уже назначен. Что сделали с писателями, которых взяли при их возвращении из-за границы, не знаю, но, вероятно, тоже подержат и отпустят. Всё это показывает, что правительство решительно не понимает своего положения и, как глупая старуха, боится домовых и привидений» [84, с. 198].

Всё это не добавляло оптимизма Ушинскому как учёному, поэтому о своих научных трудах он писал как о «вялой работе», «которой недостаёт живой веры в лучшее будущее». А потому «грустно сеять на таком поле, где завтра же могут всё вырвать, что сегодня посеяно». Он задаётся вопросом, конечно же, риторическим: «Долго ли нам ещё суждено толочь воду?» [84, с. 198]

В этот сложный для Ушинского период произошло его знакомство с человеком, которого Модзалевский в своих воспоминаниях справедливо называл «светлой личностью». Это был инспектор Одесского учебного округа Виктор Гаврилович Варенцов [42]. В 1862 г. он проходил курс лечения в Швейцарии и здесь же узнал о своём новом назначении в Одессу; до этого он исполнял обязанности директора Керченской гимназии.

Здесь уместно рассказать несколько более подробно об этом человеке, который сыграл немаловажную роль в дальнейших педагогических поисках Ушинского и буквально спас его от мучительного состояния, граничащего с отчаянием, в которое Константин Дмитриевич впал под воздействием болезненного состояния и вследствие своего крайне неопределённого положения в плане дальнейшей службы.

В. Г. Варенцов родился 20 октября (1 ноября) 1825 г. в Вятке, в семье чиновника. В 1841 г. он окончил с золотой медалью местную гимназию, спустя четыре года – Казанский университет со степенью

кандидата словесности. (Мы уже знаем по биографии Ушинского, что степень кандидата присваивалась нескольким лучшим выпускникам курса.) В течение трёх лет Виктор Варенцов работал в мужской гимназии в Перми, в 1848–1854 гг. – в Пензе, в мужской гимназии и дворянском институте; затем три года в Саратовской мужской гимназии. 16 марта 1857 г. был назначен инспектором Нижегородского дворянского института, но работал в этой должности совсем недолго и уже 21 ноября того же года был назначен на должность адъюнкта (заместителя заведующего) кафедры русской словесности.

Кстати, на эту должность претендовал Александр Николаевич Пыпин (1833–1904), в будущем известный литературовед, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, однако по какой-то «внутренней» причине члены учёного совета предпочли кандидатуру значительно более скромного претендента на должность, а именно Варенцова. Но и в этой должности В. Г. Варенцов находился недолго: 29 марта 1860 г. он был назначен директором училищ Самарской губернии и одновременно директором Самарской мужской гимназии. С осени 1863 г. Варенцов – директор Керченской гимназии имени императора Александра I.

(Между прочим, в 1860–1869 гг. в ней учился Андрей Иванович Желябов, в будущем один из организаторов покушения на императора Александра II. В гимназии он познакомился с идеями социализма, прочитав роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»; окончил обучение с серебряной медалью.)

В 1864 г. В. Г. Варенцова назначили инспектором (т. е. фактически заместителем) Одесского учебного округа, скорее всего, по протекции Н. И. Пирогова, который ранее уже был попечителем (руководителем) этого округа. Варенцов смолоду обладал слабым здоровьем, тем не менее – что просто удивительно! – он всё время получал новые, достаточно высокие и, прямо скажем, очень беспокойные и энергозатратные назначения, причём в разных городах России. И всё-таки в начале 1867 г. В. Г. Варенцов был вынужден отказаться от должности инспектора и вышел по болезни в отставку. Для лечения он выехал, по совету врачей, в Италию, где вскоре и скончался на острове Сицилия, в г. Мессина, 1(13) апреля 1867 г.

Варенцова и Ушинского сближали, конечно, и схожие проблемы со здоровьем, но больше всего, разумеется, интерес к педагогической науке, к опубликованию результатов своих поисков, прежде всего краеведческих.

О родиноведении, локальной истории, о необходимости воспитания у детей любви к малой родине тогда только начинали говорить.

В. Г. Варенцов печатал свои материалы в «ЖМНП»: «О народном образовании в Швейцарии» (ч. 117, 119), «О приютах и детских школах и о детских садах Фр. Фрёбеля» (ч. 119), «О народной грамотности в Самарской губернии» (ч. 120) и др.

Именно с именем В. Г. Варенцова связано введение в России детских садов, к которым он возбудил большой интерес в обществе своими публикациями. Делал он в этом отношении и практические шаги в период своей работы в Самаре. В журнале славянофильского и патриотического направления «Русская беседа», издававшемся в Москве в 1856–1860 гг., он помещал переводы с разных славянских языков. (Кстати, одним из издателей журнала был М. А. Максимович.)

Именно «самарский» период был наиболее плодотворным для Варенцова и в том отношении, что в эти годы Виктор Гаврилович издал два сборника собранных им песен и духовных стихов (Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860; Сборник песен Самарского края. СПб., 1862. Тип. Бакста).

Песни, составившие второй сборник, разделены автором на семейные, солдатские, разбойничьи, лакейские, фабричные, шуточные и сатирические, всего 170 песен, а объём песенника составил 367 страниц. После выхода сборников Павла Ивановича Якушкина и Петра Васильевича Киреевского это был всего третий песенник, изданный в России, но по сравнению со своими предшественниками он отличался значительно более широким социальным охватом.

Вот пример одной из детских песенок, входившей в сборник.

*Ладушки, ладушки! / Где были? У бабушки.
Что ели? Кашку. / Что пили? Бражку.
Кашка слатёнька, / Бражка хмельёнька, Бабушка добрёнька.
Попили, поели / Домой полетели. /
Сели на головку / На маковку...*

Все, конечно, знают эту побасёнку. Но знают-то благодаря Варенцову!

Ушинский не только с огромным интересом ознакомился с текстом этого сборника. У него словно пелена спала с глаз; ему стало понятно, какого рода материалом он, Ушинский, должен, в том числе, наполнять страницы своих книг «Родное слово» и «Детский мир».

Ушинский с энтузиазмом возобновил работу по их написанию. Можно с полной уверенностью утверждать, что он в очередной раз в

своей жизни, причём в самый нужный момент, повстречал именно такого человека, который был ему крайне нужен и важен и который влил новые силы в совсем уж было расклеившегося Константина Дмитриевича. «Знакомство с Варенцовым весьма оживило и утешило Ушинского, который сразу сошёлся с этой светлой личностью», – подтверждает и Модзалевский, а он, как никто другой, знал Ушинского в этот период его жизни и был в курсе всех дел и замыслов Константина Дмитриевича [26, с. 443–444].

Далее Модзалевский пишет: «В это время в Одессе ещё готовились к открытию университета, о чём особенно хлопотал Варенцов, который и Ушинского уговаривал перенести свою учёную деятельность в этот новый рассадник науки и снова взяться за преподавание философски-юридических предметов. Константин Дмитриевич хотя уже и не мог свернуть с избранного им научно-педагогического пути, но весьма заинтересовался судьбой будущего университета, а ещё более светлой личностью самого Варенцова» [26, с. 444].

Университет в Одессе был открыт 1(13) мая 1865 г. В. Г. Варенцов, по всей видимости, получил из России предписание поискать в Европе подходящих для работы в будущем вузе профессоров. Естественно, Варенцов через Пирогова познакомился с Ушинским и заинтересовал его идеей работы в Одессе. После отъезда Варенцова в Россию Ушинский и в дальнейшем интересовался им, но нового места работы Виктора Гавриловича, видимо, не знал и спрашивал Л. Н. Модзалевского, где его можно найти [85, с. 170].

Надо полагать, что усилий одного В. Г. Варенцова было, по всей вероятности, не вполне достаточно, и в Гейдельберг, тогдашний центр европейской науки, приехал сам попечитель округа А. А. Арцимович. В письме Модзалевскому от 14 апреля 1864 г. [85, с. 180] Ушинский пишет о том, что по «записке» Пирогова Арцимович беседовал с возможными кандидатами на занятие должностей, в том числе он имел такую встречу и с Ушинским, которому Пирогов предварительно дал высокую «аттестацию».

К. Д. Ушинского перспектива работы в новом университете поначалу заинтересовала, хотя он где-то даже сомневался в необходимости его открытия, «когда и все старые пусты» [85, с. 180].

Конечно, Ушинский мечтал о том, что педагогика как большой теоретический и практический курс займёт своё законное место в университетах. Более того, он мечтал о создании педагогического факультета, но в те годы об этом можно было только мечтать. И он это

прекрасно понимал. Всё же преподавательская работа в университете представлялась вполне возможным делом, и одна эта мысль поднимала ему настроение. Возможно, он строил определённые планы в этом отношении и планировал осесть с семьёй если не в Одессе, так в Киеве, где университет открылся ещё в 1834 г. Не исключено, что именно поэтому в конце 1870 г. он приобрёл здесь дом.

В начале июня 1864 г. Ушинский приезжает в Санкт-Петербург, снимает квартиру в Павловске – это дешевле, чем в столице, – и пишет отчёт о проделанной работе, с досадой ощущая, что в итоге им сделано куда как меньше ранее запланированного, и всему причиной нездоровье, постоянные простуды, физическая слабость... Правда, в «активе» тоже есть кое-что: напечатанные статьи о педагогической поездке по Швейцарии, практически составленная книга «Родное слово», начальные главы «Педагогической антропологии». Первым делом он должен был бы сдать отчёт, но он просит отсрочки у IV Отделения до сентября, когда, как он надеется, выйдет первый том его книги для первоначального обучения «Родное слово», которое и станет «лучшим отчётом». Л. Н. Модзалевскому он пишет, что «судьба ещё не решена» [85, с. 173].

Иными словами, К. Д. Ушинский находится в полном неведении относительно того, что ждёт его уже завтра, и получит ли он вообще следующее денежное вознаграждение, не говоря уже о том, каким оно будет. Беспокоит его и судьба детей. Младшие, подобно цыганам, – то здесь, то там. Старший сын, Павлик, поучился и в лицее в Гейдельберге, и в институте Карла Стоя в Йене, и домашних учителей пришлось приглашать... Но это всё не то, с досадой констатирует К. Д. Ушинский.

Константин Дмитриевич возлагал надежды на министра А. В. Головнина, поэтому и не преминул с ним встретиться, причём не раз в эти летние месяцы 1864 г. Культурный и воспитанный Александр Васильевич, как и прежде, был настроен к К. Д. Ушинскому очень доброжелательно и, несомненно, чувствуя грядущую не востребованность Ушинского, вновь предложил ему возглавить педагогический журнал, на этот раз частный, при финансовой поддержке министерства.

Казалось бы, заманчивое предложение... Но Ушинский отказывается, ссылаясь на плохое здоровье. Скорее всего, он не планировал в дальнейшем жить в холодном, сыром Санкт-Петербурге, и держаться столицы ради редакторства для него было уже не по силам. А. В. Головнин вынужден развести руками; у него самого от собственных

служебных проблем кружится голова. Недаром Ушинский в письме Л. Н. Модзалевскому от 25 июня сравнивает честного и порядочного Головнина с мухой, теряющей «последние силы, чтобы выбиться из паутины» [85, с. 184].

В. Я. Струминский пишет в связи с тем предложением, которое Головнин сделал Ушинскому: «Ясно, что министр не прочь был использовать Ушинского в своих личных целях, доверив ему защиту своих позиций перед обществом, но ему не было дела до тех педагогических идей, которые вдохновляли Ушинского и которым одним Ушинский только и мог посвятить свою журнальную деятельность, если бы таковая была ему поручена. Понятно, что как в первый, так и во второй раз Ушинский отнёсся к предложению министра как предложению неразумному и под предлогом болезни отклонил его» [73, с. 222]. Какие «личные цели» мог преследовать А. В. Головнин? О каких «позициях перед обществом» идёт речь в словах В. Я. Струминского?

Все эти рассуждения выглядят более чем странно и совершенно невнятно. Как раз наоборот: отказ К. Д. Ушинского от нового редакторства министр воспринял, очевидно, с большим облегчением, ведь в случае согласия Константина Дмитриевича у самого Головнина, как министра, несомненно, прибавилось бы забот и проблем с раздражительным и своенравным редактором Ушинским. А так – нет так нет, и, как говорится, всего хорошего...

Для К. Д. Ушинского принятие предложения министра было бы как раз делом разумным, отвечавшим его прежней мечте, которую он лелеял не один год. Другое дело, что он теперь действительно уже не чувствовал в себе необходимых физических и моральных сил для того, чтобы на постоянной основе осуществлять эту, казалось бы, специально для него созданную работу.

Да, но он отказался уже во второй раз! Что ж, приходится с сожалением констатировать тот очевидный факт, что Ушинский не терпел наличия каких-либо препятствий, которые могли бы как-то ему помешать при исполнении служебных, в данном случае редакторских, обязанностей. Возможно, он просто не хотел, как это бывало с ним и раньше, принять мысль о том, что в жизни нет ничего совершенно идеального и при выполнении любой работы, в которую, в силу её специфики, вовлечены и другие люди, всегда находится некто, создающий дискомфорт или, по крайней мере, каким-то образом осложняющий достижение задуманного результата.

В июне Ушинский в первый раз побывал в редакции газеты «Голос», выходившей в 1863–1884 гг. Это был довольно авторитетный и

в то же время в меру либеральный орган печати. Его номера регулярно просматривал император. На «Голос» постоянно ссылались в журнальных и устных дискуссиях как на достаточно важный аргумент. Ушинский предложил редактору газеты Андрею Александровичу Краевскому (1810–1889) свои услуги в качестве автора в дискуссии по вопросу о реформе образования в стране.

При этом Ушинский имел в виду себя как противника позиции Михаила Никифоровича Каткова (1817–1887). Катков, как редактор журнала «Русский вестник», был защитником классического образования в средней школе, что, на взгляд Ушинского, имело своим следствием два недостатка: во-первых, тормозило развитие естественно-научного направления в обучении, а также преподавание родной истории и русской словесности, а во-вторых, серьёзно ограничивало возможности в получении полноценного школьного образования детей, чьи родители не относились к сословию «лучших людей». Журнал «Русский вестник» издавался в 1856–1906 гг., причём до 1887 г. в Москве, затем в Санкт-Петербурге. Вот почему первая статья Константина Дмитриевича в «Голосе», доставленная в редакцию 16 июля и опубликованная уже 2 августа, была направлена против позиции ряда московских авторов и поэтому носила название «Чего хотят московские педагоги?».

А требовали они скорейшего принятия документов реформы образования в стране, причём на «классических» основаниях. К. Д. Ушинский, который уже достаточно давно не имел практического опыта работы в учебных заведениях, мог ответить своим оппонентам, ссылаясь разве что на зарубежный опыт. Статья была подписана – *Н. Ушинский*. В течение лета – осени вышли ещё по меньшей мере три статьи Ушинского. Вполне вероятно, что их было несколько больше, если иметь в виду то обстоятельство, что они могли быть опубликованы под псевдонимами. Возможно также, что он был автором некоторых передовиц, которые печатались уже без подписи.

19 июля 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах», способствовавшее повсеместному распространению образования в самых широких слоях населения России. 19 ноября того же года был принят гимназический устав.

По этому уставу устанавливались два типа гимназий: классическая – с преподаванием латинского и греческого языков, а также одного нового языка, французского или немецкого, и реальная – без изучения древних языков, но зато с изучением двух современных языков.

Учебный план реальной гимназии был более жизненным. В нём преобладали математика, физика, естествознание. Однако выпускники реальных гимназий могли поступать только в технические и сельскохозяйственные вузы, в то время как для окончивших классические гимназии были открыты двери любого вуза. Все гимназии объявлялись бессловными, отменялись физические наказания учащихся. Каждая гимназия была обязана иметь хорошую библиотеку. Впервые вводилось требование о наличии необходимых наглядных пособий, к которым относились географические и исторические карты, приборы, средства наглядности и пр. Вскоре оказалось, что половина всех гимназий оказалась полуклассической, т. е. с одним древним языком, как правило, это была латынь, другая половина, примерно в равной пропорции, стала классической или реальной. Получилось, как в известном выражении «Всем сестрам по серьгам»: какой тип школы тебе больше подходит, в том и учишься на здоровье. Так что этот устав был весьма прогрессивным. Жаль только, что в чистом виде он продержался совсем недолго.

Наконец, именно 1864 г. стал началом земской деятельности, в которой вопросы образования, прежде всего всеобщего и начального, играли приоритетную роль. Многие соратники и последователи Ушинского (Д. Д. Семёнов, Н. А. Корф и др.) играли в деле осуществления всех этих положений и уставов очень заметную роль. Сам же Ушинский был оторван от родины и практической деятельности в российских учебных заведениях и мог содействовать позитивным реформам 1860-х гг. лишь своей публикационной активностью и теоретической деятельностью, пока что остававшейся втуне и до поры не ставшей известной российскому педагогическому сообществу.

Вернувшись в Россию, он, по словам М. Л. Песковского, с какой-то лихорадочной торопливостью предался кипучей, разнообразной общественно-педагогической деятельности. Помимо доработки «Педагогической антропологии» и подготовки третьей части «Родного слова», он был вместе с тем увлечён мыслью о применении в России всех тех новых для неё педагогических начал, которые были выработаны им за границей путём продолжительного наблюдения за работой местных учебных заведений и посредством длительных размышлений. С этой целью К. Д. Ушинский стал активно посещать так называемые педагогические собрания, которые были предшественниками Педагогического общества. Он выступал с собственными рефератами, принимал участие в обсуждении рефератов других участни-

ков и немедленно выдвинулся в число самых энергичных и авторитетных членов этого сообщества, стал его душой.

Проходившие прежде довольно вяло и безлично, педагогические собрания заметно оживились. Они стали отзываться, при обязательном энергичном участии Ушинского и руководстве с его стороны, на самые актуальные вопросы российского образования, такие как создание земских школ и учительских семинарий, открытие женских гимназий, реформа среднего образования, противостояние классического и реального подходов в организации мужских гимназий и т. д. Ни один из возбуждавшихся в педагогических собраниях вопросов не снимался с рассмотрения, пока не был полностью изучен. В этом отношении Ушинский, этот «ходячий педагогический архив», «багаж педагогической мудрости», как его называли участники собраний, был неоценим и незаменим. В итоге серьёзное, умелое и чуткое отношение педагогических собраний к вопросам и явлениям школьной жизни снискало ему большое сочувствие образованной части населения в столице и провинции.

В отечественных научных источниках разных лет встречается утверждение, что Ушинский принимал участие в работе первого в России Педагогического общества в 1864 г. Здесь следует внести некоторую ясность. В действительности Педагогическое общество официально существовало лишь с 27 января 1869 г.; в этот день был утверждён его устав. До этого начиная с 1859 г. регулярно проводились так называемые педагогические собрания, в которых участвовали ведущие педагоги столицы.

Местом проведения собраний был актовый зал второй столичной гимназии, в которой работали и некоторые участники этих встреч. Собрания общества посещались такой массой «отборной», по выражению М. Л. Песковского, образованной публики, что громадный зал, где происходили заседания, не всегда вмещал собравшихся. В педагогических журналах обязательно помещались рефераты, читавшиеся в ходе собрания, печатались подробные отчёты о прениях в форме стенограмм или точного пересказа. Это давало возможность широкой публике, прежде всего за пределами столицы, правильно ориентироваться относительно взглядов и заключений кружка компетентных людей по специальным педагогическим вопросам, что, в свою очередь, способствовало формированию некой определённости, устойчивости прогрессивных общественных воззрений на школьное дело в целом.

П. Г. Редкин взял на себя руководство этими собраниями, а затем и Педагогическим обществом, практически до самого конца существования самого общества. Его фактическим помощником был М. И. Косинский. Назовём ещё несколько признанных в своё время педагогов и деятелей образования, принимавших самое активное участие в работе общества. Это автор одного из первых проектов введения обязательного образования в России Андрей Степанович Воронов (1820–1875), профессор греческой филологии Карл Якимович Люгебиль (1830–1887) и его супруга, основательница первого детского сада в России Софья Андреевна (1824–1914), специалист в области начального обучения, активный пропагандист аналитического звукового метода обучения грамоте, сторонник объяснительного чтения Иосиф Иванович Паульсон (1825–1898), основатель педагогической журналистики в России Николай Христианович Вессель (1837–1906).

Большим авторитетом в Педагогическом обществе пользовался Николай Перетц (1846–1875), сын участника декабристского движения Григория Абрамовича Перетца. Николай Григорьевич не имел возможности получить университетское образование, но он очень много занимался самообразованием и вскоре выдвинулся как талантливый преподаватель. В Санкт-Петербургском технологическом институте, в гимназии Императорского Человеколюбивого общества и в частных пансионах, где Н. Г. Перетц работал преподавателем математики, он заслужил любовь своих учеников. Много трудился он в пользу начального образования, стал одним из самых первых руководителей учительскими курсами. Сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Семье и школе» и «Народной школе». И все остальные активные члены педагогических собраний, так же как и Н. Г. Перетц, были хорошо известны столичному учительству, славились своими прогрессивными взглядами, благотворительной деятельностью в деле образования малоимущих, а некоторые, как, например, С. А. Люгебиль, настоящей самоотверженностью. Согласно уставу, общество, «сближая педагогов между собой в видах соглашения различных взглядов и уяснения встречающихся на практике разногласий», имело своей целью содействовать развитию и совершенствованию учебно-воспитательной практики. Педагогические собрания, впоследствии Педагогическое общество, в полной мере соответствовали заявленной в уставе цели своей деятельности. В 1876–1877 гг. общество даже имело свой печатный орган под названием «Педагогическая летопись». Отчёты о заседаниях общества печатались в «Семье и шко-

ле» и других изданиях. Педагогическое общество стремилось отзывать на острые педагогические темы и нередко подвергало критике порядки, существовавшие в учебных заведениях. Приведём один пример. На заседаниях общества обсуждалось – и при этом, что самое главное, осуждалось! – введение классической системы в русские гимназии. Это вызвало острое недовольство министерства народного просвещения. В 1879 г. на заседании общества профессор университета, филолог и переводчик Василий Иванович Модестов (1839–1907) выступил с уничтожающим докладом о классической системе образования.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), министр народного просвещения (в 1866–1880 гг.) и почётный член Педагогического общества, исходатайствовал высочайшее повеление... о закрытии Педагогического общества с 3 декабря 1879 г., а В. И. Модестов был незамедлительно отстранён от преподавательской работы и вплоть до смерти Толстого был вынужден пробавляться исключительно журналистикой.

В последний год существования Педагогического общества его возглавлял известный методист-математик Василий Адрианович Евтушевский (1836–1888). Кстати, многие годы он был руководителем по математике на педагогических курсах при главном управлении военно-учебных заведений и преподавал математику будущему императору Николаю II и его брату великому князю Георгию Александровичу.

Но всё это будет потом, уже после смерти Ушинского. А в 1864 г. ему представилась возможность активно участвовать в работе общества, и он ею в полной мере воспользовался. В качестве своего рода почина Ушинский отдал на гласный, открытый суд педагогического собрания свои учебные и научные сочинения, а впоследствии вообще вошло в практику не оставлять без внимания и критической оценки и другие вновь появлявшиеся в России педагогические сочинения. Помимо этого Ушинский на заседаниях общества регулярно выступал с сообщениями о том, что появлялось нового и перспективного в зарубежной педагогической литературе.

Ещё в самом начале своей научно-литературной деятельности Ушинский сетовал на то, что в России нет педагогической литературы как таковой. Прошло всего несколько лет, и количество издаваемых методических пособий и руководств стало даже чересчур значительным. Их появлению способствовали проводившиеся в стране мероприятия по реформе школы, открытие земских школ и т. п. Выявилась

настоятельная потребность в гласной критике, или таком же гласном одобрении, всей этой педагогической литературы. И педагогические собрания, а в дальнейшем – Педагогическое общество, – были очень полезны в этом отношении; они в значительной мере предотвращали одобрение к употреблению таких учебных руководств, которые со-держательно и по методическим соображениям не вполне отвечали своему назначению.

Кроме того, эта критика имела ещё и другое, более существенное значение. При оценке каждого руководства или учебного пособия все-сторонне обсуждались также программа, план, метод изложения и при-ёмы преподавания каждого предмета в связи с особенностями учебных заведений, для которых предназначался данный педагогический труд. Такое тщательное обсуждение, конечно, неизменно вызывало самый оживлённый обмен мнениями, и это способствовало самому детально-му выявлению всех его достоинств и недостатков, так что не оставалось места никаким сомнениям и произвольным выводам. Так свидетель-ствовал участник педагогических собраний М. Л. Песковский.

Матвей Леонтьевич полагал даже, что столичное педагогическое общество, без всякого преувеличения, имело значение своего рода общерусской педагогической школы. Влияние его действительно рас-пространялось на всю Россию. Количество провинциальных членов возрастало из года в год. Каждый из них непринуждённо обращался в общество со всеми своими вопросами и сомнениями. Приезжая в столицу, провинциальные члены являлись в собрание, знакомились и налаживали отношения с теми педагогами, которые представляли для них наибольший интерес по роду их специальности.

Душой и вдохновителем собраний был, естественно, Ушинский. Это было видно, по мнению Песковского, уже по тому, что самые дельные руководства и учебные пособия по всем предметам учебного курса появлялись или в конце 60-х гг. (в 1867–1870 гг.), когда Ушин-ский принимал непосредственное участие в работе собраний, или в начале 1870-х гг., когда были свежи ещё великие традиции, заложен-ные им в русской педагогической среде. Биограф Ушинского прав и в том, что все наиболее известные и уважаемые педагогические силы последней четверти XIX в. – это всё лица, которые так или иначе бы-ли связаны с Ушинским. Не занимая никакого официального педаго-гического положения, он, тем не менее, посредством педагогических собраний, педагогической периодической печати и своих фундамен-тальных трудов стал центром притяжения всей образовательной дея-тельности в России.

Здесь надо выделить два вопроса, которые привлекали внимание Ушинского, были близки ему, и поэтому по ним он подготовил доклады, с которыми и выступил на заседаниях. Это была проблема женского образования и разработка проблемы о сущности педагогической науки.

По первому вопросу была даже создана целая комиссия (Модзалевский, Семёнов, Косинский и петербургские учителя Шарловский и Филиппова) с Ушинским во главе. На одном из заседаний общества он выступил с большим докладом, посвящённым женскому образованию в Европе. Общественное настроение в отношении женского образования он характеризовал как консервативное, являющееся следствием отсталых взглядов на женщину, традиционно ограниченных тремя К (Kinder, Küche, Kirche), т. е. «дети, кухня, церковь». В женских школах господствует один из двух подходов: либо немецко-хозяйственный, либо французско-галантерейный. В зависимости от местности, в которой расположена школа (город, село) и от класса общества, к которому принадлежит большинство воспитанниц, преобладает тот или иной подход. В одном случае из девушки хотят сделать хорошую мать и хозяйку, во втором – подготовить её к жизни в свете, приготовить её для парадных, а не хозяйственных комнат.

Выступление Ушинского не осталось без внимания. Выходившая в российской столице на немецком языке «Санкт-Петербургская газета» (St. Petersburger Zeitung. 1864. № 239) откликнулась негодующей заметкой – представьте себе! – «в защиту оскорблённых немецких женщин». Ушинский узнал об этом уже много позднее, и, поскольку «Петербургская газета» отказалась печатать его ответ, он поместил свой доклад в полном объёме в «Голосе» (1865. № 63) под названием «Одна из тёмных сторон германского воспитания» [80, с. 225–226]. Что касается работы комиссии под руководством Ушинского, она разработала тезисы, обсуждавшиеся вплоть до начала 1865 г., которые, по мысли их авторов, должны были быть положены в основу работы женских училищ. Так, в сущности, и произошло, но несколько позднее.

К. Д. Ушинский принял активное участие и в обсуждении второго вопроса – о сущности педагогической науки. Начало обсуждению было положено докладом И. И. Паульсона «Наука ли педагогика, и какая именно?», с которым он выступил 16 мая 1864 г., ещё до приезда Ушинского в Россию. Иосиф Иванович поддерживал взгляды немецких теоретиков, считавших педагогику исключительно прикладной наукой, основывающейся на данных физиологии и «опыт-

ной» психологии. Выступая в прениях 19 сентября и 3 октября, Ушинский не отрицал данного положения, но считал, что основывать педагогику на безыдейном фундаменте «голой» физиологии и практической (в значении основанной на примерах) психологии чрезвычайно опасно, ибо такая педагогика неизбежно поведёт учителя в ложном направлении. Поэтому Ушинский дополнял физиолого-психологическое основание педагогики необходимостью положить в её фундамент философское основание и идею воспитания нравственного человека.

Кроме того, Ушинский неизменно высказывал мысль о том, что педагогика лишь частично представляет собой научную дисциплину, а в остальном это не что иное, как искусство. Именно степень овладения учителем такими специфическими знаниями, умениями и навыками, которые позволяют ему без особого труда вкладывать содержание учебных дисциплин и социальный опыт в умы и сердца своих учеников, и характеризует талантливую, успешного учителя. Разве не то же самое происходит с нами, когда мы приходим в театр?! Игра одного артиста оставляет нас равнодушными, холодными, а то и вызывает внутренний протест, в то время как мимика, жесты, слова и движения другого, нашего любимца, – вызывают восторг и восхищение, пробуждают желание встретиться с ним вновь.

Слова Ушинского о педагогике как искусстве, несомненно, смущали часть его слушателей, в том числе и П. Г. Редкина. Признать педагогику хотя бы отчасти искусством ведущие российские теоретики не решаются до сих пор. Нам представляется, что основной причиной такого положения является то, что сами эти авторы, во-первых, не имеют никакого отношения к искусству, а во-вторых, лишь немногие из них имели существенный практический опыт работы в школе. Это же самое замечание в полной мере относится и к тем руководящим чиновникам, которые решают судьбы российского образования вот уже на протяжении более чем двухсот двадцати лет. (Если вести отсчёт от 8 сентября 1802 г., когда в числе первых восьми российских министерств было учреждено и министерство народного просвещения во главе с Петром Васильевичем Завадовским.)

10 сентября Ушинский наконец представил Главноуправляющему IV Отделения ведомства императрицы Марии П. Г. Ольденбургскому отчёт о своей командировке. Константин Дмитриевич предполагал жить на доходы от книг «Детский мир» и «Родное слово». В конце отчёта Ушинский выразил просьбу о назначении ему «половин-

ной» пенсии, поскольку 4 ноября должно было исполниться 10 лет его работы «по ведомству императрицы Марии». О большем он и не мечтал. В столице он оставаться не мог по состоянию здоровья и поэтому не питал никаких надежд на продолжение службы ни по Маринскому ведомству, ни по линии министерства. Можно представить, какую радость испытал Ушинский, узнав о резолюции Главноуправляющего женскими учебными заведениями П. Г. Ольденбургского. Резолюция гласила: «Признавая деятельность и педагогические познания г. Ушинского весьма полезными для ведомства, я решаю сохранить его для сего последнего. А потому ходатайствую о дозволении Ушинскому пробывать два года на прежнем основании с тем, чтобы в это время он написал и представил мне полный курс педагогики для наших заведений, так как в подобном руководстве с специальными применениями оно к особенностям женского воспитания уже давно чувствуется, с одной стороны, недостаток, а с другой – необходимая потребность» [73, с. 270].

Такое роскошное решение вопроса о своём ближайшем трудоустройстве было для Ушинского очень неожиданным и чрезвычайно приятным. Он даже не смел и надеяться на столь удачный исход. Более того, скорее, он опасался, что к нему могут быть предъявлены серьёзные претензии в связи с, мягко говоря, неполным выполнением задач первой двухлетней командировки. А тут предлагается ещё одна, такая же, с новым поручением – написать учебник педагогики.

И это поручение Ушинским также *не будет выполнено!* Более того, он даже не сделает попытки приступить к написанию такого учебника. Да, Ушинский составил два тома «Педагогической антропологии». Но это не нормативный учебник в его универсальном понимании, а, скорее, размышления учёного, стремящегося постичь фундаментальную основу педагогического знания.

10 сентября 1864 г. последовало официальное решение о новой заграничной командировке Ушинского, ещё на два года и с сохранением содержания. В преамбуле решения указывалось, что «в российских женских учебных заведениях ощущается настоятельная надобность в курсе педагогики с специальным применением оной к условиям воспитания девиц в стране, какового сочинения не находится ни в русской, ни в иностранной литературе» [73, с. 271]. «Составление» такой книги поручалось «бывшему инспектору классов Воспитательного общества, коллежскому советнику, Ушинскому, как человеку вполне известному своими педагогическими познаниями и опытно-

стью, для чего послать его на два года за границу, где он будет иметь возможность находиться в постоянных сношениях с известнейшими учёными по этой части» [73, с. 271]. Представить лучшее для Ушинского решение просто не представляется возможным. За границей Ушинский сочетал лечение с работой по написанию своей работы, которую он, а вслед за ним и его последователи и исследователи, называл «теоретической».

В свою очередную зарубежную командировку Ушинский с семьёй отправился в ноябре 1864 г. Снова Гейдельберг, «который сильно всем принадоел» [85, с. 185], где, тем не менее, прожили до лета 1865 г. Потом посчитали более удобным жить в Веве, где и находились до середины 1867 г.

В этот период всем семейством выезжали дважды в Италию, о которой в своих письмах к Модзалевскому Ушинский пишет восторженно. В своей «Педагогической антропологии» он приводит немало примеров, навеянных итальянскими воспоминаниями. Он называет Италию «прелестной», «прекрасной». Даже летом 1870 г, в последние месяцы своей жизни, он выправляет заграничный паспорт именно для проезда в Италию, но по дороге, в Вене, ему становится совсем плохо, и он был вынужден вернуться в Крым, где поселился в «кумысолечебном заведении».

Жизнь Ушинского в эти годы не была насыщена какими-то яркими событиями. Больше нет необходимости ездить из города в город и посещать школы, которые чаще всего «на одно лицо». Поэтому семья не меняет место жительства.

По рекомендации Л. Н. Модзалевского старшего сына Павлика Константин Дмитриевич поначалу устроил на учёбу в знаменитое училище К. Ф. Стоя в г. Иена, отличавшееся спартанским режимом и строгостью наказаний. После переезда в г. Веве для Павла был привезён из России учитель, приходили учителя-французы, и сам К. Д. Ушинский много с ним занимался. Когда семья в 1867 г. вернулась в Санкт-Петербург, Ушинский, противник классического образования, отдал старшего сына во 2-ю военную гимназию, которая до 1863 г. называлась кадетским корпусом.

По словам Н. Ф. Бунакова, в военной гимназии этого периода (в 1863–1882 гг.) была проведена реформа, которая «стремилась из притупляющей, растлевающей казармы... создать живое учебно-воспитательное учреждение с реальной программой и широкими воспитательными задачами» [17, с. 31]. В гимназии Павел проучился два года

и как один из лучших выпускников в 1870 г. был принят без экзаменов в инженерное училище.

Старшие дочери К. Д. Ушинского Вера и Надежда в заграничный период жизни семьи также учились у преподавателя, привезённого из России, но, когда он серьёзно заболел и уехал на родину, занятия проводил сам Ушинский. По воспоминаниям Веры, он час или два каждое утро посвящал этим занятиям. «Учебником служило “Родное слово”, часть II, где особенно много работы доставляли нам письменные упражнения и грамматический разбор. Также ежедневно переводили мы письменно с французского на русский рассказы из Библии. Географию проходили по переводному с английского учебнику. Читали мы вместе с ним и “Детский мир”, читали и рассказывали» [17, с. 31]. По возвращении в Санкт-Петербург девочек определили в Мариинскую гимназию, а потом в Александровское училище Смольного института [17, с. 32].

Практической деятельностью К. Д. Ушинский не занимался. Перед Л. Н. Модзалевским он чуть ли оправдывается. 7 мая 1865 г. он писал Льву Николаевичу: «Вы сами знаете, какую уединённую жизнь веду я за границей, так что, кроме моих внутренних интересов, ни для кого не занимательных, других не имею, а потому часто и затрудняюсь, о чём писать» [85, с. 186]. Если позволяло здоровье, он писал свой теоретический труд по антропологии. Ушинский торопился со «своей антропологией». Он составил такой план своей дальнейшей теоретической работы: сначала составить три тома «Опыта педагогической антропологии», а вслед за тем, на основе сделанных обобщающих выводов, подготовить краткий учебник педагогики для женских учебных заведений. Каким должен был стать этот учебник? Из каких разделов состоять? Об этом сейчас можно только догадываться. Никаких планов, набросков, заметок он в связи с выполнением этой важнейшей задачи не оставил. Да и «Педагогическая антропология» оказалась выполненной лишь на две трети...

Фактическая сторона дела обстояла следующим образом. 16 ноября 1866 г., когда срок командировки уже закончился, Ушинский написал П. Г. Ольденбургскому прошение о продлении этого срока до весны следующего года и, естественно, получил очередное разрешение, – до апреля 1867 г. По всей вероятности, в июне 1867 г. семья вернулась в Россию и поселилась в Павловске. К этому сроку Константин Дмитриевич полностью подготовил первый том к изданию, но само издание в типографии Ф. С. Сущинского проходило «доволь-

но медленно, но без остановки» [73, с. 276]. Этот 600-страничный том под названием «Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии» вышел в декабре 1867 г. и знаменовал собой значительный прорыв в развитии отечественной педагогической науки. 19 февраля 1867 г. в № 2 журнала «Дело» помещена положительная рецензия П. Н. Ткачева. 24 августа того же года в «Голосе» (№ 233) в рецензии неизвестного автора отмечается, что книга представляет собой первый опыт исследования темы антропологии в педагогике не только в отечественной, но и во всей европейской литературе и заслуживает самого серьёзного внимания.

16 января 1868 г. принц П. Г. Ольденбургский докладывал императрице, что, «возвратившись в Россию, Ушинский окончил ныне печатание 1-го тома огромного своего труда. Между тем, страдая с давних пор грудной болезнью, Ушинский вследствие суровой зимы чувствует упадок сил. Поэтому согласно совету докторов просит о дозволении ему немедленно уехать на остаток холодного времени в чужие края, где он и займётся приготовлением в печать второго тома» [73, с. 276].

И опять великодушный Пётр Георгиевич принимает на себя ответственность за очередное продление командировки Ушинского, которая фактически становится формальным основанием для выплаты содержания Ушинскому. 10 апреля К. Д. Ушинский пишет М. И. Семевскому о своей поездке за границу. Но и это очередное продление на восемь месяцев заканчивается, и 4 сентября 1868 г. Ушинский возвращается в Россию. Он активно занимается изданием второго тома, который и представил П. Г. Ольденбургскому в конце марта 1869 г.

В приложенном к рукописи письме-отчёте о проделанной за время продления командировки работе Ушинский писал, что в его работе «изложены психические явления чувства и воли, служащие основой воспитания характера. Обширность предмета, его малая обработка другими писателями и слабость моего здоровья не позволили мне, как я предполагал прежде, уже в этом томе закончить курс антропологии. Если же я решил издать этот том, то только потому, что книга моя, как мне известно, уже нашла своё применение при чтении педагогических лекций... Если здоровье позволит мне заниматься более, чем в эту зиму, то я надеюсь закончить весь мой труд в будущем году. Но для вернейшего достижения этой цели я осмеливаюсь утруждать ваше высочество всепокорнейшей просьбой позволить мне работать не в Петербурге, а где-нибудь на юге России или за границей, чтобы я мог найти более благоприятные условия для моего расстроенного здоровья» [73, с. 176].

И на эту свою просьбу 4 августа 1869 г. Ушинский получил извещение от канцелярии IV Отделения, в котором он уведомлялся о том, что Главноуправляющий разрешил ему продолжать возложенный на него педагогический труд на юге России или за границей, в климате более благоприятном для его здоровья. Таким образом, Ушинский до конца жизни фактически находился в командировке и получал материальное вознаграждение, достаточное для содержания его большой семьи.

ГЛАВА 11. ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Последний период жизни К. Д. Ушинского был наполнен напряжённой работой над задуманными им книгами для учителей и учащихся младшего школьного возраста. Не все замыслы удалось воплотить в жизнь. «Родное слово», по его предварительному плану, должно было состоять из восьми-десяти книг, а полностью закончить удалось только три тома. Третий, завершающий том «Педагогической антропологии» также не удалось закончить. Всеми виной – болезнью, мучившая Константина Дмитриевича. В письме от 15 января 1869 г. к известному земскому деятелю Н. А. Корфу он с тоской говорит о «педагогическом поприще», с которого он уже готовился сойти «измятый, искромсанный». «Читая каждую вашу статью, – пишет Ушинский, – чувствуешь, что вы говорите о деле, в котором сами вращаетесь и которому отдались бескорыстно и прямодушно». Он желает Корфу принести как можно больше пользы народному образованию; «не только более того, что я принёс, но даже более, чем я мог бы принести под другим небом, при других людях и при другой обстановке» [86, с. 472].

Ушинский мучительно осознавал свою отстранённость от практической, активной работы. Более того, новый министр народного просвещения Д. А. Толстой не только исключил книги Ушинского из школьного рекомендательного списка и тем самым фактически запретил их к использованию в учебных заведениях, но и со всем возможным тщанием стал даже собирать компромат на их автора. Особенно интересовали Дмитрия Андреевича обстоятельства ухода Ушинского из Смольного. Возможно, он делал это с целью пресечения самой возможности дальнейшего трудоустройства педагога по линии министерства. Впрочем, все эти доносы не пригодились.

Положение К. Д. Ушинского в последний год жизни можно было охарактеризовать как вполне благополучное. Хотя он не занимал какой-либо официальной должности, но он был известен всей России через свои книги, предназначенные для детей и учителей. «Детский мир», «Родное слово», сборники рассказов и сказок для самых маленьких детей... По существу, в России не было человека, который бы не знал Ушинского, причём с самого раннего детства. Не удивительно, что материальное положение семьи наконец, по словам М. Л. Песковского, было «цветущим».

К. Д. Ушинский уделяет немало внимания тому, чтобы его «не обходили» в гонорарах издатели и редакторы; это отчётливо явствует из содержания многочисленных писем Ушинского к ним. Эти письма наполнены подсчётами, кто и сколько ему должен за опубликование книг и статей. Теперь К. Д. Ушинский ни от кого не зависел; был абсолютно свободен в выборе занятий и места жительства. Он живёт то в столице, – здесь приходится решать издательские вопросы, – то в своём живописном имении Богданка, где его ждёт любимая семья, большой дом с парком и озером. Единственно, чего Ушинскому не хватает в этот последний год жизни, – здоровья.

По возвращении из заграницы он практически постоянно жил в столице вплоть до весны 1870 г., и, как считали его биографы, именно в этот период, охваченный лихорадочной литературной работой, он окончательно подорвал здоровье в сыром петербургском климате. Вспомнив о том, как хорошо семья проводила время в Италии, он собрался было туда, но по дороге, в Вене, сильно разболелся и был вынужден вернуться в Россию. Австрийские врачи посоветовали Ушинскому лечиться кумысом, и он последовал их совету. Константин Дмитриевич отправился через Одессу и Севастополь в местечко Альма, близ Бахчисарая, в имение господина Варле, владельца кумысолечебного заведения, где провёл около месяца. Силы его после «кумысолечения» настолько восстановились, что он задумал подробно ознакомиться с Крымом. С этой целью он отправился на южный берег Крыма и в Симферополь. Сюда он прибыл в первой половине июня в самый разгар 2-го съезда народных учителей Таврической губернии и был принят симферопольским педагогическим сообществом с таким почётом, на который никак не рассчитывал.

К. Д. Ушинский несколько раз посещал заседания учительского съезда, принимая деятельное участие в его прениях и развёртывавшихся дискуссиях, во время которых он проявил всё своё обаяние

как выдающийся педагог и автор замечательных книг. Во время одного из разговоров с участниками съезда Ушинский обмолвился о дате своего отъезда из Симферополя. Каковы же были его удивление и радость, когда проститься с ним в гостиницу пришли десятки почитателей его таланта, причём не только участники съезда, но и обычные горожане.

Ушинский был поистине растроган проявлением такого доброго к нему отношения и в задушевной беседе имел возможность убедиться в том, что его труды нашли практическое применение в школьной жизни. Он даже дал обещание своим почитателям переработать «Родное слово» для нужд сельской школы. Почитатели Константина Дмитриевича из числа учителей и жителей Симферополя провожали его на протяжении нескольких километров, поспевая на своём транспорте за почтовой каретой, в которой ехал Ушинский, стремясь при этом продлить, насколько это было возможно, печальный миг прощания с великим человеком...

Хорошо знавший Ушинского В. Е. Ермилов в своей статье «Наш родной учитель» вспоминал: «Расставаясь с участниками съезда, К. Д. Ушинский сказал: “Скоро настанет время, когда весь русский народ осознает необходимость грамоты. Тогда будет издан закон об обязательном обучении для каждого русского человека. Предлагаю провозгласить здравицу за скорейшее осуществление мечты всей моей жизни: за обязательное обучение в России”» [16, с. 65].

Эта мечта великого русского педагога сбылась, но уже при советской власти, одним из первых декретов которой был Закон о всеобщем обучении, обязывавший обучать бесплатно и в обязательном порядке каждого подлежащего обучению гражданина.

Учебный год был уже окончен, и Ушинский, по предложению местного директора народных училищ по фамилии Соич, поехал вместе с ним в Бахчисарай, чтобы ознакомиться с татарской повышенной школой (медресе), главным образом с её только что открывшимся отделением, которое было предназначено для обучения учеников медресе русскому языку. Здесь ему впервые пришлось увидеть на деле практическое применение в школе своего «Родного слова», и притом, как он с удовлетворением отметил, вполне удачное. Взрослые ученики-татары, в возрасте от 20 до 35 лет, с удовольствием заявляли Ушинскому, что русское чтение и письмо даётся им несравнимо легче татарского благодаря интересным книгам Константина Дмитриевича. Особенно порадовало педагога высказывание одного из учащихся о

том, что в домашней библиотеке каждого из них обязательно есть «первый год» «Родного слова», наряду с Кораном и его семью толкованиями на арабском языке.

Искреннее и бесхитрое выражение рядовыми тружениками народного образования и их учениками уважения и благодарности Ушинскому за его методические труды добавило ему энергии и хорошего настроения. У него появились были новые планы.

В эти дни он писал Н. А. Корфу: «Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтой. Прежде мне необходимо кончить “Антропологию”, и потом только я сколько-нибудь применю “Родное слово” к потребностям сельской школы. Кроме того, у меня на душе ещё первоначальная география как окончание “Родного слова”. Вот сколько дела, а где силы? И всего досаднее, что в голове всё это давно готово, так что три-четыре месяца прежнего здоровья, и я бы, кажется, всё кончил» [32, с. 210–211].

Судьба послала ему некоторое улучшение здоровья. Из Симферополя он проехал в Ялту, и пробыл здесь около двух недель, и в итоге даже почувствовал значительное восстановление сил. Здесь он встретился в конце июня с находившимся в Ялте на отдыхе выдающимся русским историком Н. И. Костомаровым и принялся горячо убеждать его взять на себя написание той части «третьего года» «Родного слова», которая была посвящена истории, иными словами, написать отечественную историю для детей. По мнению Ушинского, этот труд наиболее подходил Костомарову как великому популяризатору истории. Николай Иванович дал своё согласие. Это очень обрадовало Ушинского, так как он верил теперь в осуществление своего «Родного слова» в том объёме содержания, как это было им задумано и изложено во II части его «Руководства к преподаванию по “Родному слову”».

Немного подлечившись, Ушинский, возвращаясь из Крыма, собирался заехать к Н. А. Корфу в село Нескучное Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне Великоновосёлковского района Донецкой Народной Республики), но оказалось, что село расположено довольно далеко от железнодорожной станции Благодатная, и отправиться к своему заочному другу и единомышленнику неважно чувствовавший себя Ушинский не решился.

Полный самых лучших надежд, довольно бодрый духом и телом покидал Ушинский Крым в конце июля 1870 г. в расчёте на скорое возвращение туда со всем своим семейством. Прекрасное воздействие

крымского климата на состояние его здоровья побудило его даже при-
торговать небольшое поместье по соседству с Ялтой для постоянного
в будущем проживания. Правда, оно не было куплено, а с его хозяи-
ном пока что была лишь устная договорённость. С такими расчётами
и планами торопился он к семье, ожидавшей его в имении Богданка.
Было и ещё одно обстоятельство, которое вынуждало его поторапли-
ваться. Старший сын Павел только что окончил обучение во второй
Санкт-Петербургской военной гимназии и был рекомендован к по-
ступлению в высшее военное учебное заведение. Лето он проводил
с семьёй, в деревне. Юноша был прекрасно развит физически, ум-
ственно и нравственно, блестяще учился и вообще подавал большие
надежды. Отец очень любил его, видел в нём опору семьи, особенно в
случае своей смерти. Но надо же было случиться такому несчастью...

Константин Дмитриевич приехал в свою Богданку в день похоро-
н своего старшего сына Павлуши, по нечаянности смертельно ра-
нившего себя на охоте от случайного выстрела при перезарядке ру-
жья... Это был слишком жестокий удар, окончательно надломивший
физические и душевные силы Константина Дмитриевича. Ушинский
весь ушёл в себя; он избегал даже разговоров со знакомыми. Силы
покидали его, и он очень сокрушался об участи своих малолетних де-
тей. А ведь их у него оставалось пятеро, и все ещё нуждались в от-
цовской опеке, материальной и духовной. Всё-таки Ушинский нашёл
в себе силы как-то справиться с постигшим его горем и даже перевёз
свою семью в Киев, где купил небольшой домик на улице Тарасов-
ской. В письме к Н. А. Корфу от 27 сентября он сообщает о переезде в
Киев, «где покуда устроились кое-как и очень плохо» [32, с. 213].

Извещает Ушинский Корфа в этом письме и о постигшем его се-
мью горе. «Милостивый государь, Николай Александрович! Вы, веро-
ятно, недоумеваете, почему я так долго не отвечал на последнее пись-
мо Ваше. Но если бы Вы знали, что со мною случилось, то легко поня-
ли бы это. Возвратившись из Крыма в деревню к себе, в самый день
моего приезда, я едва не застал похорон моего старшего сына, юноши
18-ти лет, который за три дня до того, будучи на охоте, ранил себя
смертельно. Скоро после того я получил письмо Ваше и, недели через
две, написал на него ответ; но ответ этот был таков, что я хорошо сде-
лал, что не послал его: Вы бы видели из него только, как низко может
упасть человек под тяжким и неожиданным ударом судьбы» [32, с. 213].

Ушинский успел ещё устроить двух своих дочерей в институт.
Собственно говоря, для их проживания и был нужен дом в Киеве. Са-

ма жизнь в Киеве страшно тяготила его. «Хорошо ли мне в Киеве? – писал он Я. П. Пугачевскому. – Увы, не хорошо. Душит глушью, и ничего близкого сердцу; но думаю, что для семьи моей будет лучше, чем где-нибудь. Обо мне же думать нечего; моя песня, кажется, окончательно уже спета» [31, с. 222–223]. Доктора в это время усиленно торопили его в Крым, куда он и стал собираться, но на этот раз крайне неохотно, словно предчувствуя новое несчастье.

В это время до него дошёл слух, что симферопольская учебная администрация получила строгое замечание и внушение за тот почёт, уважение и внимание, которые были оказаны ему во время работы учительского съезда, и особенно за допуск Ушинского к участию в его работе. Это было последней каплей горечи, переполнившей его душу и отравившей те добрые воспоминания и надежды, которые у него были связаны с Крымом.

Он рвался душой в Санкт-Петербург, в круг близких друзей, которые могли бы его поддержать; ему нужно было ощущение жизни, так считал М.Л. Песковский. «Худ ли, хорош ли Петербург, – писал он Я. П. Пугачевскому, – но я с ним сжился сердцем, в нём протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости и много проработано; там я таскался без куска хлеба, и там же составил состояние; там напрасно искал места уездного учителя и беседовал с царями; там был неведом ни одной душе и там приобрёл себе имя, – надеюсь, честное, – и вот почему слеза навёртывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербург и что, по всей вероятности, мне уже более не видать его» [31, с. 225].

К несчастью, предчувствие это сбылось... В конце октября с младшими сыновьями Константином и Владимиром он поехал лечиться в Крым. Но в дороге простудился, заболел и остановился в Одессе, в гостинице «Северная». Газета «Одесский вестник» (№ 238 от 1 ноября) сообщала о его приезде в город. Открылось воспаление лёгких, протекавшее очень тяжело. Вызвали из Киева остальную часть семьи, вполне сознавая, что конец близок.

Вечером 21 декабря, за четыре часа до смерти, он почувствовал некоторое облегчение и выразил желание одеться во всё чистое. Из всех сил стремясь не поддаваться неизбежному, он, находясь прежде в сидячем положении, пожелал лечь в постель и попросил, чтобы как можно ярче осветили комнату. Когда это было исполнено, Константин Дмитриевич попросил прочитать ему «Ундину» В. А. Жуковского. По окончании чтения он позвал к себе всех детей и, по обыкно-

вению, помолился вместе с ними. Отпустив детей, уснул... навеки, тихо, без агонии, в полном сознании, в 2 часа ночи с 21 на 22 декабря 1870 г. (3 января 1871 г.) [72, с. 13].

Доктор медицины, экстраординарный профессор Киевского университета св. Владимира Шкляревский в медицинском заключении о причине смерти К. Д. Ушинского указывал: «Страдая хроническим воспалением лёгких, свойство его долголетнего хронического страдания требовало вместе с хорошими климатическими условиями почти абсолютного воздержания от всякой напряжённой деятельности, и я не могу поэтому сомневаться, что именно усиленные учёные литературные работы Ушинского, которыми ознаменовались последние годы его жизни, с медицинской точки зрения были для него пагубны, потому что они истощили его слабые физические силы и были существенной причиной его преждевременной кончины» [70, с. 377].

В Одессе у Ушинских не было ни одного знакомого. Но в то же время К. Д. Ушинского, по его трудам и деятельности, знали все, причём не только учителя; ведь детские книги Константина Дмитриевича читали, что называется, и в хижинах, и в дворцах. Как только весть о его смерти распространилась по городу, местные учителя окружили семью Константина Дмитриевича заботой, освободив её от всех хлопот по отпеванию и перевозке тела в Киев.

Приведём ряд цитат из книги М. Л. Песковского.

При прощании с К. Д. Ушинским в одесском кафедральном соборе профессором богословия, протоиереем отцом М. Павловским была сказана речь. «Вот тот гроб, перед которым с любовью преклонятся и с благодарностью помолятся многие и многие в России, – говорил он. – Преклонится и помолится дитя и возрастной, ученик и учитель, мать и её дети, начинающий изучать великое дело воспитания и глубоко изучивший множество систем воспитания. Вот тот труженик, которого так долго ждали русская школа и семья, который книгами своими облегчил и сделал из горького сладким учение для дитяти и для его учителя; который связал матерей с их детьми крепкими и святыми узами воспитания; который прочитал незабвенные уроки обучения и воспитания всем воспитывающим и пишущим о воспитании. Вот тот дивный знакомец, которого, никогда не видавши, знаешь, чтешь и любишь, – знаешь по его книгам, наполнившим училища и семьи, чтешь за те разнообразные таланты, которыми так щедро награждён был и из которых ни одного не скрыл он в земле; за те многосторонние и глубокие познания, которые черпал он из себя

самого, из своей природы и из образованных стран Европы; любишь за ту всегда живую любовь и за то неустанное терпение, с которыми он одинаково писал и азбуку для детей, и глубокое по взглядам и многостороннее по познаниям сочинение своё о человеке как предмете воспитания; любишь за ту новость взгляда на воспитание, истинность которого почувствовали все, когда прочли, но которую высказал он первый, – ту новость, что “чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше требуется от него педагогических знаний”. Любишь его за его “Детский мир”, в котором он так легко и так увлекательно знакомит детей с ними самими и с окружающею природою; за его “Родное слово”, по которому русские дети начали изучать и с любовью изучают родную русскую жизнь во всём богатстве русского языка и во всём разнообразии народных поэтических форм. Вот почему и в нашей разноплеменной и разноязычной Одессе, в которой Провидение указало кончину незабвенному Ушинскому, его гроб окружается такою искреннею любовью и молитвой: цену воспитателю русских детей и воспитателей Одесса чувствует если не более, то ни в каком случае не менее других городов России. С миром и благословением отпускаем тебя в путь твой, доблестный труженик, до конца жизни свято служивший святому делу воспитания».

Печальная процессия прибыла на железнодорожную станцию «Куликово поле» для отправки гроба с телом К. Д. Ушинского в Киев. Здесь состоялась панихида. Один из выступавших, учитель Росиков, сказал: «Замолчите все, считающие дело начального воспитания делом маловажным, делом, не стоящим серьёзного внимания; замолчите и проникнитесь глубоким уважением к делу воспитания, ибо есть люди, полагающие жизнь свою за это дело. Вот гроб человека, который всю жизнь свою принёс на пользу своих соотечественников. Вот останки труженика, предпринявшего громадный труд: собрать мнения о воспитании, высказанные великими мыслителями в продолжение многих веков, и из этих разноречивых теорий и философских взглядов выработать последнее слово науки о воспитании духовной и физической природы человека, составить руководство, необходимое для всех, кто посвятил себя воспитанию русского юношества. Этим трудом он желал положить конец тому жалкому обучению и воспитанию, какому подвергаются дети в школах, руководимых непризванными и неподготовленными педагогами. Горе наше велико. На долю нашу выпал жребий не приветствовать, но провожать в невозвратный путь

всеми нами любимого учёного. Вспомним же, на прощании с гробом сим, и сохраним в сердцах наших всё то, что говорил и завещал нам почивший в этом гробе. Он говорил: “Неправильное воспитание тяжело отзывается во всей жизни человека. Это и есть главная причина зла в народе, и ответственность за это падает прямо на воспитателей”. Он говорил, что для разумного воспитания недостаточно одного терпения и любви к детям, но необходимо при этом изучить и знать их природу. Воспитание детей он считал великим, святым делом и требовал, чтобы к нему относились серьёзно. Он сказал: “Преступник, убийца тот, кто берётся за воспитание, не зная его”. Пусть же, сотоварищи, гроб этот пробудит в нас сознание святости долга, которому мы служим; пусть он напомним нам, что на поприще воспитания мы должны иметь целью благо ближнего. Дадим обещание глубже ознакомиться с мыслями этого благонамеренного и честного труженика. И если каждый из нас сделает хоть сотую долю того, что сделал он, то уже много сделает. Прости же, отец разумной русской школы, друг детей и славный педагог. Вечная память тебе, делавшему дело для дела и трудившемуся для труда! Имя твоё будет жить в сердцах наших и в сердцах детей, для блага которых ты не щадил своей жизни».

Как вспоминал М. Л. Песковский, такая же дружная педагогическая семья, искренно проникнутая горем, собралась и в Киеве для встречи и погребения останков Ушинского. Такой же неподдельной скорбью и задушевностью были проникнуты речи при опускании его гроба в могилу.

Вся мыслящая Россия скорбела по Ушинскому. Во многих храмах служили панихиды по ушедшему из жизни педагогу. С особенной силой чувствовали эту утрату учителя и учебные заведения, занимавшиеся подготовкой учительства, иначе говоря, учительские семинарии. Законоучитель Кубанской учительской семинарии О. И. Стась на панихиде по Ушинскому, обращаясь к своим учащимся, говорил: «Вам, начинающим только приготавливаться к делу народного образования, неизвестно, быть может, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочинениям; а эти сочинения такого рода, без которых вы шагу не можете сделать в народной школе, которые переживут и нас, и вас, а быть может, и внуков ваших. Когда вы изучите эти сочинения, познакомитесь с жизнью человека, трудившегося над ними, вы полюбите этого человека от всей души, от всего сердца».

К. Д. Ушинский был похоронен в Киеве, на территории Выдубицкого монастыря под огромным каштановым деревом, на берегу Днепра.

На мемориальной доске на могиле К. Д. Ушинского много позднее, в 1946 г., были выбиты строчки народного поэта Украины Павло Григорьевича Тычины (1891–1967):

*В роки царської сваволі
Він жадав народу волі,
Працював для Батьківщини,
Душу розумів в дитині,
Школу врятував з безодні, –
Став безсмертним він сьогодні.*

*(В годы царского произвола
Жаждал он народной воли.
Он работал для Отчизны.
Понимал ребёнка душу.
Школу выручал из бездны.
Стал сегодня он бессмертным.)*

Закатилось солнце русской педагогики...

Но так ярок и могуч был свет этого солнца, что лучи его озарили всю Россию, вызвали стремление к деятельности на благо своего народа и к совершенствованию у целых поколений народных российских учителей.

ГЛАВА 12. ПРЕДКИ И ПОТОМКИ К. Д. УШИНСКОГО

В этой главе представлены сведения о предках и потомках К. Д. Ушинского и его супруги Надежды Семёновны. Сведения эти, прямо скажем, разрозненные, неполные, что подчёркивает необходимость продолжения исследовательской работы по изучению биографии К. Д. Ушинского по восходящей и нисходящей линиям.

Необходимо воздать должное усилиям ярославских историков педагогики, прежде всего профессора Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского Анатолия Николаевича Иванова [17], директора музея К. Д. Ушинского при Ярославском государственном педагогическом университете имени К. Д. Ушинского, кандидата психологических наук Татьяне Николаевне Гавриловой и её коллегам. Их материалы частично использованы при написании данной главы [6].

Ниже представлена родословная К. Д. Ушинского, некоторых его предков, его собственной семьи и потомков. Она даётся не в форме традиционного «генеалогического древа», а описательно; на взгляд автора, такая форма больше соответствует решению задач, поставленных в данной части нашей книги.

Автором выделены шесть поколений семьи. Первое поколение составляют родители Любови Степановны Ушинской (урождённой Карпинской), матери К. Д. Ушинского. Здесь же, ниже, в скобках приводятся краткие сведения о более ранних представителях рода, к которому она относилась; автору показалось более удобным не выделять их в отдельные поколения.

Поколение 2 – это родители К. Д. Ушинского и его жены.

Поколение 3 составляют сам Константин Дмитриевич и его жена Надежда Семёновна.

Поколение 4 – их дети.

Далее автором даётся информация о внуках и правнуках (поколения 5 и 6) великого педагога и его супруги. С целью удобства изложения судьбы представителей поколений 4, 5 и 6 раскрываются последовательно; при этом в качестве «точек отсчёта» взяты представители поколения 4, т. е. дети К. Д. и Н. С. Ушинских.

Поколение 1 (родители Л. С. Ушинской, матери К. Д. Ушинского, урождённой Карпинской, а также некоторые более ранние предки)

Карпинский Степан Степанович (1742–?).

Карпинская (урожд. Псёл) Меланья Фёдоровна (до 1809–?).

[Родителями Степана Степановича были Карпинский Степан Иванович и Панкевич Марфа Григорьевна. Отцом Степана Ивановича был Карпинский Иван Лукьянович, а дедом – Карпинский Лукьян, польский шляхтич.]

[Родителями Меланьи Фёдоровны были Псёл Степан Фёдорович (1780–?) и Халанская Александра Ивановна (? – после 1833). Родителями Степана Фёдоровича были Псёл Фёдор Григорьевич (1739–?) и Силевич Анна Андреевна (?–1799).]

Поколение 2 (родители К. Д. Ушинского и его жены Н. С. Ушинской, урождённой Дорошенко)

Ушинский Дмитрий Григорьевич (1787 – после 1840).
Ушинская (урожд. Карпинская) Любовь Степановна (1796–1835).

Дорошенко Семён Степанович (1.09.1794–7.03.1848 (1843?).
Дорошенко (урожд. Матвиевская) Александра Георгиевна (? – ?).

Поколение 3 (К. Д. Ушинский и его жена Н. С. Ушинская, урождённая Дорошенко)

Ушинский Константин Дмитриевич (19.02.1823–22.12.1870).
Ушинская (урожд. Дорошенко) Надежда Семёновна (22.04.1831–1914).

Поколение 4 (дети К. Д. и Н. С. Ушинских)

1. Сын: Ушинский Павел Константинович (12.10.1852–1870).
2. Дочь: Ушинская Вера Константиновна (9.06.1855–1922).
3. Дочь: Ушинская Надежда Константиновна (9.09.185–1944).
4. Сын: Ушинский Константин Константинович (17.02.1859–1919).
5. Сын: Ушинский Владимир Константинович (6.02.1861–1917/1918).
6. Дочь: Ушинская Ольга Константиновна (1.11.1867–1960/ 1963).

Поколения 4, 5, 6 (дети, внуки, правнуки К. Д. и Н. С. Ушинских)

К. Д. Ушинский и его жена Н. С. Ушинская имели шесть детей: трёх сыновей и трёх дочерей.

Сын – Ушинский Павел Константинович (1852–1870).

Погиб на охоте в августе 1870 г., потомков нет.

Дочь – Пото (урождённая Ушинская) Вера Константиновна (1855–1922).

Была замужем за подданным Италии, потомственным почётным гражданином Киева Адольфом-Леоном Львовичем Пото (1846–?). На свои средства она открыла в Киеве мужское городское училище

им. К. Д. Ушинского. Семья жила в Киеве. У них была дочь Наталья (? – 1950), которая получила в Бельгии специальность скульптора в 1945 г., там и скончалась. Замуж она не выходила, детей у неё не было. Эта линия также пресеклась.

Дочь – Ушинская Надежда Константиновна (1856–1944).

В с. Богданка, где находился дом, принадлежавший Ушинским, на средства, вырученные от продажи сочинений своего отца, открыла начальную школу. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Н. К. Крупская помогла ей уехать в Швейцарию. Другими сведениями о Н. К. Ушинской мы не располагаем.

Сын – Ушинский Владимир Константинович (1861–1917 или 1918).

Родился в год освобождения крестьян от крепостного права, и в честь этого события в семье его называли Воля. Считается, что он умер предположительно в 1917 или 1918 г. Потомков, скорее всего, нет.

Династия К. Д. и Н. С. Ушинских в настоящее время продолжается по двум линиям: их сына Константина и дочери Ольги.

Сын – Ушинский Константин Константинович (1859–1919).

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник. Работал в секретариате императорской канцелярии. В 1891 г. женился на Марии Николаевне Виноградской (1859–11.05.1903). Её брат Сергей – биолог, работал в институте Луи Пастера в Париже, член Российской, Французской и Британской академий наук.

М. Н. Ушинская (Виноградская) похоронена в селе Рясники Бугринской волости Острожского повета Волынской губернии; ныне Ровенского района Ровенской области Республики Украина. В этом селе Константин Константинович и Мария Николаевна Ушинские имели имение, в котором семья проводила летние месяцы. Тогда это была территории Царства Польского, входившего в состав Российской империи до конца 1917 г.

У них было четверо детей: Дмитрий (1893–1941?1943?1944?), Николай, Максим и Марианна (1901–1990). Во время революционных событий 1917 г. Максим погиб. К. К. Ушинский вместе с дочерью Марианной и дочерью от второй жены пытался эмигрировать в Румынию, но в дороге умер. Дочери похоронили его где-то на юге России.

Дмитрий Константинович и Николай Константинович служили в белой армии, в 1922 г. они вернулись в Рясники и продали имение. Оба эмигрировали в Бельгию. Дмитрий Константинович сменил много мест работы. Его жену звали Мария Стрижевская (1903–1982). У них было двое детей – Наталья и Константин. Наталья вышла замуж за Георгия Новосельцева. У них была дочь Анна, которая вышла замуж за Виктора Лаптева; известно, что они жили в Монреале.

У Константина, профессора русского языка в Техасском университете, и его жены Елены Орловской три дочери, которые, кстати, уже не говорят по-русски: Софья – профессор философии университета Конкордия (Монреаль), Александра также проживает в Монреале, а Анастасия (1973 г. р.) живёт в США, во Флориде. У Софьи муж Джордж Затмари, два сына и дочь. У Александры муж Грант Джеймс, дочь Кэмерон и сын Эйден. У Анастасии первый муж Джеймс Бэчемп и дочь Кэмерон; второй муж Джозеф Коуэн, сын Броден и дочь Габриэла.

Это всё, что нам известно о потомках Ушинских по линии Дмитрия Константиновича. Вернёмся к другому внуку К. Д. Ушинского – Николаю Константиновичу.

Он, как уже указывалось, вместе с братом Дмитрием эмигрировал в Бельгию и окончил там курсы колониального администрирования. Затем он работал управляющим в Бельгийском Конго. После Второй мировой войны вернулся в Брюссель и организовал фирму, занимавшуюся химчисткой одежды. Умер в Монреале в конце 1950-х (начале 1960-х?) гг. Его жену звали Анна Стрижевская. Их сын Алексей был женат на бельгийке, которую звали Вилма Забо; у них были два сына.

Теперь вернёмся к судьбе сестры Николая и Дмитрия Константиновичей – Марианны Константиновны Ушинской, внучки Константина Дмитриевича и Надежды Семёновны Ушинских. После неудавшейся попытки эмигрировать в Румынию Марианна вернулась в «семейное гнездо», в Рясники, и вышла замуж за врача Владимира Константиновича Поспеловского (? – 1964).

В молодости Владимир Константинович получил образование в Воронеже. Служил врачом. Под конец Гражданской войны с отступавшей белой армией перебрался в Польшу, в город Ровно. В 35 км от этого города и находятся Рясники, в которых он имел частную медицинскую практику.

В 1920 г. Марианна Константиновна и Владимир Константинович Поспеловские купили здесь часть имения с фруктовым садом.

Здесь они жили, по словам их дочери, до 1943 г., после чего уехали на Запад. (По данным украинской Википедии, они уехали из Рясников в 1939 г.)

В их семье было трое детей; все они родились в Рясниках: Марианна (назовём её для удобства младшая Марианна) (род. 28.06.1929), Ольга (род. 1932), Дмитрий (13.01.1935–12.09.2014, Маунт Хоуп, Канада).

Марианна Владимировна Поспеловская (младшая Марианна) в Монреале в 1948 г. окончила Sir George College и работала секретарём по юридическим вопросам до замужества с уроженцем Чехословакии, астрофизиком Игорем Юркевичем (? – 1996). В 1952 г. они переехали на жительство в США, в г. Аннополис, штат Мериленд. Здесь Марианна занималась домашним хозяйством.

В их семье было трое детей: дочь Гайана и два сына – Никита и Марк. Гайана (1953 г. р.) живёт в Нью-Йорке; она профессор, специалист в области испанской литературы, работает в Барух-колледже. Никита – строитель, женат на русской девушке Инне, которая по профессии врач. Марк – IT-специалист, женат на польке Богуславе; они живут в Варшаве.

Младшая сестра «младшей Марианны» Ольга Владимировна Поспеловская вышла замуж за Степана (Стивена) Митянина; в их семье было двое детей: Екатерина (её мужей звали Даг Эванс и Стив Мониц) и Николай (у него жена Каролина и сын). Все они жили в г. Ванкувер, Канада.

Брат Марианны Владимировны и Ольги Владимировны Дмитрий Владимирович Поспеловский, несомненно, самый известный из потомков К. Д. Ушинского.

На Западе на протяжении многих лет он считался крупным советологом, публицистом и экономистом. Поспеловский сотрудничал в таких печатных изданиях, как, например, «Посев». Был членом Народно-Трудового Союза. Руководил исследовательской секцией «Радио Свобода», выступал на Би-би-си. Все эти средства массовой информации вели и продолжают вести по настоящее время ожесточённую борьбу против нашей страны. В связи с этим его имя было в Советском Союзе под запретом либо упоминалось исключительно в негативном контексте.

Скажем прямо: именно против таких идеологических противников, как Дмитрий Поспеловский, в СССР и выстраивалась целая система контрпропаганды, существовала практика глушения радиоканалов, способных негативно повлиять на настроения населения.

После Второй мировой войны Д. В. Пospelовский эмигрировал в Канаду. В 1972–1997 гг. Д. В. Пospelовский – профессор университета в г. Лондон, штат Западное Онтарио, автор большого количества книг и публикаций по истории России и религии.

Он был женат на уроженке Сербии по имени Мирьяна (1935 г. р.). Их трое детей живут в Торонто: дочь Дарья Дума (её мужа зовут Марк; в семье растёт сын) и два сына: экономист Андрей (его жену зовут Каролина, есть дочь) и университетский специалист в области коррекционной педагогики Богдан (его жену зовут Дженнифер, есть сын).

В г. Роудон (провинция Квебек, Канада), недалеко от Монреаля, есть русское кладбище, где похоронены некоторые представители «канадской» ветви рода Ушинских, о которых шла речь выше: Дмитрий Константинович и его жена Мария, их сын Константин (отец Софьи и Александры), его дочь Наталья (мать Анны), Николай Константинович, его жена Анна и Марианна Константиновна Пospelовская.

Наконец, мы переходим к рассказу о потомках К. Д. Ушинского по линии его младшей дочери Ольги.

Дочь – Ушинская Ольга Константиновна (01.11.1867–1960 или 1963).

Ольга Константиновна была младшим ребёнком в семье Ушинских. Своего отца и старшего брата она пережила на 90 лет! Возможно, даже на 93 года, поскольку в некоторых источниках годом смерти указан 1963 г.

Ольга Константиновна была замужем за Михаилом Акинфиевичем Суковкиным (7.11.1857, Санкт-Петербург, – 11.11.1938, Ментона, Франция), действительным статским советником, камергером, председателем Киевской губернской земской управы в 1907–1917 гг.

Их первая дочь Елена умерла в возрасте четырёх лет. Затем родились ещё три сына и дочь: Михаил, Алексей, Константин (домашние называли его Коко) и Марина. Лето семья проводила в загородном имении Кавалья в пригороде города Канева (ныне территория Черкасской области Республики Украина).

В 1917 г. М. А. Суковкина назначили послом Временного правительства в Константинополе. Ольга Константиновна последовала следом за мужем.

Она находилась в течение года в разлуке с детьми, так как два старших сына (Михаил и Алексей) учились в Англии, а Константин и

Марина оставались под присмотром няни в Петрограде. Чтобы выжить в период начавшейся Гражданской войны, няне пришлось продавать иконы, посуду и пр. Далее Ольге Константиновне удалось забрать детей и перевезти их в Константинополь, где они жили в бедности.

В 1921 г. они перебрались во Францию. Здесь у Марины проявился талант художницы: она зарабатывала писанием икон, рисовала портреты, занималась миниатюрной живописью. Братья снимались в эпизодических ролях в кино. Постепенно жизнь наладилась. Константин с детства страдал туберкулёзом, и семья, для облечения состояния его здоровья, переехала на Лазурный берег.

Михаил Акинфиевич попросил французские власти отдать пустовавшее помещение огромного санатория для больных туберкулёзом под Русский дом для приюта беженцев, которые стекались в страну из «красной» России, на условиях его возвращения после прекращения потока эмигрантов. Он стал директором первого Русского дома во Франции в 1923 г. Впоследствии стали открываться подобные благотворительные заведения в других городах Франции.

М. А. Суковкин состоял членом объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея и секретарём русского православного Братства Св. Анастасии Узорешительницы в г. Ментон.

О судьбах сыновей Михаила Акинфиевича и Ольги Константиновны нам известно из воспоминаний их внучки Ирины Хале, дочери Марины Михайловны. Ирина Хале вспоминала братьев своей матери.

Она запомнила дядю Михаила Михайловича высоким, симпатичным молодым человеком. Он много лет прожил в Ницце, был помощником и другом графини Кайзерлинг, младшей дочери последнего российского премьер-министра П. А. Столыпина.

Дядя Алексей Михайлович, по её воспоминаниям, был смуглым и внешне напоминал испанца. Он увлекался буддизмом, в 1950-е гг. уехал в Индию, затем на остров Цейлон, где и закончил свою жизнь.

Третий дядя, Константин Михайлович (Коко) (1905–1990, Лион), всю жизнь провёл во Франции. Дядя Константин запомнился Ирине как обходительный и утончённый, с едким и дерзким умом. Он напоминал Ирине Хале персонажа из романа Ф. М. Достоевского «Бесы», который чувствовал вкус жизни только тогда, когда за ним гналась полиция. Из-за пагубной страсти к азартным играм он превратился из состоятельного человека в нищего.

Константин много лет прожил инкогнито на деньги французской графини, которая его обожала. Его жену звали Минон Шарлот

Дюлонг де Розне (1920–2009). В 1953 г. у них родился сын Пьер. Его жену зовут Вероник (1963 г. р.), а их сына – Арно (1998 г. р.).

Наконец, свою мать Марину Михайловну (1902–1951) Ирина Хале считала талантливой, очаровательной, в некоторых вопросах практичной и немного загадочной. Мужем Марины был ирландец Патрик Валентин Бушо.

По мнению Ирины Хале, её отец Патрик Бушо был противоположностью своей жены – весёлый, добрый, сентиментальный и совершенно непрактичный. По-разному они, Марина и Патрик, относились и к тому, что были вынуждены жить вдалеке от Родины. Марина Михайловна философски относилась к потере своего дома и страны, а Патрик переживал, что из-за экономических проблем в Ирландии ему пришлось покинуть остров Керри, где он жил, по его словам, «как маленький принц». Затем семья Патрика и Марины перебралась в Англию, где в 1932 г. и родилась их дочь Ирина, будущая Ирина Хале.

Поначалу они жили недалеко от г. Солсбери. Марина хорошо рисовала миниатюрные портреты своих друзей, таких как княгиня Юсупова, гордилась своими работами и даже выставляла их на выставках, например, в Королевской академии искусств. Потом семья переехала в г. Бристоль, где их и застала Вторая мировая война.

Умение рисовать передалось от Марины её дочери, и в четырнадцать лет Ирина зарабатывала на жизнь, рисуя портреты. Ей очень хотелось учиться в художественной школе, но мать решила увезти её во Францию, подальше, как она считала, от «плохого влияния» отца, который злоупотреблял спиртным.

Бабушка Ольга Константиновна, младшая дочь великого педагога, жила в г. Ментон, а вот её муж, М. А. Суковкин, к тому времени уже умер. Семь лет Ирина с матерью, Мариной Михайловной, прожили во Франции в крайней бедности. Из-за боязни умереть от голода они вернулись в Англию. Патрик встретил их с любовью. Последние годы Марина Михайловна страдала расстройством нервной системы. Однажды она разом выпила все имевшиеся у неё лекарства и умерла.

Ирина стала дипломированным специалистом в Академии искусств в г. Коршем, Англия. В 1954 г. она получила ещё один диплом преподавателя изобразительных искусств в университете г. Бристоля и в течение трёх лет преподавала живопись в школе Скелфилд в Йоркшире и в школе Бедминтон в Бристолье. Отец (Патрик) умер в возрасте 63 лет, оставив дом своей второй жене. Естественно, у Ирины не сложились с ней отношения, и она уехала в страну искусств – Италию.

В Италии она вышла замуж за выпускника Кембриджа, талантливого скульптора Джона Хале, которого встретила в Кингс-колледже. Они венчались в русской церкви в Риме и были вместе в течение двенадцати лет. Как вспоминала Ирина, они много занимались самообразованием в Италии (г. Каррара) и в Австрии, в Академии Зоммер, где их наставниками были Джакомо Мандзу и знаменитый художник Оскар Кокошка. Ирине Хале была даже присуждена премия г. Зальцбурга. В 1967 г. в Лондоне, в галерее Крейн Калман состоялась персональная выставка её работ.

После развода с Джоном Хале Ирина в 1970 г. вышла замуж во второй раз – за римского скульптора Спартако Дзианна (1924–1991), стала матерью для его дочери от первого брака Сильвии, а после смерти Сильвии посвятила себя заботам о её дочери.

Помимо занятия живописью, Ирина проявила себя как детская писательница: в 1980–2007 гг. ею было издано 16 книг. Она занималась организацией лабораторий детского творчества и постановкой спектаклей в театре теней при содействии труппы «Орто делла Арти», основанной в 1997 г. В 1992–2004 гг. при её участии поставлено 16 спектаклей.

Ирина принимала участие в организации и проведении курсов живописи, английского языка через искусство, занятий в детских садах и т. п. В 1994 г. Ирина Хале впервые приехала в Россию. Она побывала на открытии кукольного фестиваля в Санкт-Петербурге, посетила педагогический университет имени А. И. Герцена.

Все годы, пока была жива бабушка Ольга, она общалась с ней. Ольга Константиновна Ушинская запомнилась Ирине как образованная женщина, всегда подтянутая и доброжелательная. До конца своих дней она искусно занималась рукоделием: расписывала шёлк, вышивала бисером и делала шляпки из «всякой всячины». Особенно младшая дочь великого русского педагога любила искусство и в молодости часто посещала Большой театр, была знакома с А. П. Чеховым и Ф. И. Шаляпиным.

Таковы судьбы потомков К. Д. Ушинского.

ГЛАВА 13. ПАМЯТЬ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После смерти К. Д. Ушинского его друзья и последователи делились своими воспоминаниями о своём друге и учителе в печати. В ряде газет и журналов появились очерки об Ушинском. Написанные под впечатлением тяжёлой утраты, эти статьи носили, прежде всего,

эмоциональный характер и содержали немало риторики и обязательных в таких случаях определений: «светоч», «гений», «солнце русской педагогики» и т. п.

Подобные характеристики, разумеется, справедливы, но не настолько фактологичны, как хотелось бы. Мы имеем в виду, прежде всего, очерки близко знавших его А. Ф. Фролова, В. И. Лядова, Ю. С. Рехневского, М. К. Чалого, Д. Д. Семёнова и др. Тем не менее эти работы давали определённый материал следующему поколению историков педагогики в плане изучения биографии Константина Дмитриевича. Лишь спустя какое-то время появились более содержательные, глубокие и объёмные работы, в которых рассказывалось, в частности, и об Ушинском.

Так, из мемуаров воспитанницы Смольного института Е. Н. Водозовой «На заре жизни и другие воспоминания» мы узнаём о внешнем облике великого русского педагога. Она запомнила своего великого учителя таким: «Вся внешность Ушинского сильно содействовала тому, чтобы его слова глубоко западали в душу. Худощавый, крайне нервный, он был выше среднего роста. Из-под его черных густых бровей дугою лихорадочно сверкали темно-карие глаза. Его выразительное, с тонкими чертами лицо, его прекрасно очерченный высокий лоб, говоривший о недюжинном уме, резко выделялся своею бледностью в рамке чёрных, как смоль, волос и чёрных бакенов кругом щёк и подбородка, напоминавших короткую, густую бороду. Его тонкие, бескровные губы, его суровый вид и пронизательный взор, который, казалось, видит человека насквозь, красноречиво говорили о присутствии сильного характера и упорной воли... Тот, кто видал Ушинского хотя раз, навсегда запоминал лицо этого человека, резко выделявшегося из толпы даже своею внешностью».

Редактор А. В. Старчевский вспоминал в материале «Мои воспоминания о К. Д. Ушинском» своего самого активного сотрудника такими словами: «Лицом он несколько напоминал Рафаэля, но был красивее его... держался он спокойно и несколько сдержанно, но с первого же раза внушал Вам симпатию... Понятно, как благотворно должна была действовать такая внешность на его учеников, а впоследствии учениц».

Воспоминания лиц, близко знавших Ушинского, позволили гениальному русскому художнику И. Н. Крамскому создать в 1872 г. поистине канонический портрет К. Д. Ушинского. Последующие поколения русских педагогов воспринимают Ушинского именно таким, каким его изобразил Крамской.

Друзья К. Д. Ушинского не оставляли своим вниманием его семью. Об этом свидетельствуют многочисленные, наполненные горячей благодарностью по отношению к адресату письма его вдовы Надежды Семёновны. Так, в письме Я. П. Пугачевскому (1829–1896), преподавателю физики и естествознания в Смольном институте, она писала: «Душевно благодарна Вам, дорогой Яков Павлович, за участие, которое Вы принимаете в нас. Без Ваших писем, без Ваших добрых советов насчёт семьи-детей мне уже очень бы тяжело жилось на свете! Письма же Ваши мне жизни придают. Они меня ободряют. Не оставляйте нас, добрый Яков Павлович!»

Я. П. Пугачевский действительно много помогал оставшейся без кормильца семье Константина Дмитриевича и во многом способствовал первому изданию его сочинений. Можно даже утверждать, что без его самоотверженного содействия осуществлению этой задачи судьба научного наследия К. Д. Ушинского могла бы быть совершенно другой, и его творчество, благодаря которому мы, главным образом, и помним сейчас Ушинского, могло просто кануть в Лету... Но нет, Пугачевский совершил этот подвиг, – как во имя покойного друга, так и во имя отечественной педагогики. Он спас наследие Ушинского: собрал воедино разрозненные статьи, рукописи и письма, привёл в порядок и подготовил к печати то, что нуждалось в редактировании. Все последующие издания собрания сочинений Ушинского смогли увидеть свет благодаря тому, что в своё время вышло их первое издание.

Отдавали должное К. Д. Ушинскому и видные деятели российского образования, которые могут быть отнесены к следующему поколению педагогов. Один из них, видный российский педагог Николай Фёдорович Бунаков, в книге «Моя жизнь» отмечал заслуги Ушинского в деле преобразования возглавляемого им журнала: «“Журналу Министерства народного просвещения”, которого прежде никто не читал, придан был педагогический характер и большой интерес, под редакцией Константина Дмитриевича Ушинского, плодотворная педагогическая деятельность которого обратила на него общее внимание».

Биограф Ушинского М. Л. Песковский написал первый крупный очерк о великом педагоге, который был издан в знаменитой серии Ф. Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей». В конце своего очерка Матвей Леонтьевич справедливо писал: «Такова уж судьба вообще всех даровитых русских людей, что, опережая время, им

приходится брать с бою каждый свой успех в жизни. Особенно тяжела и даже рискованна участь таких новаторов, как Ушинский, которым приходится изо дня в день, так сказать, перегорать душой, так как на их пути преграды и препятствия являются буквально на каждом шагу. Тут труднее, чем во всякой другой области, идти неуклонно по раз избранной дороге, не потерять любви и веры в дело, не озлобиться, не разочароваться. Серьёзно вникая в обстоятельства и условия педагогической деятельности Ушинского, нельзя не признать, что они мало чем отличаются, в сущности, от тех условий, при которых работал замечательный предшественник его, Е. О. Гугель, работавший инспектором Гатчинского института и кончивший так печально свою жизнь. И если Ушинский добился успеха, то это стоило ему чуть не половины века, на который он мог рассчитывать по своей замечательно воздержанной, аккуратной жизни. Это надо бы помнить и знать русским людям, чтобы достойно ценить заслуги своих великих работников».

Нельзя не согласиться с М. Л. Песковским, утверждавшим, что есть ещё и нечто другое, ставящее Ушинского совершенно в исключительное положение в ряду всех других русских деятелей.

Это другое состояло, по его мнению, в том, что смерть Ушинского, как никакого другого «российского деятеля», так горячо и глубоко «почувствовалась» по всей России, причём «даже в самых глухих провинциальных закоулках, куда только судьба забросила развитого священника, образованного сельского учителя и образованную русскую женщину». Более того, именно в этой дикой глуши свет и тепло великого таланта Ушинского чувствовались и ценились с особой силой. Именно здесь «по поводу смерти Ушинского было немало уронено горячих слёз благодарности и за осушение безвинно лившихся прежде горьких детских слез, и за возвышение роли учителя, и за облагораживание положения женщины».

Как это ни покажется странным, но, кажется, сама смерть Ушинского дала сильный толчок изданию его трудов. Даже такой серьёзный, капитальный труд, как двухтомная «Педагогическая антропология», всего через десять лет после смерти Ушинского, в 1881 г., вышла уже пятым изданием.

Ещё более удивительно распространение его учебных книг. В 1891 г., т. е. через 30 лет после выхода в свет первого издания «Детского мира», он вышел двадцать седьмым изданием, т. е. практически по одному изданию в год. Успех же «Родного слова» был поис-

тине поразителен, даже беспримерен на мировом и российском книжном рынке. В 1892 г., т. е. через 25 лет после выхода в свет первого «Родного слова», оно вышло девяносто девятым изданием, т. е. по четыре издания в год.

В общей сложности сочинения К. Д. Ушинского разошлись в разных классах и слоях русского населения в десятках миллионах экземпляров. Подсчитать их тираж просто невозможно. А если считать издание детских книжек Ушинского, то счёт пойдёт на сотни миллионов экземпляров, ведь практически каждый россиянин последние 170 лет просто не мог не читать в свои ранние годы детские книжки Ушинского. В советские годы тиражи серии «Моя первая книжка» доходили до нескольких миллионов экземпляров, и при этом она переиздавалась каждый год. Мы уж не говорим о переводах детских, и не только детских, книг Ушинского на языки народов России и СССР, их издания за рубежом, прежде всего, разумеется, в бывших «братских», так называемых социалистических странах. В этом отношении вряд ли кто из российских писателей может сравниться с К. Д. Ушинским.

На книгах Ушинского воспитывались и продолжают воспитываться поколения россиян – школьников и народных учителей. Поэтому с уверенностью можно сказать, что само имя Ушинский есть не что иное, как один из главных символов нашей страны и достояние нашего народа. К. Д. Ушинский в своё время заботливо искал «человека, на которого с гордостью можно бы указать нашим детям и внукам, и по безупречной дороге которого можно бы вести смело наши поколения». Но именно сам К. Д. Ушинский и является одним из таких людей.

Ушинский писал: «Пусть наша молодёжь смотрит на этот образ, и будущность нашего отечества будет обеспечена». Эти самые слова, без всякого преувеличения, можно отнести к личности самого К. Д. Ушинского.

Советские историки педагогики также неизменно оценивали исключительно высоко деятельность Ушинского. В. Я. Струминский писал: «Ушинский ушёл в могилу безвременно. Его дивный гений мог бы ещё многое сделать для педагогической науки, а, следовательно, и для русской культуры. Но и то, что он сделал, составляет огромную ценность. Деятельность Ушинского явилась водоразделом между старой, феодальной, и зарождавшейся новой, демократической, педагогикой. Её отцом у нас в России и явился Ушинский. Он

зложил прочные основы подлинно научной, на началах демократии построенной педагогической теории. Он поставил теоретически и практически разработал проблему начального обучения народа. Учителю рождающейся новой школы он показал, как нужно учить и развивать ребёнка, а ребёнку впервые дал почувствовать радость учения. Ежегодно сотнями тысяч расходились по русским школам учебные книжки Ушинского. Они прививали детям естественнонаучное мировоззрение и гуманную мораль, помогали свободно и всесторонне расти душевным силам детей, учили грамотному письму и чтению, давали культурные навыки, готовили к серьёзной работе в старших классах школы и в жизни. Мечту своей ранней юности, – принести возможно больше пользы отечеству, – Ушинский осуществил блестяще. А справедливый суд общественного мнения уже в дореволюционной России признал Ушинского народным русским педагогом и сделал его имя популярнейшим в ряду других великих имён русского народа. Но настоящая популярность Ушинского началась только тогда, когда Россия стала Советской. Сотни тысяч учителей нашей подлинно демократической начальной школы критически овладевают наследством Ушинского, делают его в наши дни орудием новой великой культуры, культуры социализма. 1943 год».

Деятельность Ушинского по написанию учебных книг дала мощный импульс к появлению новых талантливых методистов. Приведём только один пример. В 1901 г. в России был проведён конкурс имени К. Д. Ушинского на лучшую книгу для учеников начальных народных школ. Первые премии имени К. Д. Ушинского были присуждены преподавателю Глуховского учительского института М. А. Тростникову за книгу «Обучение грамоте, письму и грамматике» и учительнице начальной школы г. Кременчуга Полтавской губернии П. О. Зюковой за книгу для классного чтения «Товарищ». Обе книги были изданы в Санкт-Петербурге [72].

Известно, что в Богданке (ныне село Богдановка Ковтуновского сельского совета Шосткинского района Сумской области Республики Украина) Ушинский вдохновенно и легко работал над произведениями. Усадьба была целой ещё в 1920-х гг. Однако Вторую мировую войну усадьба не пережила. Именно здесь, в селе Богданка, дочь Ушинского Надежда в 1894 г. на средства семьи открыла школу, рассчитанную на первые два класса. Она была построена с помощью семьи Достоевских.

В газете «Киевское слово» от 21 декабря 1895 г. вышла статья, в которой говорилось об этом учебном заведении: «Наследниками

Ушинского в прошлом году построена прекрасная народная школа. Дом стоит не менее 10 000. Содержалась она на проценты размером 12 500 рублей, вложенных для этого Надеждой Константиновной».

Вообще-то Ушинский оставил средства на строительство пяти школ на Шостковщине. Были ли построены остальные школы, нам неизвестно. Скорее всего, нет, поскольку в литературе речь неизменно идёт только о школе в Богданке. Эта школа работала почти сто лет. В 1968 г. при ней обустроили мемориальную комнату-музей К. Д. Ушинского. Возглавил его шосткинский краевед Виктор Викторович Терлецкий. У школы был установлен бюст Ушинского. Памятник сохранился до сих пор, а вот совершенно обветшавшую от времени школу закрыли в 1990-х гг.

В 2000-х гг. на ремонт старинного здания из бюджета района выделялись средства, собирались пожертвования среди учителей, помогали поддерживать здание в надлежащем состоянии и школьники. В 1998 г. музей расширили, обогатили новыми экспонатами и документами, литературными публикациями. Однако из-за отсутствия сторожа постепенно из музея, который был при школе, начали исчезать вещи. Чтобы их сохранить, решили открыть музей в неподалёку расположенной Ковтуновской школе. Однако при передаче из одного заведения в другое исчезли старинная мебель, в частности журнальный столик из усадьбы Ушинского, и книги XIX в. Сейчас старинное здание школы находится в плачевном состоянии.

Другая дочь К. Д. Ушинского Вера на свои средства открыла в Киеве мужское городское училище имени К. Д. Ушинского. Таким образом, его дочери внесли свой посильный вклад в развитие того дела, которому посвятил свою жизнь их отец.

В Ярославском государственном педагогическом университете имени К. Д. Ушинского в 2006 г. открыт музей К. Д. Ушинского как структурное подразделение кафедры теории и истории педагогики (директор музея – кандидат психологических наук, доцент указанной кафедры Татьяна Николаевна Гаврилова).

Облик К. Д. Ушинского, воплощённый стараниями скульпторов в камне и бронзе, можно встретить в Санкт-Петербурге, во дворе Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена по адресу: Набережная Мойки, д. 48 (памятник работы скульптора В. В. Лишева, был открыт 30 июня 1961 г.), и в Москве, у входа в зал заседаний президиума Российской академии образования (ранее – Академия педагогических наук) по адресу: ул. Погодина,

д. 8. Авторство этого памятника, так же как и точное время его установки, неизвестно.

На территории факультета журналистики (бывший Аудиторный корпус) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: ул. Моховая, д. 9, строение 2 – в марте 1974 г. была открыта памятная доска К. Д. Ушинского.

Имя К. Д. Ушинского можно встретить во многих городах нашей страны и на Украине. Его именем названы улицы в Ярославле (бывшая Стрелецкая), Туле, Санкт-Петербурге, Иркутске, Липецке, Новокузнецке, Перми, Воронеже, Симферополе, Батайске, Киеве, Никополе, Харькове, Миллерове, а также учебные заведения в Туле, Гатчине, Симферополе, Киеве и других городах.

Именем К. Д. Ушинского названа Научная педагогическая библиотека, основанная в 1925 г. В настоящее время это информационный центр «Библиотека имени К. Д. Ушинского» Российской академии образования. «Ушинка» – любимое, по-настоящему культовое место педагогов-аспирантов.

В первый послевоенный год в СССР с небывалым размахом отмечалась 75-летняя годовщина со дня... смерти К. Д. Ушинского. Празднование было приурочено к 3 января 1946 г. (дате смерти К. Д. Ушинского по новому стилю).

Как писали газеты, эта дата превратилась в СССР в настоящее всенародное чествование Ушинского как великого русского педагога. В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров РСФСР массовым тиражом было осуществлено издание сочинений Ушинского, были учреждены стипендии его имени для студентов вузов и учащихся педагогических училищ, премии для учёных в области педагогики (ныне отменены). Была также учреждена серебряная медаль К. Д. Ушинского для награждения особо отличившихся учителей и деятелей в области педагогических наук.

Эта медаль была «переутверждена» приказом министра образования и науки Российской Федерации «О знаках отличия в сфере образования и науки» № 84 от 6 октября 2004 г., причём с всё той же ошибочной надписью на аверсе – 1824–1871.

Таким образом, автор полагает, что цель монографии, заключавшаяся в создании научно-художественного, литературного произведения, дающего достаточно цельное и полное представление о К. Д. Ушинском как о выдающемся россиянине и учёном-педагоге, достигнута. Исследовательские задачи, состоявшие во всестороннем изучении биографии и

трудов Ушинского, создании и реализации в ходе написания монографии историко-педагогической концепции, характеризующей Константина Дмитриевича как великого гражданина, патриота своей страны и учёного, полностью решены.

После смерти К. Д. Ушинского прошло более ста пятидесяти лет. Это ли не повод задуматься над тем, почему его наследие с каждым годом становится всё более актуальным.

Его идеи о народности в воспитании и об опоре на родной язык в обучении, борьба Ушинского и его единомышленников с западничеством и засильем устаревших учебных предметов, вопросы подготовки юного человека к жизни, развитие прогрессивных педагогических принципов и их реализация на практике, издание качественной педагогической литературы и многие другие чрезвычайно актуальны и сегодня...

Все эти вопросы с новой силой, хотя и на другом содержательном основании, вновь выдвигаются временем на передний план педагогической мысли, а это означает, что Ушинский в своей деятельности стремился решать действительно наиболее важные, «вечные» проблемы.

Ушинский и теперь с нами, ибо с нами его Педагогика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1987. С. 248–249.
2. *Беукой И. И.* Устав воспитания двухсот благородных девиц / Антология педагогической мысли России XVIII в. М. : Педагогика, 1985. С. 160–178.
3. Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде в 1862 г. Новгород : Тип. М. Сухова, 1862. 339 с.
4. *Водовозова Е. Н.* К. Д. Ушинский в Смольном институте // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 455–542.
5. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни и другие воспоминания : в 2 т. Т. 1. М. ; Л. : Академия, 1934. 548 с.
6. *Гаврилова Т. Н.* Судьба некоторых потомков великого русского педагога К. Д. Ушинского // Идеи К. Д. Ушинского и современная школа : материалы научно-практической заочной интернет-конференции. Ярославль : ЯГПУ, 2010. С. 43–50.
7. *Герцен А. И.* Былое и думы // Собр. соч. в 30 т. : т. 9. М. : Худож. лит., 1956. 362 с.
8. *Гончаров Н. К.* Педагогическая система К. Д. Ушинского. М. : Педагогика, 1974. 272 с.
9. *Гугель Е. О.* Детский сад. Дебют в России. Книга о том, кем, каким образом и на каких основах было создано российское дошкольное образование. СПб., 2011. 64 с.
10. *Гугель Е. О.* Детский сад до детского сада. СПб. : Агентство образовательного сотрудничества, 2003. С. 8.
11. *Гурьев П. С.* Воспоминания о Гугеле // Русский педагогический вестник. 1859. № 3–4. С. 28–36.
12. *Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г.* Биографический сборник Демидовского университета. Рыбинск : Рыбинский Дом печати, 1974. 360 с.
13. Документы из детского и юношеского возраста // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 238–274.
14. *Достоевский А. М.* Воспоминания. Л. : Академия, 1930. 460 с.
15. *Егоров С. Ф.* К. Д. Ушинский. Жизнь и педагогическая деятельность // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1988. С. 6–31.

16. *Ермилов В. Е.* Наш родной учитель. СПб., 1879. 76 с.
17. *Иванов А. Н. К. Д. Ушинский в воспоминаниях дочерей* / Новое об Ушинском (исследования и материалы о жизни, деятельности и педагогическом наследстве) : межвузовский сборник научных трудов. Вып. № 193. Ярославль : ЯГПИ, 1981. С. 11–50.
18. *Иванов А. Н.* Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Ярославль, 1963. 468 с.
19. *Иванов А. Н.* Ушинский. Гимназист. Студент. Профессор. Ярославль : ЯГПИ, 1973. 270 с.
20. К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах / сост. В. К. Зажурило. Л. ; М. : Учпедгиз, 1950. 132 с.
21. К. Д. Ушинский и русская школа. Беседы о великом педагоге / под ред. Е. П. Белозерцева. М. : Роман-газета, 1994. 192 с.
22. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаетова М. Ф.* История педагогики. М. : Просвещение, 1982. 448 с.
23. Куприянов Иван Киприянович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
24. *Малаховский В. А.* Несколько страничек о прошлом Гатчинского Николаевского сиротского института // Исторический вестник. 1914. Т. 135. № 3. С. 924–934.
25. Материалы о редакторской деятельности К. Д. Ушинского // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 301–311.
26. *Модзалевский Л. Н.* К биографии Ушинского : сб. материалов. Тифлис : Кавказ, 1881. С. 430–454.
27. Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников : сб. материалов / В. В. Григоренко, гл. ред. [и др.]. М. : Худож. лит., 1971. 598 с.
28. *Островский А. Н.* Дневник // А. Н. Островский. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 8. М. : Гослитиздат, 1952. 620 с.
29. Официальные известия. // Журнал министерства народного просвещения. 1846. Ч. 52. С. 10–11.
30. Памяти Ушинского : сб. СПб., 1896. 270 с.
31. Переписка К. Д. Ушинского и Н. С. Ушинской с Я. П. Пугачевским // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 218–236.
32. Переписка К. Д. Ушинского с Н. А. Корфом // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 200–217.
33. *Песковский М. Л.* Константин Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность / Библиографическая библиотека Ф. Ф. Павленкова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1893. 80 с.

34. *Писемский А. Ф.* Письма. М. ; Л. : Академия, 1936. 320 с.
35. *Покровский С. П.* Страницы из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Демидовском лицее // Вестник воспитания. 1911. № 9. С. 64–66.
36. *Полосин И. И.* К. Д. Ушинский, – его детство, отрочество и юность // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. XXXIII. М., 1946. С. 106–127.
37. *Помелов В. Б.* В. И. Водовозов: «Полезность общественная всегда будет моим девизом» // Педагогика. 2019. № 6. С. 97–105.
38. *Помелов В. Б.* Видный российский организатор образования И. Ф. Тимковский (к 250-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 4. С. 384–389.
39. *Помелов В. Б.* Видный российский педагог второй половины XIX в. Л. Н. Модзалевский // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (54). С. 268–275.
40. *Помелов В. Б.* В. И. Соколовский: человек, который «при-слал» в Вятку Герцена // Тринадцатые Герценовские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. М. С. Судовиков. Киров, 2022. С. 22–31.
41. *Помелов В. Б.* «Вятские эпизоды» в жизни великого русского педагога К. Д. Ушинского // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (56). С. 131–136.
42. *Помелов В. Б.* «Вятский след» в жизни великого русского педагога К. Д. Ушинского // Книжная культура российской провинции : материалы Всерос. науч. конф. / редкол. : Н. В. Стрельникова [и др.]. Киров : КОУНБ им. А. И. Герцена, 2022. С. 292–299.
43. *Помелов В. Б.* Д. Д. Семёнов – друг и последователь К. Д. Ушинского // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 3. С. 51–56.
44. *Помелов В. Б.* Директор Новгород-Северской гимназии Илья Федорович Тимковский (к 250-летию со дня рождения) // Педагогика. 2022. № 9 (86). С. 109–118.
45. *Помелов В. Б.* Дмитрий Иванович Тихомиров – «Третьяков» российской педагогики // Начальная школа. 2014. № 11. С. 67–74.
46. *Помелов В. Б.* Дорогое и любимое имя – К. Д. Ушинский // Начальная школа. 2014. № 3. С. 4–11.
47. *Помелов В. Б.* Илья Федорович Тимковский – первый наставник К. Д. Ушинского // Историко-педагогический журнал. 2022. № 4. С. 11–31.
48. *Помелов В. Б.* М. Л. Песковский – самоотверженный педагог и талантливый журналист // Вопросы педагогики. 2018. № 2. С. 68–74.

49. Помелов В. Б. М. Л. Песковский: штрихи к портрету / Одиннадцатые Герценовские Чтения : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 11–12 апр. 2017 г.) / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : Герценка, 2017. С. 156–166.
50. Помелов В. Б. Н. А. Корф – создатель земской школы // Педагогика. 2013. № 10. С. 91–99.
51. Помелов В. Б. Н. И. Пирогов: «Быть счастливым счастьем других» // Медицинское образование сегодня. 2019. № 1. С. 91–118.
52. Помелов В. Б. Основоположник российской педагогической публицистики: к 180-летию Н. Х. Весселя // Педагогика. 2014. № 7. С. 92–99.
53. Помелов В. Б. П. Г. Редкин: замечательный, но забытый педагог (к 210-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 37–41.
54. Помелов В. Б. П. Г. Редкин – основоположник русской теоретической педагогики // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3. С. 170–179.
55. Помелов В. Б. Первая женщина-методист начального образования // Начальная школа. 2016. № 6. С. 71–76.
56. Помелов В. Б. Просветительство русской православной церкви в российской провинции (на примере Вятского края) : монография. Саарбрюккен (Германия) : Sanktum, 2013. 352 с.
57. Помелов В. Б. Российская педагогика в лицах : монография. Саарбрюккен (Германия) : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 612 с.
58. Помелов В. Б. Российская прогрессивная педагогика второй половины XIX в. : монография. Киров : ВятГУ, 2020. 260 с.
59. Помелов В. Б. Российские педагоги второй половины XIX – начала XX вв. : монография. Киров : ВГПУ, 2000. 220 с.
60. Помелов В. Б. Российские педагоги: XIX–XX вв. : учеб. пособие / Серия «Поиски утраченного». Т. I (Электронный оптический диск). Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. 406 с.
61. Помелов В. Б. Российские педагоги и историки XIX в., братья Михаил и Василий Семевские // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (55). С. 203–212.
62. Помелов В. Б. «Светить всем, жаждущим света» (к 180-летию видного российского педагога Н. Ф. Бунакова) // Вопросы педагогики. 2017. № 8. С. 49–58.
63. Помелов В. Б. Смольный институт благородных девиц. К 250-летию со времени основания // Начальная школа. 2015. № 2. С. 84–89.

64. *Помелов В. Б.* 100 великих педагогов : научно-популярное издание. М. : Вече, 2018. 416 с.
65. Традиция гуманизма в истории зарубежного образования : монография. Киров : ВятГУ, 2019. 251 с.
66. Протест Ушинского против предъявленных ему обвинений // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 317–327.
67. *Рехневский Ю. С.* К. Д. Ушинский (некролог) // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 6–17.
68. *Семенов Д. Д.* Из пережитого. В Мариинской женской гимназии // Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М. : АПН РСФСР, 1953. С. 37–62.
69. *Семенов Д. Д.* Из пережитого. Мое знакомство с К. Д. Ушинским // Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М. : АПН РСФСР, 1953. С. 63–90.
70. Смерть К. Д. Ушинского. Медицинское заключение о причинах смерти К. Д. Ушинского // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 377.
71. *Старчевский А. В.* К. Д. Ушинский (Некролог) // Народная школа. 1885. № 1. С. 46–60.
72. *Струминский В. Я.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский. М. : Знание, 1961. 48 с.
73. *Струминский В. Я.* Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского. М. : Учпедгиз, 1960. 328 с.
74. *Струминский В. Я.* П. Г. Редкин – русский педагог второй половины XIX в. // Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения. М. : Учпедгиз, 1958. С. 7–57.
75. *Терлецкий В. В.* Просвита Богданка – пенаты Константина Ушинского. URL : <http://www.slovoprosvity.org.ua/?p=13866>
76. Труды второго Всероссийского съезда по народному образованию им. К. Д. Ушинского. СПб., 1914. 280 с.
77. *Ушинский К. Д.* Воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии // Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1988. С. 309–316.
78. *Ушинский К. Д.* Дневник. 1844–1845 гг. // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 11–41.
79. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения. М. : Учпедгиз, 1945. 568 с.

80. *Ушинский К. Д.* Одна из темных сторон германского воспитания // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 2 / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1988. С. 223–232.

81. *Ушинский К. Д.* О камеральном образовании // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1988. С. 67–128.

82. *Ушинский К. Д.* О пользе педагогической литературы // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1988. С. 160–176.

83. Отрывок из дневника. 1849 г. // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 42–44.

84. *Ушинский К. Д.* Письма к А. И. Скребницкому // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 193–200.

85. *Ушинский К. Д.* Письма к Л. Н. Модзалевскому // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в XI т. Т. XI / В. Я. Струминский, гл. ред. [и др.]. М. : АПН РСФСР, 1952. С. 164–193.

86. *Ушинский К. Д.* Письмо к Н. А. Корфу 15 января 1869 г. // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 2 / М. И. Кондаков, гл. ред. [и др.]. М. : Педагогика, 1988. С. 471–472.

87. *Фролков А. Ф.* К. Д. Ушинский. Краткий биографический очерк. М. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881. 73 с.

88. *Чалый М. К.* Воспоминания // Киевская старина. 1889. № 8. С. 290–353.

89. *Чалый М. К.* Жизнь и произведения Тараса Шевченко: свод материалов для его биографии. Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1882. 281 с.

90. *Чалый М. К.* Материалы для биографии Ушинского // Народная школа. 1874. № 4. С. 40–47.

91. *Чернышёв В. И.* К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Известия АПН РСФСР. Вып. 33. 1951. С. 126–127.

92. *Чумиков А. А.* Мои цензурные мытарства // Русская старина. 1889. № 12. С. 585–586.

93. *Шмурло Е.* Очерк жизни и научной деятельности К. И. Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1899. 70 с.

94. *Щимановский М. В.* П. Г. Редкин : биографический очерк. Одесса, 1891. 46 с.

95. *Pomelov V. B.* The activities of the educators in Russia in the first half of the XVIII Century (the case of the Vyatka Province) // History of education and children's literature. 2020, № 1 (15). Pp. 309–325.

96. URL: [https://ru.qaz.wiki/wiki/Monitorial_system/Jean-Baptiste_Girard_\(pedagogue\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Monitorial_system/Jean-Baptiste_Girard_(pedagogue)).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ДРУГ ДЕТСТВА МИША ЧАЛЫЙ

Друг детства Ушинского Михаил Корнеевич Чалый вошёл в российскую историю как организатор образования, литературовед, прогрессивный деятель культуры. Он родился 24 сентября 1816 в г. Новгород-Северске, в семье обедневших мещан. Чалые имели свой небольшой домик, располагавшийся на Тарелкиной улице.

В детские годы на формирование личности юноши большое влияние оказал его дед, столетний старец, который хорошо помнил борьбу украинских крестьян против польского панства. Рассказы деда будили в душе Михаила любовь к старине и посеяли первые зёрна национального самосознания. Первоначальное образование Миша получил в частной школе вдовы-капитанши «на Монастыре». Обучение там ничем не отличалось от обычной дьяковской науки, где ученики муштровали наизусть Псалтырь и Часослов.

В 1828 г., получив «отпускную» от мещанского общества, Михаил поступил в гимназию. В своих воспоминаниях он с тёплым чувством говорит о директоре гимназии И. Ф. Тимковском. Не исключено, что именно под его влиянием в сердце гимназиста зародились первые ростки интереса к литературной работе и глубокое уважение к классической мировой литературе. Несмотря на то что он был на шесть с половиной лет старше Кости Ушинского, учились они в одном классе. В старших классах из-за тяжёлых материальных обстоятельств Михаил вынужден был ездить зарабатывать репетиторством к детям местных помещиков.

Он окончил гимназию в 1840 г., в один год с Константином Ушинским, и после долгих хлопот родителей ему удалось поступить студентом «на казенный кошт» на словесное отделение Императорского Святого Владимира Киевского университета.

Усилия родителей Михаила были направлены на то, чтобы доказать свою финансовую несостоятельность; в этом случае пребывание сына в вузе не только становилось бесплатным, но ему предоставлялись стипендия и койка в интернате (общежитии) для казенно-коштных студентов. Поэтому позднее Чалый хотя и вспоминал недобрым словом солдатско-казарменный режим, царивший в университете и особенно в интернате, но преобладало в его «памятных записках» всё-таки чувство искренней благодарности в отношении своей альма-матер.

В 1844 г. началась его педагогическая деятельность, которая продолжалась ровно тридцать лет. Служил он сначала в г. Немирове учителем гимназии. В 1861 г. М. К. Чалый был назначен на должность директора гимназии в г. Белая Церковь. Он получил в наследство от своих предшественников заброшенное учебное заведение, без какой-либо дисциплины и воспитательного порядка.

Попечитель Киевского учебного округа Николай Иванович Пирогов, который посетил Белоцерковскую гимназию, даже хотел превратить её в «штрафную», т. е. вывести в число кандидатов на ликвидацию, потому что она по всем показателям – от учебно-воспитательных показателей до хозяйственной обеспеченности – постоянно занимала одно из последних мест в Киевской губернии.

В течение первых 15 лет своего существования гимназия удовлетворяла потребности только местного польского дворянства – шляхты. Чалый передал не подходящую для детского возраста часть художественной литературы из гимназической библиотеки в другие библиотеки, а библиотеку своей гимназии наполнил книгами на украинском и русском языках. Он стремился усилить православное влияние в гимназии и опирался при этом на крестьянских детей. С этой целью при Белоцерковской гимназии было открыто приходское училище. Из пожертвований сделал небольшой «склад» книг и раздавал их крестьянским детям.

Чалый помнил свои голодные студенческие годы и обращался к высшему начальству с просьбой о выделении стипендий малоимущим гимназистам. М. К. Чалый привлёк новых талантливых учителей в гимназию. Едва ли не каждый вечер в ней проходили различные собрания, велись дискуссии. Работал учебный кружок, на заседании которого обсуждались учительские новинки.

Эти и многие другие нововведения повышали уровень преподавания в гимназии, способствовали росту престижа Белоцерковской гимназии. Обращалось внимание и на религиозное воспитание гимназистов. По предложению и настоянию директора началось создание гимназической церкви. Она была открыта в 1868 г. и названа в честь святых апостолов Архипа и Филимона.

В 1869–1875 гг. Михаил Корнеевич работал директором Нежинского юридического лицея, носившего имя князя А. А. Безбородко, и гимназии при нём. Это учебное заведение имело славную историю. В нём в разные годы учились П. Г. Редкин, Н. В. Гоголь, А. С. Данилевский, Е. П. Гребенка, Н. В. Кукольник и другие в будущем известные деятели культуры.

Первые шаги по его основанию были сделаны графом Ильёй Андреевичем Безбородко. В итоге была открыта гимназия высших наук (1820–1832). Братья М. К. Чалого, Петр и Павел, окончили её в 1829 г. Следующие этапы в истории этого, в то время одного из самых престижных российских учебных заведений, были таковы: Нежинский физико-математический лицей (1832–1840), юридический лицей (1840–1875), Нежинский историко-филологический институт имени князя А. А. Безбородко (1875–1919). М. К. Чалый был последним директором лицея до его реформирования в историко-филологический институт.

Ещё во время работы в Немирове М. К. Чалый познакомился с известным украинским художником Иваном Максимовичем Сошенко (1807–1876). Он был его коллегой по гимназии. Впоследствии они дружили до смерти И. М. Сошенко. В 1858 г. Чалого назначили инспектором 2-й Киевской мужской гимназии, и он предложил и Сошенко переехать в Киев.

В Киеве, на квартире Сошенко, состоялось знакомство Чалого с будущим выдающимся украинским поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко (1814–1861). Об этой первой встрече М. К. Чалый вспоминал так: «Это было в Успенский пост, друзей я застал за завтраком, который в связи с постом был довольно скудным... В руках обоих приятелей было по половине солёного платаного судака, которым они ласовали без помощи ножа».

М. К. Чалый был одним из организаторов воскресных школ для неграмотных в Киеве в 1859 г. На имя попечителя Киевского учебного округа Н. И. Пирогова было подано прошение студентов университета св. Владимира об открытии школ для неграмотных. Эту просьбу горячо поддержали Шевченко, Сошенко и Чалый. Уже в конце года была открыта первая воскресная школа. Организаторы стремились дать неграмотным детям и взрослым основы письменности и счёта. Для этого уроки проводились бесплатно в воскресные и праздничные дни. В 1860 г. Шевченко из Санкт-Петербурга прислал 50 экземпляров «Кобзаря» для продажи в пользу воскресных школ, а также составил специально «Букварь южнорусский». В течение года в Киеве было открыто 7 воскресных школ.

По примеру киевских начали открываться воскресные школы в других городах и даже в сёлах. В Новгороде-Северске также была открыта воскресная школа, в которой на май 1861 г. обучалось 50 учеников. Принимал ли М. К. Чалый непосредственное участие в откры-

тии воскресной школы в городе, нам неизвестно. М. К. Чалый был в числе организаторов похорон Т. Г. Шевченко. Он выступил над гробом поэта в Киеве во время перевозки его тела в г. Канев.

В 1875 г. М. К. Чалый оставил службу и поселился в Киеве. Любимым занятием для него в этот период стало написание и издание автобиографических воспоминаний. В 1876 г. скончался его друг И. М. Сошенко. На его смерть М. К. Чалый откликнулся выпуском книги воспоминаний «Иван Максимович Сошенко», вышедшей в Киеве в том же году.

В 1882 г. начал выходить журнал «Киевская старина», и М. К. Чалый стал его постоянным сотрудником. Воспоминания М. К. Чалого печатались и в этом журнале. Они охватывают более чем полувековой период и принадлежат к лучшим образцам автобиографий, представляют большой исторический и художественный интерес; ярко рисуют быт дореформенной русской школы, в частности Новгород-Северской гимназии. В них он вспоминает преподавателей и друзей-гимназистов. Естественно, центральное место в них занимают зарисовки личности К. Д. Ушинского, к тому времени уже ушедшего из жизни.

Помимо «Воспоминаний» он отредактировал несколько статей и воспоминаний о Т. Г. Шевченко и Пантелеймоне Александровиче Кулише (1819–1897) и их переписку. В 1897 г. была напечатана его статья «Юные годы П. А. Кулиша». В этих публикациях Кулиш был охарактеризован как известный украинский поэт и прозаик, фольклорист и этнограф, переводчик, критик, редактор, историк и издатель; как автор концепции «хуторской философии», создатель «кулишовки» – одной из ранних версий украинского алфавита, наконец, как главный автор первого полного украинского перевода Библии.

Из отдельных публикаций перу М. К. Чалого принадлежат брошюры «Записки украинца о польском восстании 1863 года» и биографический очерк «Андрей Иванович Дикой». Коллеги по журналу вспоминали М. К. Чалого как энергичного, решительного человека с внешностью казацкого полковника, которая точно соответствовала его характеру.

Особенную ценность представляет вышедшая в 1882 г. книга «Жизнь и произведения Тараса Шевченко (свод материалов для его биографии)», принёсшая ему широкую известность [89]. Эта книга содержала наиболее полное для своего времени жизнеописание великого поэта и глубокую характеристику его творчества. Книга длительное время считалась лучшей биографией «Кобзаря».

Чалый впервые опубликовал ряд важных материалов о пребывании поэта в Оренбуржье. Книга его, однако, свидетельствует, что изучение окружения Шевченко периода его солдатчины в то время целенаправленно не велось. Чалый смог назвать немногим более 25 лиц, с которыми Шевченко в этот период встречался или переписывался. Это имена, почерпнутые исключительно из писем Шевченко и сообщённые, почти во всех случаях, без дополнительного реального комментария. В дальнейшем исследователь усилил сбор материалов о таких лицах, о чём свидетельствует его переписка с армейскими сослуживцами Шевченко И. И. Евфимовским-Мировицким, И. А. Романиным и др.

За свою многолетнюю педагогическую деятельность Чалый был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени (1864) и орденом Св. Владимира 3-й степени (1874). Умер М. К. Чалый в Киеве 6 (19) февраля 1907 г. Похоронен на Байковом кладбище. В 1961 г. в Киеве в его честь названа улица.

II. СТУДЕНЧЕСКИЕ КРУЖКИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Первый такой кружок в 1827 г. создали братья Василий, Михаил и Пётр Критские. Они и другие члены кружка считали себя последователями декабристов, восхищались ими. Будучи противниками монархии, они выступали за принятие конституции, верили в «очищающую» роль революции и восстания народных масс. Свои воззвания они удостоверяли печатью с надписью «Вольность и смерть тирану». Кружок был разгромлен в 1827 г. Василий умер в тюрьме, Михаил и Пётр отправлены в рекруты.

Следующая по времени тайная антиправительственная организация была создана 26-летним выпускником университета Николаем Петровичем Сунгуровым в 1831 г. Её основу составили студенты университета Я. И. Костенецкий, П. А. Кашевский, Ю. П. Кольрейф, Ф. П. Гуров, П. А. Антонович, А. Кноблех и др. Организация носила политический характер и выступала за необходимость подготовки восстания в Москве, за свержение монархии, убийство царя и введение конституции. Сунгуров обсуждал с членами общества планы подготовки революционного переворота, для успеха которого, по его замыслу, было необходимо захватить артиллерию, вооружить народ и

поднять его на восстание. Члены кружка планировали заняться рассылкой воззваний в разные города России с разъяснением целей восстания и призывом выслать в Москву народных представителей для разработки конституции. В 1832 г. было арестовано 26 членов кружка, и он прекратил свою деятельность. Многие члены кружка были приговорены к смертной казни, которая позже была заменена ссылками и пожизненной каторгой.

Кружку Николая Владимировича Станкевича (1813–1840) принадлежит особая роль в развитии отечественной философской мысли в 1830-х гг. В этот кружок входили такие в будущем известные личности, как литературный критик В. Г. Белинский, поэт А. В. Кольцов, писатель И. С. Тургенев, славянофил К. С. Аксаков, историк Т. Н. Грановский, основатель анархизма М. А. Бакунин. Члены кружка интересовались больше философскими, нежели социально-политическими проблемами. Популярность кружка объяснялась также творческой и дружелюбной атмосферой встреч. Кружок прекратил существование в 1839 г., причём многие участники перешли в другие кружки. Но Станкевичу не чужды были и практические шаги, направленные на оказание помощи сосланным в солдаты студентам; за это за ним, а также за Н. П. Огарёвым и А. И. Герценом, был установлен надзор полиции.

Свой кружок Александр Иванович Герцен и Николай Платонович Огарёв создали в 1831 г. В него входили Н. Х. Кетчер, А. К. Лахтин, М. П. Носков, И. А. Оболенский, В. В. Пассек, А. Н. Савич, Н. И. Сазонов, Н. М. Сатин; всего одиннадцать человек. Члены кружка обычно собирались в доме Огарёва на Большой Никитской улице. В отличие от кружка Станкевича, кружок Герцена – Огарёва был куда более политизирован. Здесь обсуждались идеи свободы, равенства и братства. Герцен и его единомышленники выступали за введение в стране конституции и республиканского строя, но в то же время они были противниками насилия. Теоретическое обоснование своих идей они видели в теории утопического социализма Анри Сен-Симона и планировали проведение революционной пропаганды.

В декабре 1833 г. Огарёв и поэт В. И. Соколовский возле здания Малого театра пели «Марсельезу». Затем в июле 1834 г. на вечеринке, подготовленной провокатором, членами кружка пелись песни, «наполненные гнусными антиправительственными выражениями». Так возникло дело «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Члены кружка были арестованы. Двое из них вскоре умерли: В. И. Соколов-

ский – в ссылке в Ставрополе, А. В. Уткин – в каземате Шлиссельбургской крепости. Герцен был сослан в Пермь, затем в Вятку и Владимир, Огарёв и Оболенский – в Пензу [40, с. 31].

Многие университетские преподаватели и студенты представляли собой своего рода фронду тогдашнему самодержавию. Студенчество остро реагировало на проявления социальной несправедливости, что, в частности, находило своё отражение в антикрепостническом творчестве юных студентов Лермонтова и Белинского. А. И. Герцен писал об особом значении университета как об островке демократии и свободомыслия, впрочем, весьма ограниченного: «Опальный университет рос своим влиянием: в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России, со всех сторон, из всех слоёв; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои её». «Я так многим обязан университету, – писал об университете своего времени А. И. Герцен, – и так долго после курса жил его жизнью, с ним, что не могу вспоминать о нём без любви и уважения».

III. А. А. ПОТЕХИН: ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК К. Д. УШИНСКОГО

Русский драматург и романист Алексей Антипович Потехин родился 1(13) июля 1829 г. в г. Кинешма Костромской губернии в семье мелкопоместного дворянина, служившего казначеем уездного суда. Младший брат Алексея Николай (1834–1896) также стал литератором, автором театральных пьес. Другой брат, Павел (1839–1916), служил адвокатом.

По окончании местной гимназии Алексей в 1846–1849 гг. учился в Ярославском Демидовском лицее. За сочинение «Образование присутственных мест при Петре Первом», написанном под руководством К. Д. Ушинского, он был награждён золотой медалью и переведён на казённое обучение. Окончил лицей с серебряной медалью. Служил офицером, чиновником особых поручений при костромском губернаторе. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. служил в качестве доверенного лица по управлению имениями Игнатьевой в селе Горки и князей Голицыных в с. Карабиха Ярославской губернии, как раз накануне покупки его Н. А. Некрасовым.

С 1850 г. А. А. Потехин целиком посвятил себя литературной деятельности, сблизился с А. Н. Островским и редакцией журнала «Москвитянин». В 1856 г. вместе с писателями А. Ф. Писемским, А. Н. Островским, С. В. Максимовым, М. Л. Михайловым, А. С. Афанасьевым-Чужбинским принял участие в известной литературно-этнографической экспедиции по исследованию культуры Поволжья, снаряжённой по инициативе великого князя Константина Николаевича. В 1880-х гг. заведовал репертуарной частью Санкт-Петербургских Императорских театров.

Литературная деятельность Потехина началась в 1852 г. сценами из провинциального быта: «Забавы и удовольствия в городке», напечатанными в «Современнике». Затем в «Москвитянине» появились его рассказы и романы из народной жизни: «Тит Софроныч Казанок», «Крестьянка» и другие. Они обратили на себя внимание знанием крестьянской жизни и колоритным языком. Потехин не раз возвращался к сюжетам из народной жизни.

В 1870-е гг. он опубликовал в «Вестнике Европы» рассказы «Около денег», «Хай-Девка», «Хворая» и др. Опубликовал в «Русском вестнике», «Современнике», «Библиотеке для чтения» и других журналах повести, романы и драмы, в которых обличал дикость старого быта. Таков роман «Бедные дворяне», изображающий старинную помещичью семью с её приживальщиками и шутами. Роман «Крушинский» осмеивает дворянское чванство. Шумным успехом пользовались драмы Потехина «Мишура» и «Отрезанный ломоть», встретившие препятствия при постановке на сцене: «Мишура» находилась под запрещением 4 года, «Отрезанный ломоть» был запрещён после 13-го представления. Комедия «Вакантное место» не была дозволена к представлению. Потехин написал несколько драм из народной жизни: «Чужое добро в прок не идёт», «Суд людской не Божий», «Около денег» (переделка романа) и др.

В 1873–1874 гг. в столичном издательстве К. Н. Плотникова вышло его собрание сочинений в семи томах. В 1903–1905 гг. в Санкт-Петербурге в издательстве «Просвещение» вышло собрание его сочинений уже в 12 томах.

А. А. Потехин был членом Общества любителей российской словесности. В 1880 г. стал одним из инициаторов создания первого памятника Н. В. Гоголю на Никитском бульваре в Москве. В 1900 г. избран почётным академиком Академии наук по разряду изящной словесности. Умер 16 (29) октября 1908 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры.

Его дочь, Раиса Алексеевна Потехина (1861–1890), известная актриса. В 1885 г. была принята в состав драматической труппы московского Малого театра, причём дебютировала в комедии своего отца «Виноватая». Ей удалось заявить свои сценические способности в бытовом амплуа. Исполнением ролей старой девы-литераторши («Семья»), стрельчихи («Правительница София»), крепостной девки («В старые годы») Потехина завоевала себе видное место среди своих товарищей по сцене.

IV. МИНИСТР НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. С. НОРОВ

Крупный учёный, военный, путешественник и писатель Авраам Сергеевич Норов вошёл в российскую историю как поистине героическая, но, увы, ныне совершенно забытая личность. С первых дней противостояния наполеоновскому нашествию он участвовал в Отечественной войне 1812 года в составе 1-й Западной армии.

В Бородинском сражении прапорщик 2-й лёгкой роты гвардейской артиллерии Норов, командуя взводом из двух пушек, был тяжело ранен в левую ногу; ядром ему оторвало ступню. Ногу пришлось ампутировать по колено. Несмотря на столь явно выраженную инвалидность, Норов оставил военную службу только в 1823 г., в чине полковника.

Считается, что он был единственным одноногим моряком времён парусного флота. В 1827 г. в Портсмуте Норов неоднократно сходил на берег и запомнился инспектору маяков Томасу Стивенсону, отцу будущего знаменитого писателя Роберта Льюиса Стивенсона. Он рассказал сыну о героическом русском моряке и тем самым подал ему идею для создания образа Джона Сильвера в «Острове сокровищ». Разумеется, А. С. Норов не был ни пиратом, ни поваром, каковым изобразил Стивенсон-сын одноногого моряка в своём романе. С 1827 г. Норов служил в Министерстве внутренних дел. В 1849 г. он был назначен сенатором, в 1850 г. – товарищем (т. е. заместителем) министра народного просвещения.

С 7 (19) апреля 1853 по 23 марта (4 апреля) 1858 г. Норов был министром народного просвещения. Он приложил немало усилий к тому, чтобы значительно увеличить количество студентов немногочисленных в ту пору российских вузов. Норов восстановил практику отправления молодых учёных на стажировку за границу.

Будучи полиглотом и знатоком древних языков, он расширил программу преподавания в гимназиях и университетах по древним языкам. А. С. Норов был действительным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности (1851), председателем Археографической комиссии (1851), членом Русского географического и многих других отечественных и зарубежных научных собраний и обществ.

Выйдя в отставку, он все силы отдавал литературе и истории. Много писал в стихах и в прозе. Норов был первым русским учёным, умевшим читать иероглифическую письменность. Более того, он владел английским, латинским, французским, немецким, испанским, итальянским, арабским, лужицким, чешским, древнегреческим, древнееврейским и итальянским языками. Он занимался переводами на русский язык трудов Вергилия и Горация, сонетов Франческо Петрарки, поэм «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто и «Освобождённый Иерусалим» Торквато Тассо.

Его личное книжное и рукописное собрание, состоявшее из 16 тысяч экземпляров, являлось одним из лучших в России. Оно включало в себя памятники XV–XIX веков, в том числе 155 инкунабул: редчайшее издание «Естественной истории» Плиния, первое иллюстрированное издание «Божественной комедии», подборку первых и прижизненных изданий Джордано Бруно и Томмазо Кампанеллы, множество других раритетов.

А. С. Норов был вхож в литературные салоны Москвы и Санкт-Петербурга. Он не принадлежал к какой-либо литературной «партии» и печатался в журналах и альманахах противоборствующих направлений, в частности в «Полярной звезде», «Сыне Отечества», «Русском инвалиде» и других периодических изданиях. Среди его друзей были А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский. На смерть Пушкина он откликнулся стихотворением «Памяти Пушкина» («Погас луч неба, светлый гений...», 1837).

Благодаря А. С. Норову коллекция Эрмитажа пополнилась бесценной статуей Мут-Сохмет (XV в. до нашей эры). Описания всех путешествий А. С. Норова были собраны в пять томов и изданы в 1854 г. в Санкт-Петербурге. У А. С. Норова были два брата, которые также вошли в русскую историю: декабрист Василий и поэт Александр.

Мы намеренно дали столь подробную характеристику министра народного просвещения А. С. Норова, дабы показать на этом примере, что руководителями образовательного ведомства в царское время

становились и такие сверхобразованные и многогранные личности. А. С. Норов, как оказалось впоследствии, сыграл столь важную роль не только в судьбе великого русского педагога К. Д. Ушинского, но и всего российского, прежде всего женского, образования, ведь назначение Ушинского инспектором классов закрытого женского учебного заведения, в котором в то время учились более семисот девушек, было вызвано осознанной тем же Норовым, и, разумеется, не им одним, назревавшей потребностью реформировать это крупное учреждение с целью развития образования женщин в соответствии с настоятельно ощущавшимися в то время потребностями.

V. СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Работа К. Д. Ушинского в Смольном представляет собой вершину организационно-административной работы Ушинского, поэтому необходимо рассказать подробнее об этом во многом неповторимом учебном заведении. Первое в России женское учебное заведение закрытого типа было создано в Санкт-Петербурге по инициативе выдающегося русского просветителя Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795) и в соответствии с указом, подписанным Екатериной II 24 апреля (5 мая) 1764 г. Бецкой надеялся с целью смягчения классовых противоречий посредством воспитания создать «новую породу людей», например справедливых дворян, гуманных купцов.

Обязательным условием формирования такой «породы» он считал строгую изоляцию детей от пагубного влияния полного пороков и предрассудков крепостнического общества. С этой целью он и создал ряд закрытых учебно-воспитательных учреждений, среди которых Смольный институт занимал особое место [1].

Екатерина II, восторженная поклонница прогрессивных идей Мишеля Монтеня, Джона Локка и Франсуа Фенелона, вовсе не стремилась учредить учебное заведение наподобие института Сен-Сир в Версале, ведь, как известно, перед французским институтом не ставилось более высоких задач, нежели подготовка фрейлин для королевской свиты, а, стало быть, все обучение в основном ограничивалось преподаванием изящных манер.

Российская императрица ставила перед учреждаемым ею учебным заведением куда более высокую цель. Как говорилось в указе, оно было создано для того, чтобы «дать государству образованных

женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Первоначально училище называлось «Императорское воспитательное общество благородных девиц» и размещалось в помещении Воскресенского Новодевичьего женского монастыря (архитектор Ф. Б. Растрелли), располагавшегося в окрестностях столицы, неподалёку от деревни Смольной, получившей своё наименование по основному занятию местных жителей – смолокурению, т. е. возгонке дёгтя из берёзовой древесины.

Ещё в петровские времена в каждом дворе располагался «смольный двор». Отсюда более распространённое название – Смольный институт благородных девиц. По уставу дети должны были поступать в заведение не старше 6-летнего возраста и оставаться в нем в течение 12 лет. С родителей бралась расписка в том, что они не будут требовать их назад ни под каким предлогом до истечения этого срока. Императрица надеялась, удалив детей на долгий срок от невежественной среды и вернув туда, спустя годы, уже развитую и облагороженную девушку, способствовать тем самым смягчению нравов и созданию «новой породы людей». Сенату было предписано разослать устав заведения по всем губерниям, провинциям и городам, «чтобы каждый из дворян мог, если пожелает, поручить дочерей своих в младенческих годах сему учреждённому воспитанию».

Первой начальницей института благородных девиц была назначена Анна Сергеевна Долгорукая, представительница знаменитого дворянского рода. Однако, как вскоре выяснилось, она не обладала в полной мере необходимыми для руководства институтом личными качествами, прежде всего деловыми, и уже через несколько месяцев, в том же 1764 г., её сменила выпускница Сен-Сира Софья Ивановна де Лафон, руководившая институтом в течение 33 лет. Далее руководство институтом осуществляли Елизавета Александровна Пальменбах (1797–1802), Юлия Фёдоровна Адлерберг (1802–1839), Мария Павловна Леонтьева (1839–1875), Ольга Александровна Томилова (1875–1886), Мария Петровна Новосильцева (1886–1895), Елена Александровна Ливен (1895–1915), Вера Васильевна Голицына (1915–1919).

Для поступления в Смольный институт необходимо было сдать экзамены по французскому и русскому языкам, а также пройти собеседование на знание постулатов православной веры. В институт ежегодно принимали на казённый счёт 200 дочерей потомственных дворян чином не ниже полковника или действительного статского советника. Однако немногие из знати были согласны обрекать своих доче-

рей на «безвыездные» 12 лет учёбы, после которых вставал нелёгкий вопрос о выдаче замуж чересчур уж образованной и не такой уж молодой по меркам того времени девицы. Именно поэтому основной состав учениц был хотя и родовитым, но сравнительно небогатым. Помимо казённых мест для воспитанниц, часть девушек содержалась за счёт стипендий, вносимых императорской семьёй. Так, уже после восстания декабристов (1825) некоторые из дочерей его руководителей учились в Смольном. Так, обе дочери декабриста Каховского закончили обучение с серебряными медалями и были пансионерками Николая I.

Очевидцы вспоминали, что когда в институт приезжали дочери императора, великие княжны, то они и дочери декабристов нередко вместе проводили время в играх и музицировании. И. И. Бецкой обучал за свой счёт по десять девочек каждого класса, положив на их имя в банк особый капитал.

Делали ежегодные взносы на содержание стипендиаток Орловы, Голицыны, Демидовы и Салтыковы. Смольнянки, обучавшиеся за счёт частного лица, носили на шее ленточку, цвет которой выбирал благотворитель. Так, у стипендиаток Павла I они были голубые, у «демидовских» – померанцевые (оранжевые), протеже Бецкого повязывали зелёные, а стипендиатки Салтыкова – малиновые. За тех, кто не мог получить какую-либо стипендию, вносили плату родные. В начале XX в. это было около 400 р. в год.

В программу обучения в институте входило обучение достаточно широкому кругу предметов. В младшем классе изучались русский и два иностранных языка, арифметика, рисование, танцы, музыка и рукоделие. Во 2-м классе к этим предметам добавлялись география и история. В 3-м классе вводилось чтение нравоучительных и исторических книг, а также элементы архитектуры и геральдики. В 4-м классе предусматривалось знание «совершенного закона, все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости».

Важное место в ходе обучения занимало религиозное воспитание, обучение светским манерам, различные виды домоводства. В 1765 г. при институте, учреждённом первоначально как закрытое привилегированное учебное заведение для дочерей дворянской знати, открылось отделение «для мещанских девиц» недворянских сословий, кроме крепостного крестьянства. Они получали элементарную общеобразовательную подготовку; особое внимание уделялось шитью и домоводству.

12-летний срок обучения делился на 4 класса. Каждый класс длился три года. Воспитанницы института носили форменные платья определённого цвета: 1-й класс – кофейного, 2-й – темно-синего, 3-й – голубого, 4-й белого. Кофейный цвет символизировал близость к земле и был более практичен, особенно для младших детей. Более светлые цвета символизировали возрастающую образованность и аккуратность. Первым трём возрастам полагались белые передники, самым старшим выдавались зелёные.

Педагоги института, находившиеся под благотворным влиянием гуманных идей французских просветителей, стремились дать девочкам общечеловеческое воспитание, стремились формировать их всесторонне. Вместе с тем в 1783 г. Комиссия для заведения в России народных училищ установила плохое знание воспитанницами русского языка и дала предписание увеличить количество часов на его изучение, а также проводить все предметы на русском языке.

После смерти императрицы Екатерины II (1796) император Павел I поручил своей супруге императрице Марии Фёдоровне руководство благотворительными, лечебными учреждениями и женскими учебными заведениями. Так возникло учреждение, получившее в 1854 г. название Ведомство учреждений императрицы Марии, просуществовавшее до октября 1917 г. Были изменены учебные программы, отменялся «кофейный» класс; дети стали приниматься с 8–9 лет и оставались в институте в течение девяти лет. Императрица считала, что воспитание мещанских девиц должно ограничиваться подготовкой их «добрыми жёнами, добрыми материями и добрыми хозяйками, на что вполне достаточно шести лет». Поэтому в Мещанское училище стали принимать с 11–12 лет. Император утвердил «комплект» мещанских воспитанниц в 200 человек. Согласно новому плану, в первом возрасте преподавались чтение, письмо и грамматика трёх языков, география, история и арифметика, причём все предметы вводились постепенно. В этом же возрасте предполагалось обучать девиц «танцеванию, рисованию, началам музыки и рукоделиям, женскому полу свойственным». На все предметы полагалось 42 часа в неделю.

Реформа меняла характер Воспитательного общества. Широкие задачи, поставленные Екатериной II, заменялись более узкими и утилитарными. Мария Фёдоровна признавала женщину «достойным и полезным членом государства», но только в качестве хозяйки.

Поэтому вместо книги «О должностях человека и гражданина», которая изучалась при Екатерине II, теперь стали читать «Отечественные

советы моей дочери», в которой, в частности, говорилось: «Бог и человеческое общество хотели, чтобы женщина зависела от мужчины, чтобы она ограничила свой круг своей деятельности домом, чтобы она признавала свою слабость и преимущество мужа во всяком случае и снискала бы его любовь и приязнь скромностью и покорностью».

Женщина должна быть «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка; должна разделять своё существование между детской и кухней, погребом, амбаром, двором и садом». Мария Фёдоровна строго разграничила сословия; она видела «большие неудобства в смешении благородных девиц с мещанскими, ибо несомненно, что обязанности и назначение последних во многих отношениях различаются от обязанностей и назначения благородных девиц».

Она отменила было обучение мещанок иностранным языкам, но при приёме 1797 г. выяснилось, что «из новопринятых воспитанниц многие уже изрядно обучены французскому языку мещанками, из того же Общества выпущенными». Узнав об этом императрица, в отмену своего прежнего решения, повелела совету института вновь ввести преподавание французского и немецкого языков в мещанском училище, чтобы тем самым дать его воспитанницам в будущем средства к жизни.

Однако через год было отменено преподавание естественной истории. Эта система образования, выработанная в 1797 г., существовала в женских институтах почти полвека.

С уменьшением срока обучения на Николаевской половине серые платья были упразднены, а «белому» классу стали выдавать зелёные платья с белым передником. Те же самые цвета (кофейный, синий и зелёный) обычно использовались и в других институтах. Форма состояла из собственно платья с коротким рукавом и вырезом, фартука (передника), пелеринки и нарукавников на тесёмках.

В 1848 г. открылся 2-годичный педагогический класс для подготовки учительниц. Педагогику преподавал видный организатор женского образования Николай Алексеевич Вышнеградский. Учениц педагогического класса называли пепиньерками. Они обычно носили серые платья.

Пепиньерками становились девушки, которые желали по окончании основного курса получить дальнейшее образование с тем, чтобы в дальнейшем стать классной дамой. В качестве практиканток их использовали как помощниц воспитательниц.

В 1848 г. «мещанская половина» Смольного института была преобразована в Александровское училище (с 1891 г. – Александров-

ский институт). «Дворянская половина» стала, соответственно, Николаевским училищем (институтом).

В 1859–1862 гг. инспектором классов Смольного института был К. Д. Ушинский, который осуществил в нем ряд прогрессивных преобразований. Он ввёл новый семилетний учебный план с бóльшим, нежели раньше, количеством часов, отведённых на русский язык, географию, историю и естествознание, организовал предметные уроки, а также ввёл опыты по физике.

Кроме того, он преобразовал существовавшую систему классов: вместо трёхгодичных они стали одногодичными. Его единомышленниками стали передовые учителя, которых он пригласил работать в институт: В. И. Водовозов, Я. П. Пугачевский, Н. И. Раевский, М. И. Семейский, Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский, М. И. Косинский и др.

Воспитанница института Елизавета Николаевна Цевловская, впоследствии вышедшая замуж за В. И. Водовозова, вспоминала: «Объединив новых учителей в тесный дружеский кружок, всею душою преданный делу обновления преподавания, Ушинский устроил учительские конференции, чего никогда не существовало в стенах Смольного. На них обсуждалось применение новых программ и способов обучения, и делалось это с главной целью установить единство преподавания во всех предметах».

После вынужденного ухода Ушинского из института летом 1862 г. его основные преобразования были ликвидированы. Во второй половине XIX в. Смольный фактически все ещё отставал по характеру и объёму даваемого в нём образования от женских гимназий, и лишь в 1905–1907 гг. его программы были приравнены к программам Маринских женских гимназий.

Выпускницы сдавали экзамены. При этом настоящими испытаниями, по результатам которых распределялись награды, были инспекторские экзамены, то есть принимавшиеся в присутствии инспектора классов (зам. директора). Публичные экзамены, иногда в присутствии даже царских особ, были формальностью: на них лучшие ученицы пересказывали заранее выученные билеты.

По окончании института шесть лучших выпускниц получали так называемый «шифр», представлявший собой золотой вензель в виде инициала царствующей императрицы; его прикалывали к белому банту с золотыми полосками и носили на левом плече.

Также вручались золотые и серебряные медали. Выдавались награды и по окончании каждого класса: книги, карандаши, инструменты для рукоделия.

В институте царил строгий распорядок дня. Подъем был в шесть часов утра. Обычное меню середины XIX в. включало такой завтрак: кусок хлеба с небольшим количеством масла и сыра, порция молочной каши или макарон. На обед давали жидкий суп без мяса, на второе – мясо из этого супа и маленький пирожок. Вечером – чай с булкой. В посты рацион становился ещё более скудным: на завтрак могли дать несколько картофелин с постным маслом и кашу-размазню, в обед – суп с крупой и постный пирожок. Некоторые девочки оказывались в лазарете с диагнозом «истощение».

Если девушка имела карманные деньги, то она могла иметь более сытный завтрак в комнате воспитательниц, отдельно от других институток. Девушки могли также потихоньку договориться с прислугой о покупке продуктов. Но это сурово каралось классными дамами в случае обнаружения.

Уроки обычно шли с 7 до 11 часов, а затем с 14 до 16 часов. Главным предметом считался язык знати – французский. К окончанию института многие девочки знали его лучше русского. За вульгарное поведение могли исключить из института.

Большое внимание уделялось религиозному воспитанию. Нравственное воспитание включало в себя усвоение «светских добродетелей»: кротости, учтивости, благонравного поведения, скромности и великодушия.

Особое место отводилось экономическому образованию. Даже при обучении арифметике давались задания, которые должны были помочь будущей хозяйке в содержании в порядке домашней экономики. Воспитанницы сочиняли счета о дневных расходах, вели ежедневную запись домашних расходов, «договаривались» с поставщиками о припасах, «определяли цену» каждому товару и т. п.

Занятия чередовались с физическими упражнениями и прогулками воспитанниц на свежем воздухе в саду, в котором были устроены фонтаны и пруды; один для купания летом, два других служили украшением сада.

Уставом предусматривалось развитие педагогических способностей девиц: старшие воспитанницы должны были заниматься по несколько часов с младшими, с тем чтобы, получив некоторый педагогический опыт и став впоследствии матерями, они могли обучать своих детей.

В свободное от занятий время воспитанницам рекомендовалось чтение книг исторического характера и нравоучительных историй, главным образом, на французском языке.

Особенно высоко ценились знание языков, игра на арфе, пение, лепка, рисование, вышивание, вычерчивание географических карт. Свободное время строго регламентировалось.

Жили девочки в спальнях (дортуарах) по 9 человек с приставленной к ним дамой-надзирателем. Кроме того, за ними была закреплена ещё и классная дама, которая следила за поведением девочек на уроках.

За исключением первых лет существования Смольного и короткого периода инспекторства Ушинского, диалоги между преподавателями и девушками на уроках не поощрялись. Задавать вопросы по изучаемой теме тоже не полагалось. Оценки ставились по 12-балльной шкале, По результатам успеваемости выдавали такие знаки отличия, как бант, цвет которого обозначал степень учебной успешности его носительницы, а также шнурки с кисточками, которые повязывали на волосы. Обязательными были уроки физкультуры, включавшие гимнастические упражнения.

Встречи с родственниками были ограничены двумя приёмными днями. Свидание могло продолжаться не более двух часов. Особенно тяжело приходилось девочкам, приехавшим издалека. Они порой не виделись со своими родными длительное время. Вся переписка строго контролировалась классными дамами, которые читали письма перед отправкой и после их получения. Основным критерием отбора классных дам, обязанных следить за достойным воспитанием девочек, обычно был незамужний статус.

Институтки были отгорожены от влияния семьи, но не от мира вообще. Их вывозили на прогулки и придворные мероприятия; в стенах Смольного устраивались торжественные обеды и спектакли. Иногда их выводили в Таврический сад, но под строгим контролем со стороны надзирательниц, делая всё, чтобы не допустить их контакта с другими гуляющими.

Несколько раз в год: в день именин императора и императрицы, на Новый год – устраивались балы, на которых присутствовали все воспитанницы и начальство. Несколько часов девочки танцевали друг с другом. Изредка устраивались балы с приглашением кавалеров-родственников, причём родство считалось обязательным условием приглашения. С началом Первой мировой войны прекратились и эти малочисленные праздники: веселиться считалось предосудительным.

Телесные наказания для воспитанниц не были приняты, однако окрик и брань нередко входили в «педагогический арсенал» некото-

рых наставниц. Нередко нарушительницу позорили перед всем институтом: снимали передник, прикалывали к платью неубранную ею бумажку или незаштопанный чулок; оставляли стоять посреди столовой во время обеда.

Особенно тяжело приходилось страдавшим энурезом; их заставляли идти на завтрак с мокрой простыней, повязанной поверх платья. Выговор можно было получить и за громкий разговор на перемене, небрежно заправленную постель, не по уставу завязанный бант или выбившийся локон из строгой причёски. Выше всего ценилось полное подчинение правилам институтского устава. Послушных воспитанниц называли «парфетками» (франц. «parfait» – «совершенная»), шалуни именовались «мовёшками» (франц. «mauvais» – «дурная»).

Внешность учениц строго регламентировалась. Девочки одного возраста должны были иметь одинаковую причёску. Младших девочек часто коротко стригли, а старших заставляли тщательно закалывать волосы. Знаменитый русский художник Д. Г. Левицкий оставил впечатляющую серию портретов воспитанниц Смольного института. Эта серия так и вошла в историю живописи под названием «Смолянки». (Иногда воспитанниц называли смолянками.) Наиболее известные портреты этой серии – «Портрет Е. Н. Хрущевой и княжны Е. Н. Хованской» и «Портрет Е. И. Молчановой».

В первый период своего существования выпуск осуществлялся один раз в три года, а с 1862 г. – ежегодно. Среди сотен учениц были и те, чьи имена остались в истории. Так, в списке 1793 г. мы найдём дочь фельдмаршала А. В. Суворова Наталью.

В выпуске 1806 г. числилась София Евстафьевна Пальменбах, дочь начальницы института; впоследствии она была замужем за Павлом Львовичем Батюшковым, дядей известного русского поэта. В 1809 г. институт окончила принцесса Луиза Карловна Бирон, внучка Эрнста-Иоганна фон Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны. В институте училась морганатическая супруга императора Александра II Екатерина Михайловна Долгорукова.

В 1836 г. институт окончила крестница императора Александра I Екатерина Ермолаевна Керн (1818–1904). Она родилась в семье генерала Е. Ф. Керна и А. П. Керн. В 1840 г. состоялась встреча Екатерины Ермолаевны с М. И. Глинкой. Знакомство переросло в любовь. Однако композитор был женат, а когда получил развод, то, как писал Михаил Иванович, «уж не было прежней поэзии и прежнего увлечения». В 1840 г. он написал романс «Я помню чудное мгновенье» на стихи

А. С. Пушкина. Великий поэт написал стихи, посвятив их Анне Павловне Керн, а великий композитор дополнил их музыкой с посвящением её дочери...

В 1848 г. институт окончила Елена Бурман (в замужестве – Молоховец), автор чрезвычайно популярной в России книги «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (1861). В 1867 г. институт окончила Мария Львовна Пушкина, племянница поэта, в 1913 г. – Нафисат, внучка знаменитого вождя кавказских горцев Шамиля. В 1900 г. одной из выпускниц стала Мария Добролюбова (1880–1906), родственница критика Н. А. Добролюбова. Её жизнь, кстати, сложилась трагически; спустя несколько лет она покончила с собой, не найдя в себе сил совершить теракт, порученный ей террористами-эсерами.

В 1895 г. выпускницей была Ксения Эрдели – арфистка, композитор, педагог, народная артистка СССР, основоположница советской школы исполнительства на арфе. В Смольном училась Елена Полтавцева, в будущем жена генерала Дмитрия Скобелева и мать генерала Михаила Скобелева. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она была начальницей лазарета. Воспитанницей Смольного была Екатерина Николаевна Вербицкая, мать поэта Велимира Хлебникова; она ушла на курсы медсестёр во время Русско-турецкой войны, так и не закончив обучения. В 1911 г. институт окончила Нина Комарова, писавшая под псевдонимом «Нина Хабиас», последовательница Алексея Крученых и одна из первых российских поэтесс-футуристок.

Выпускница 1914 г. баронесса София Николаевна де Бодэ вошла в историю как одна из очень немногих женщин, участвовавших в Первом Кубанском походе Добровольческой армии зимой-весной 1918 г. Так называли пеший Ледяной поход, вошедший в историю, а его участники стали легендами Белого движения; их называли первопоходниками. В эмиграции долгое время существовал «Союз Первопоходников».

Одной из последних в институт благородных девиц в 1914 г. поступила Мария Будберг (в девичестве Закревская), в будущем возлюбленная Максима Горького периода его пребывания в Италии. Писательница Н. П. Кончаловская вспоминает о ней в своих мемуарах «Кладовая памяти»: «Она была потомком графа Закревского, незаконного сына императрицы Елизаветы Петровны от фаворита Разумовского. Неуловимое сходство с Петром I становилось до смешного явным, стоило причесать её на прямой ряд, спустить волосы на уши, приклеить усы и подчеркнуть брови. На всех маскарадах она высту-

пала в образе Петра, чем вызывала восторг Алексея Максимовича. На одной из фотографий, хранящихся в архиве музея Горького, Мария Игнатьевна так и осталась жить в образе Петра». Дипломат, предположительно двойной агент – ОГПУ и английской разведки, – М. И. Будберг прожила бурную жизнь (1892–1974), перипетии которой нашли отражение в книге Нины Берберовой «Железная женщина».

За 155 лет существования Смольного института через него прошли 86 выпусков. Первый состоялся в 1776 г., 85-й (последний «питерский») – в 1917 г.

Именно тогда институт окончила 17-летняя Нина Владимировна Крубер, в замужестве Костенко-Радзиевская; она умерла в США в 2004 г. С её смертью оборвалась последняя живая нить, связывавшая нас со Смольным.

Летом 1917 г. воспитанницы института были переведены в другие учебные заведения. Здание было захвачено большевиками; там они готовили свою так называемую революцию, получившую впоследствии наименование «Великой Октябрьской социалистической».

Оно приглянулось им тем, что было полностью отремонтировано; было тёплым и уютным, имело электричество, паровое отопление, исправно работающий водопровод, наконец, это было очень значительное по своим размерам здание. Смольный стал «штабом революции» и даже главным её символом. Здесь долгие годы располагалась партийная власть города, и даже сейчас в здании находится резиденция губернатора Санкт-Петербурга.

Сам же институт благородных девиц во главе с княгиней В. В. Голицыной переехал в Новочеркасск, где в феврале 1919 г. состоялся его последний, 86-й выпуск. Летом 1919 г. институт покинул Россию и некоторое время продолжал свою работу в Сербии...

VI. М. П. ЛЕОНТЬЕВА: «ЗЛОЙ ГЕНИЙ УШИНСКОГО» ИЛИ САМООТВЕРЖЕННАЯ ТРУЖЕНИЦА НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ?

Для того чтобы ответить на вопрос, вынесенный в название этого раздела нашей книги, необходимо рассказать об этой незаурядной женщине, прожившей жизнь долгую, цельную и полезную для общества и близких ей людей. Мария Павловна родилась в имении Бельково Солигаличского уезда Костромской губернии 24 марта (4 апреля)

1792 г. в семье надворного советника²³ Павла Антоновича Шипова (1772–1827) и его жены Елизаветы Сергеевны, урождённой Щуплепниковой (? – 1808).

Мария была вторым ребёнком и старшей дочерью в семье. У неё было пять братьев и три сестры: Сергей (1790–1876), Иван (1793–1845), Надежда (1795–1877), Елизавета (1796–1883), Александр (1800–1878), Домна (1802–1862), Дмитрий (1805–1882), Николай (1806–1887). До восьми лет Мария росла в кругу семьи под надзором матери, женщины умной, образованной и религиозной, стремившейся развивать в детях религиозные чувства.

В итоге все дети получили хорошее образование. Мария уже в 7 лет свободно говорила по-французски, увлекалась музыкой и рисованием. В январе 1800 г. она была определена в число воспитанниц Смольного института благородных девиц, который окончила с отличием в 1809 г. с получением 3-го шифра.

Вскоре после выпуска Мария Шипова была назначена фрейлиной великой княгини Екатерины Павловны, дочери покойного императора Павла I. Одним из первых выездов Марии за пределы Санкт-Петербурга вместе со своей патронессой и её мужем, принцем Георгием Петровичем Ольденбургским, была поездка в Тверь.

В преддверии войны с Наполеоном император поставил перед принцем задачу сформировать в этом городе отряды народного ополчения. В Твери 18-летняя фрейлина Шипова познакомилась со своим будущим мужем, руководившим постройкой Тихвинского канала, 38-летним Николаем Николаевичем Леонтьевым (1772–1827). Тихвинская водная система, наряду с Мариинской и Вышневолоцкой, являлась важным средством сообщения и торговым путём, соединявшим Волгу с Балтийским морем. Движение по каналу было открыто в 1811 г.

Тайный советник, камергер императорского двора, генерал-майор – все эти почётные и заслуженные Н. Н. Леонтьевым звания остались в прошлом, а вот память о нём как об одном из первых российских дипломированных инженеров, как о человеке, которому было поручено ответственное задание, имевшее государственное значение, сохранилась в благодарной памяти потомков и в российской истории.

Первая жена Н. Н. Леонтьева, Софья Ивановна, урождённая Крок (1776–1809), умерла, оставив трёх сыновей. (Между прочим, декабрист П. И. Пестель приходился ей племянником.)

²³ Гражданский чин 7-го класса в Табели о рангах в Российской империи, обладателем которого был П. А. Шипов, соответствовал воинскому чину подполковника и предполагал официальное обращение «Ваше высокоблагородие».

Вскоре работы по проведению Тихвинского канала были окончены, и генерал Леонтьев незамедлительно вышел в отставку. Супруги попеременно жили в двух, очень небогатых, имениях генерала. Первое называлось Рыскино и располагалось в Пензенской губернии, на берегу живописной речки Шадымки²⁴. Второе имение представляло собой мызу, т. е. отдельно от другого жилья стоящую усадьбу с хозяйством, а также деревню Сумино в Петергофском уезде Санкт-Петербургской губернии²⁵.

Воспитание детей, а именно обучение их живописи, английскому языку и игре на музыкальных инструментах, наполняло жизнь Марии Павловны. К её малолетним пасынкам и своему сыну Владимиру, ставшем морским офицером, были приставлены учителя и гувернёры.

Кроме того, она взяла к себе на воспитание двух младших детей своих братьев. Всех шестерых она вывела в люди, дала образование и устроила их судьбы.

Казалось бы, её собственная жизнь окончательно определилась, и всё и в дальнейшем должно было идти так, как шло прежде. Однако она терпела однообразную деревенскую жизнь лишь до тех пор, пока жив был муж. Овдовев, она вместе с детьми переселилась в 1830 г. в Санкт-Петербург. В столице она быстро восстановила прежние полезные великосветские знакомства и зарекомендовала себя в глазах императорской семьи с самой положительной стороны.

В 1838 г. Мария Павловна была назначена гофмейстериней двора великой княгини Марии Николаевны, сестры будущего императора

²⁴ Ныне это село входит в состав Казенно-Майданского сельского поселения Ковылкинского района Республики Мордовия.

²⁵ В своё время Пётр I пожаловал это имение стольнику Осипу Романовичу Леонтьеву, прадеду Николая Николаевича. Согласно 6-й ревизии 1811 г. мыза и деревня Сумино принадлежали тайному советнику Николаю Васильевичу Леонтьеву, отцу Николая Николаевича. Согласно 10-й ревизии 1856 г. мыза, деревня Сумино и соседняя деревня Горье принадлежали помещице Марии Павловне Леонтьевой [ЦГИА СПб. Фонд 1644. Опись 1. Дело 574 Ревизская сказка на дворовых и крестьян мызы Сумино и д.д. Сумино и Горье помещицы Леонтьевой Марии Павловны]. В 1876 г. временнообязанные крестьяне деревни выкупили свои земельные наделы у сына Марии Павловны Владимира и стали собственниками земли. В 1885 г. в деревне было 19 дворов. После смерти Владимира Николаевича Леонтьева (1812 – ?) его дочь Мария Владимировна продала имение гвардии капитану Петру Павловичу Герингу, который построил здесь кирпичный завод. Ныне это посёлок в Клопицком сельском поселении Воловского района Ленинградской области.

Александра II. Мария Николаевна была первой хозяйкой дворца в Санкт-Петербурге, который получил название *Маринский* именно в честь неё.

Высокая придворная должность гофмейстерины состояла в заведении придворным дамским штатом и канцелярией императриц или великих княгинь. Фактически М. П. Леонтьева была главным советником и ближайшей подругой великой княгини. Важной повседневной обязанностью гофмейстерины было представление дам, являвшихся на аудиенцию. Эта должность должна была бы стать вершиной служебной карьеры Марии Павловны, которой в то время уже шёл 47-й год.

Судьбой, однако, ей было предначертано куда более значительное предназначение. Так что в должности гофмейстерины она пробыла совсем недолго. Свидетельством того, что она пользовалась уважением и признанием в императорской семье, служит такой факт. В день свадьбы Марии Николаевны и Максимилиана Лейхтенбергского в 1839 г. Леонтьева получила от её отца, императора Николая I, золотой браслет, украшенный драгоценными камнями.

Как раз в это время начальница Смольного института Юлия Фёдоровна Адлерберг (урождённая Анна Шарлотта Юлиана Багговут, 1760–1839) задумалась над тем, чтобы подготовить себе преемницу. Она обратилась к императрице Александре Фёдоровне с просьбой назначить ей помощницу, а фактически – преемницу. Выбор пал на М. П. Леонтьеву.

Помощницей Мария Павловна пробыла один год, и, когда Юлия Фёдоровна скончалась, 21 сентября 1839 г. последовало Высочайшее повеление о назначении М. П. Леонтьевой начальницей Смольного института с годовым окладом в 6 000 рублей. Вскоре, 23 ноября 1839 г., она получила малый крест ордена Святой Екатерины. С этого времени началась её многолетняя, ответственная и многотрудная деятельность в должности начальницы института.

Как вспоминали современники, Мария Павловна вставала между 6 и 7 утра, обходила все дортуары (спальные комнаты), проверяла качество блюд в столовой, принимала доклады служащих и отчёты классных дам о поведении воспитанниц, делала свои замечания и распоряжения.

Она была настолько поглощена своей работой, что, даже уезжая летом на какие-то две недели в отпуск, неизменно возвращалась раньше срока. Особое внимание Леонтьева обращала на воспитатель-

ную сторону подготовки девушек. Её любимыми учебными предметами были иностранные языки и музыка, поэтому к их преподаванию она предъявляла особенно высокие требования.

На период правления Леонтьевой пришлась учебная реформа, произведённая в Смольном инспектором классов (т. е. заведующим учебной работой) К. Д. Ушинским. Он устранил сословное разделение, ввёл практику преподавания учебных предметов на русском языке. Воспитанницы получили право проводить каникулы и праздники у родителей.

Это нововведение особенно не нравилось М. П. Леонтьевой, поскольку оно разрушало саму идею формирования «новой породы людей», идею, которая была положена в основу деятельности Смольного ещё самой императрицей Екатериной II и незабвенным Иваном Ивановичем Бецким. Да и все другие нововведения, самым кардинальным образом изменившие уклад жизни Смольного, самым решительным образом не соответствовали убеждениям Леонтьевой.

У Марии Павловны были свои взгляды на учебный и воспитательный процесс, не совпадавшие со взглядами К. Д. Ушинского, человека другого поколения и другого направления мыслей и поступков. Для Марии Павловны, уже немолодой женщины, эти изменения в привычном укладе жизни ставшего ей столь родным Смольного были совсем некстати. Она обвинила Ушинского в вольнодумстве, а институтский священник написал на него донос. Конфликт между ними привёл к публичным обвинениям друг друга в присутствии императрицы Марии Александровны, супруги Александра II.

Инцидент дорого стоил обоим: у Ушинского стал стремительно развиваться туберкулёз, чахотка, как его тогда называли; свидетельством тому стали приступы с выделением крови. 70-летняя Мария Павловна перенесла нервный срыв, и, возможно, не один. Все эти бурные события привели к отставке Ушинского. Уже позже Леонтьева отзывалась о нём как об умном, но гордом человеке.

В 1863 г. было торжественно отпраздновано двадцать пять лет деятельности Леонтьевой в должности помощницы и начальницы Смольного. Императрица подарила ей золотой с бриллиантовым вензелем браслет. 5 мая 1864 г. Мария Павловна была пожалована в статс-дамы, а это было высшее придворное звание женщины из привилегированного сословия, состоящей в свите царствующей особы или великой княгини.

Любопытны воспоминания воспитанницы Смольного института, ученицы, а в дальнейшем супруги преподавателя Василия Ивановича

Водовозова Елизаветы Николаевны Цевловской (в супружестве Водовозовой).

В своих неоднократно издававшихся мемуарах «На заре жизни и другие воспоминания» она писала о Леонтьевой следующее: «Она действительно была немаловажной особой: начальница старейшего и самого большого из всех институтов России, она и помимо этого имела большое значение по своей прежней придворной службе, а также и вследствие покровительства, оказываемого ей последовательно тремя государынями; она имела право вести переписку с их величествами и при желании получать у них аудиенцию. К тому же Леонтьева имела огромные связи не только при нескольких царственных дворах, но и вела знакомство с высокопоставленными лицами светского и духовного звания. Своего значения она никогда не забывала: этому сильно помогали огромное население двух институтов и большой штат классных дам и всевозможных служащих той и другой половины Смольного, которые раболепно пресмыкались перед нею... Леонтьева – осколок старины глубокой, особа с допотопными традициями и взглядами, с манерами, до комизма чопорными, с придворным высокомерием, с ханжеской моралью, требующая от каждого полного подчинения своему авторитету и подобострастного поклонения перед каждым своим словом».

Понятно, что воспоминания Е. Н. Водовозовой и характеристика, данная ею М. П. Леонтьевой, весьма пристрастны и очень субъективны; Елизавета Николаевна была верной ученицей и поклонницей К. Д. Ушинского и воспринимала всех его недоброжелателей как своих личных недругов.

В мае 1870 г. Леонтьева сильно простудилась при освящении прачечной в холодный ветреный день и серьёзно заболела, но почти не лечилась. Уступая настояниям друзей, она пригласила знаменитого врача Сергея Петровича Боткина, который осмотрел её и прописал ей лекарство. Но оно не понравилось ей из-за входившего в его состав опиума. Поэтому она просила институтского врача, доктора Зандера, вычеркнуть из рецепта наркотическое средство.

После лечения ей на некоторое время стало лучше, но прежние силы уже не вернулись. 18 (30) мая 1874 г. М. П. Леонтьева скоропостижно скончалась. Накануне кончины она проводила экзамен и даже в день смерти находилась в институте, где, как обычно, принимала рапорты и отдавала распоряжения.

М. П. Леонтьева подготовила достойную преемницу – Ольгу Александровну Томилову (урождённую Энгельгардт) (1822–1894),

выпускницу института 1839 г. В январе 1873 г. О. А. Томилова была утверждена в должности помощницы, а после смерти М. П. Леонтьевой стала начальницей Смольного и находилась в этой должности по 1886 г.

В течение всей своей 36-летней службы в должности начальницы Смольного института М. П. Леонтьева не требовала никаких расходов лично для себя.

После смерти М. П. Леонтьевой в её письменном столе нашли всего 50 рублей. Это были все её личные деньги. Поэтому по ходатайству члена Совета по хозяйственной части А. Г. Евреинова расходы по случаю похорон Леонтьевой казна взяла на себя.

М. П. Леонтьева была похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

Едва ли могут быть какие-то сомнения в том, что Мария Павловна Леонтьева прожила достойную жизнь и заслуживает благодарной памяти потомков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Помелов Владимир Борисович родился 8.VII.1953 г. в г. Веймар (ГДР). Работал учителем в Нижнеивкинской (1975–1979) и Опаринской школах (1979–1981). В КГПИ (ВятГУ) с 1981 г.: проректор по учебной работе (1987–1996), декан педагогического факультета (1999–2009); с 2009 г. профессор кафедры педагогики.

Доктор педагогических наук (1999), профессор (2000). Отличник народного просвещения РФ (1994), почётный работник высшей школы РФ (2003), кавалер медали К.Д. Ушинского (2007). Член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Международной академии наук педагогического образования. Победитель конкурса научных работ («Учёный года ВятГГУ-2013»). Заслуженный работник ВятГГУ (2016). Лауреат общественной премии «Вятский горожанин» (2014). Член комиссии по присвоению звания «Почётный житель г. Кирова» (с 2007). Член редколлегии журналов «Педагогика. Вопросы теории и практики» (Тамбов), «Вестник ВятГУ» (Киров); член ред. совета журналов «Медицинское образование сегодня» (Киров, КГМУ) и «Историко-педагогический журнал» (Н. Тагил). Участник 160 научных конференций.

Автор более 600 публикаций, в том числе в «Росс. пед. энциклопедии», «Росс. энциклопедическом. пед. словаре», «Энциклопедии Земли Вятской» (статьи в 3-х томах). Публиковался более чем в 40 журналах, в том числе, в «ELPIS» (Польша), «Linguae» (Словакия), «History of education and children's literature» (Италия), «Советская педагогика», «Педагогика», «Спутник агитатора», «Воспитание школьников», «Начальная школа», «Народное образование», «Педагогика. Общество. Право», «Перспективы науки и образования», «Вестник Академии туризма и краеведения», «Профессионально-техническое образование», «Воспитание детей и подростков», «Вопросы психологии», «Вопросы педагогики», «Историко-педагогический журнал», «Панорама», «Парк развлечений», «Вестник гуманитарного образования», «Гуманитарный трактат», «Заметки учёного», «Педагогическое искусство», «Вестник Омского ГПУ», «Вестник Шадринского ГПУ», «Ярославский пед. вестник», «Вестник МарГУ», «Вестник МГОСГИ», «Символ науки», «Педагогика. Вопросы теории и практики», «Медицинское образование сегодня», «Вестник ВятГГУ (ВятГУ)», «Вестник

Самарского ГТУ», «Концепт», «Образование в Кировской области», «Сибирский учитель» и др.

Автор книг «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров, – далее К., 1993), «Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX–1917 г.» (К., 1998), «Российские педагоги второй половины XIX–начала XX вв.» (К., 2000), «Воспитание деловых качеств у школьников» (Москва, – далее М., 1988), «Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные учёные–педагоги» (К., 2007), «История образования в Вятском крае в XIV–XVIII вв.» (К., 2011), «Российские педагоги: XIX–XX вв.» (К., 2012), «История Вятского образования: XIV–XXI вв.» (К., 2013), «Педагогика и психология» (К., 2013), «Российская педагогика в лицах» (Саарбрюккен, 2013), «Просветительство русской православной церкви в российской провинции» (Саарбрюккен, 2013), «100 великих педагогов» (М., «Вече», 2018), «100 великих детей» (М., 2021), «Когда победы были большими... Очерки о вятских футболистах» (К., 2018), «Просвещение нерусских народов Вятского края» (XIX–начало XX вв.) (К., 2018), «Просвещение в Вятском крае (XIV–начало XX в.)» (К., 2019), «Просветители и педагоги-методисты Вятского края» (К., 2019), «У истоков высшего образования на Вятке» (К., 2019), «Вятские педагоги и психологи» (К., 2019), «Традиция гуманизма в истории зарубежного образования» (К., 2020), «Тенденции развития российского образования первой половины XX в.» (К., 2020), «Российская прогрессивная педагогика второй половины XIX в.» (К., 2020), «Историко-педагогическая регионолистика» (К., 2020), «А.С. Макаренко и его педагогическое наследие» (К., 2021).

Соавтор книг «Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX–90-е гг. XX в.)» (М., 1997), «Воспитание всесторонне развитой личности школьника в процессе трудовой деятельности» (Кишинёв, 1989), «Ученическое самоуправление в школе: сегодня и завтра» (Киев, 1989), «Религии народов Вятского края» (К., 2009), «Кировский педагогический» (К., 1989), «Преподаватели ВятГГУ» (К., 2004), «Ректоры ВятГГУ» (К., 2004), «Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004» (К., 2004) и др.

Научное издание

Помелов Владимир Борисович

ЖИЗНЬ К. Д. УШИНСКОГО

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 20.03.2023

Выход в свет 14.08.2023

Формат 60×84/16

Печать цифровая

Бумага для офисной техники

Усл. печ. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Заказ № 111

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru

Тел. (8332) 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в Центре полиграфических услуг

Вятского государственного университета,

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович

доктор педагогических наук, профессор,
профессор ФГБОУ ВО «Вятский государственный
университет»

9 785982 282620

Портреты на обложке

Вверху слева направо: К. Д. Ушинский, Д. Г. Ушинский,
Л. С. Ушинская, Н. С. Ушинская. Внизу слева направо:
Павлик Ушинский, П. Г. Редкин, Т. Н. Грановский,
А. А. Потехин. Слева сверху вниз: Л. Н. Модзалевский,
Я. П. Пугачевский, Н. И. Пирогов. Справа сверху вниз:
Д. Д. Семёнов, В. И. Водовозов, Н. А. Корф